„Пров 49“66 /213

ОБЩЕСТВЕННОЕ

ВОСПИТАНІЕ

ВЪ

РОССІИ.

Ѳ. УМАНЦА.

2 2 4

DRESDE.

IMPRIMERIE E. BLOCHMANN ET FILS.

1867.

2 экз
У

Б... ...ТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

064
31

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 1

I. Лицеи и университеты 5

II. Задача университетскихъ экзаменовъ . . 39

III. Церковь и воспитаніе 78

IV. Уставъ гимназіи и прогимназіи 1864 г. . 123

1. Воспитаніе классическое и реальное — 126. 2. Реальное воспитаніе по „Уставу 1864 г.“ — 161. 3. Система учебныхъ заведеній должна сообразоваться съ естественнымъ раздѣленіемъ молодаго поколѣнія на два возраста — 164. 4. Самостоятельность школьныхъ корпорацій — 171.

Часто слышны у насъ жалобы на недостатокъ энергіи и талантовъ въ русской жизни, на религіозный индиферентизмъ образованнаго класса, на шаткость нашихъ убѣжденій и на равнодушіе русскаго народа къ общественной дѣятельности. Но напрасно стали бы относить все это къ прирожденнымъ свойствамъ русского ума. Родина Петра В. и его сподвижниковъ не можетъ быть обвинена въ недостаткѣ энергіи; народъ ознаменовавшій свою исторію „вѣкомъ Екатерины“ не долженъ терпѣть недостатка въ талантахъ; народъ воспитавшій поколѣнія Курбскаго, Острожскаго, Минина нельзя обвинить ни въ религіозномъ индиферентизмѣ, ни въ равнодушіи къ общественной дѣятельности....

Не заключается ли въ системѣ нашего общественнаго воспитанія одна изъ главныхъ причинъ современной духовной нищеты нашей общественной и политической жизни? Школа

всегда была и будетъ резервуаромъ народныхъ силъ; ея вліяніе чувствуется во всѣхъ направленіяхъ; ея послѣдствія достигаютъ самыхъ отдаленныхъ поколѣній..... Вспомнимъ что существуетъ полнѣйшая аналогія между общественнымъ воспитаніемъ и народной жизнью — и мы должны согласиться съ тѣмъ, что всѣ недостатки нашей общественной жизни коренятся въ школѣ и что исторія народа являетъ здѣсь свою неумолимую послѣдовательность.

Мало найдется утѣшительною въ прошедшемъ русского общественного воспитанія. Мы видимъ что въ теченіи полутора вѣка все было сдѣлано для того, чтобы обезличить образованный классъ русского народа, порвать въ немъ чутье народного исторического развитія, сдѣлать изъ него нѣмецкого чиновника, французского маркиза или пародію англійского землевладѣльца. Если онъ не сдѣлался ни тѣмъ, ни другимъ, то это должно приписать или особенностямъ великорусской равнины: ее сѣрому небу, безконечной однообразной дали и равнодушной природѣ, или тому счастливому обстоятельству, что русскій человѣкъ вообще „хотя и плохо скроенъ, но крѣпко сшитъ“.

Но народная жизнь, послѣдовательная вообще, отличается неумолимой логикой въ дѣлѣ

общественнаго воспитанія и потому, на этомъ пути нельзя ошибаться безнаказанно. Быть можетъ новыя поколѣнія русскихъ людей несутъ на себѣ всю тяжесть старыхъ ошибокъ. Напримѣръ. Современный религіозный индиферентизмъ православнаго общества не есть ли прямое слѣдствіе отчужденія мірянъ отъ церковнаго дѣла, однимъ изъ видовъ котораго является отдѣленіе нашего духовнаго общественнаго воспитанія отъ нашего свѣтскаго воспитанія. Недостатокъ энергіи въ образованномъ классѣ легко объясняется тѣмъ, что наша новѣйшая школа, стараясь управлять воспитанникомъ, ничѣмъ не вызываетъ его индивидуальности. Шаткость убѣжденій прививается шаткостью основаній нашего общественнаго воспитанія. Наше равнодушіе къ общественной дѣятельности, кромѣ причинъ находящихся внѣ школы, безъсомнѣнія зависитъ и отъ того, что современная русская школа не можетъ считаться общественнымъ учрежденіемъ. Напротивъ — она совершенно чужда обществу и потому, хотя ученіе и можетъ породить въ душѣ воспитанника жажду дѣятельности, но вся совокупность нашей школьной и общественной жизни не можетъ развить въ немъ тотъ равный гражданскій

инстинктъ, безъ котораго возможны увлеченія, но невозможна земская служба.

Понятно, что всѣ предпринятыя въ послѣднее время преобразованія сдѣлаютъ свое дѣло только вполовину или вовсе ничего не сдѣлаютъ, если ихъ развитіе не найдетъ своей поддержки въ системѣ нашего общественнаго воспитанія. Слѣдовательно начала децентрализаціи, самоуправленія и личной свободы, вносимыя теперь во жизнь русского народа, должны вызвать соотвѣтствующія явленія и въ системѣ русскихъ учебныхъ заведеній. Въ противномъ случаѣ или общественное воспитаніе будетъ идти въ разладъ съ требованіями общественной жизни, или самая благодѣтельная реформа заглохнетъ среди неспособного поддержать ее общества. Она должна заглохнуть, потому что „одинъ въ полѣ не воинъ“.—

И такъ, мы смотримъ на наши учебныя заведенія, какъ на политическія учрежденія нашего отечества, которымъ ввѣрена будущность вносимыхъ въ современную русскую жизнь преобразованій, частные интересы безчисленнаго множества семействъ и вся судьба русского народа.

Но если смотрѣть съ этой точки на систему нашихъ учебныхъ заведеній, то многаго оста-

ется пожелать во многомъ можно усумниться. Стоитъ только взглянуть на политическія обстоятельства, на отношенія славянскихъ племенъ, на религіозный вопросъ предчувствуемый Европой, на массу внутреннихъ преобразованій безвозвратно измѣнившихъ всю обстановку нашей общественной жизни, для того чтобы понять на сколько принятая въ XVIII вѣкѣ система духовно-дворянского воспитанія неудовлетворяетъ современнымъ потребностямъ русского народа или — выражаясь языкомъ нашихъ предковъ — на сколько ея „на Государево дѣло не станетъ“.

Все это должно объяснить читателю поводы послужившіе къ изданію этой книги. —

Дрезденъ, $^{7}/_{19}$ Іюня 1867.

I.

Лицеи и Университеты.

Потребность, которой удовлетворяютъ наши университеты и отношеніе ихъ къ другимъ учебнымъ заведеніямъ, — вотъ вопросъ, останавливающій сначала наше вниманіе. Прежде всего должно рѣшить: могутъ ли въ нашихъ университетахъ имѣть мѣсто воспитательныя стремленія англійскихъ, или они имѣютъ единственной цѣлью образованіе спеціалистовъ, обработку науки и непосредственное распространеніе ея въ обществѣ? Для рѣшенія этого вопроса нужно взглянуть на всю систему нашего воспитанія.

Начавъ говорить о воспитаніи невольно обращаешся къ англійскому обществу, потому что оно одно имѣетъ разумную и оправданную исторіей систему воспитанія. Хотя русская публика довольно знакома съ ней, я позволю себѣ сдѣлать небольшой очеркъ этой системы.

Англійское воспитаніе стремится къ образованію въ человѣкѣ характера, а не къ одному механическому обученію. Оно достигаетъ своей цѣли двумя путями: ученіемъ и школьной обстановкой.

Обстановка англійскихъ школъ даритъ воспитаннику свѣтлыя, поэтическія впечатлѣнія и дѣлаетъ для него школу чѣмъ то близкимъ, роднымъ. Недаромъ англичане свято хранятъ въ своихъ воспоминаніяхъ и роскидистыя ивы итонского парка и дѣтскія прогулки по живописнымъ окрестностямъ. Поэзія этихъ прогулокъ не отравляется мелкимъ полицейскомъ надзоромъ и дѣти рано пріучаются руководить себя на столько страхомъ, сколько чувствомъ чести заставляющимъ ихъ стараться оправдать довѣріе старшихъ. Свобода и просторъ поддерживаютъ въ воспитанникахъ этихъ школъ тѣлесную и душевную бодрость и вызываютъ энергію. Бюсты великихъ англичанъ разставлены по стѣнамъ классовъ; имена великихъ воспитанниковъ ихъ же рукой вырѣзаны по скамьяхъ. Сколько животворящихъ думъ навѣваютъ они на душу юноши, когда онъ станетъ понимать ихъ дѣла! Онъ поищетъ въ себѣ мотивовъ Байрона, Веллингтона, Пилля. Не найдя ихъ генія, найдетъ въ себѣ предан-

ность ихъ дѣлу, найдетъ цѣль жизни и смѣло, сознательно пойдетъ къ ней. Такъ, подъ вліяніемъ обстановки, слагается характеръ человѣка.

Ученіе въ англійскихъ школахъ основано на слѣдующихъ началахъ. Тамъ учатъ немногому, но это немногое выбрано такъ хорошо и изучается такъ основательно, что оно для каждаго воспитанника составляетъ прочную основу образованія. Лишнихъ предметовъ вовсе нѣтъ. Библія, классическія языки и математика составляютъ почти единственные предметы преподаванія. Законъ Божій преподается тамъ прямо по Библіи. Евангеліе невольно оставляетъ нравственное впечатлѣніе въ душѣ воспитанника и роднитъ его съ религіей, между тѣмъ, какъ механическое изученіе библейскихъ компиляцій ведетъ совсѣмъ въ другую сторону. Библія въ англійскихъ школахъ не стоитъ на ряду съ другими предметами — это отдѣлъ ежедневной молитвы. Надобно желать, чтобы и у насъ болѣе обращали вниманія на самую важную книгу христіанства.

Въ англичанинѣ-ребенкѣ школа всегда уважаетъ человѣка и не требуетъ отъ него невозможнаго. Уваженіе человѣческихъ слабостей доходитъ здѣсь до того, что отъ воспитанниковъ неспособныхъ къ математикѣ, требу-

ется менѣе, нежели отъ способныхъ. Это чрезвычайно законно, потому что есть люди имѣющіе рѣшительное отвращеніе отъ математики. Да и объемъ всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ англійскихъ школахъ, не такъ великъ чтобы отяготить воспитанниковъ. Это избавляетъ ихъ отъ мелкихъ, унижающихъ душу уловокъ, встрѣчающихся на каждомъ шагу въ нашей школьной жизни.

При опредѣленіи въ школу, ученикъ совершенно отдается у насъ произволу начальника, который можетъ любить его и не любить, наказывать и прощать, иногда, совершенно произвольно. Лица, которымъ извѣстны поступки начальника и которые заинтересованы ими — мѣстное общество — не имѣютъ на директора ни малѣйшаго вліянія; онъ, на дѣлѣ, подчиненъ только ревизору изрѣдка объѣзжающему округъ. Но въ Англіи и надъ школой господствуетъ контроль общественного мнѣнія, а въ школѣ такая же законность, какъ и въ частной жизни. Она не можетъ въ ней не господствовать потому что директоромъ назначается здѣсь тотъ, на кого указываетъ общественное мнѣніе.

Не удивительно если воспитанники англійскихъ школъ отличаются чувствами джентль-

мена. Общій голосъ приписываетъ имъ честность, любовь къ родинѣ, уваженіе человѣка въ другомъ и самоуваженіе, основанное на чувствѣ исполненнаго долга. Прибавте къ этому основательное классическое образованіе и умѣнье держать себя, и вотъ передъ вами идеалъ джентльмена, типъ гражданина Англіи.

Университеты Англіи преслѣдуютъ ту же идею, какъ и школы. Это заведенія воспитательныя, а потому и положеніе англійскаго студента, также какъ и воспитанника школы, нѣсколько стѣснено; но эти стѣсненія полезны и даже необходимы, потому что въ 15—17 лѣтъ (возрастъ большинства поступающихъ въ англійскіе университеты) человѣкъ еще не можетъ быть полноправнымъ гражданиномъ. Ни въ одной демократіи шестнадцатилѣтніе не подовали голоса въ народныхъ собраніяхъ, потому что ихъ признавали еще не вполнѣ развитыми для гражданской полноправности. Въ этомъ возрастѣ еще необходимо что нибудь, что сдерживало бы и руководило молодого человѣка. Коллегіальное устройство англійскихъ университетовъ, какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ этой потребности. Оттого въ англійскихъ университетахъ не можетъ имѣть мѣсто распущенность нравовъ; ей противудѣйствуетъ: строгость

коллегіальныхъ обычаевъ, надзоръ декана и туторовъ, общій столъ, общая молитва. Туторъ не полицейскій чиновникъ (какъ мы привыкли видѣть въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ); онъ руководитъ занятіями студентовъ; къ нему можно обратиться за совѣтомъ, который всегда необходимъ для начинающого и онъ же оканчиваетъ предварительное образованіе недостаточно приготовленныхъ къ университету. Особенно важно то, что туторъ самъ принадлежалъ когда то къ числу лучшихъ студентовъ этаго университета. Это чрезвычайно усиливаетъ достоинство его нравственной цензуры. Коллегіальная дисциплина спасаетъ извѣстный возрастъ (отъ 15 до 20 лѣтъ) отъ того преждевременного наслажденія жизнью, которое такъ губительно дѣйствуетъ на молодое поколѣніе.

Англійскіе университеты упрекаютъ въ томъ что ихъ студенты менѣе развиты, нежели на континентѣ. Упрекъ было бы справедливъ, если бы студенты Германіи и Франціи были одного возраста съ англійскими. Тѣ гораздо старше. Къ тому же мы имѣемъ довольно неопредѣленное понятіе о развитіи. Развитымъ нельзя еще назвать молодого человѣка, который, нахватавшись вершковъ, и ничего не обдумавъ, отступитъ отъ авторитетовъ или на обумъ при-

метъ модныя убѣжденія. Жизнь должно своевременно развить человѣка.

Факультетское раздѣленіе едва замѣтно въ англійскихъ университетахъ. Только на двухъ послѣднихъ курсахъ проглядываютъ оттѣнки факультетовъ. Конечно, это сильное доказательство неразвитости англійскихъ студентовъ, потому что ихъ не признаютъ способными, рѣшительнымъ выборомъ факультета, разъ на всегда опредѣлить свою будущность. Но Англичане правы. Для того чтобы выбрать карьеру богослова, медика, математика, юриста, нужно сознаніе долга, зрѣлый взглядъ на обязанности медика, учителя, адвоката, пастора и главное надобно пониманіе своего призванія. Нельзя ожидать такого развитія въ 15, 16 лѣтъ отъ человѣка не имѣющаго понятія о жизни. Отъ этого происходитъ то, что студенты нашихъ университетовъ такъ часто мѣняютъ факультетъ. Очень многіе изъ нихъ выбираютъ его не сознательно а случайно. Примѣръ товарищей и совѣтъ родителей можетъ бросить человѣка на такую дорогу, которая вовсе не согласна съ его наклонностями. Энергію такого спеціалиста не будутъ поддерживать ни наклонности, ни расчетъ и ему нужно будетъ или принудить себя заниматься предме-

томъ къ которому онъ не чувствуетъ склонности, или перемѣнить факультетъ. Въ нашихъ университетахъ, наполненныхъ такими ранними спеціалистами, мы видимъ это на каждомъ шагу.

Чѣмъ позднѣй рѣшительный выборъ спеціальности, тѣмъ лучше. Человѣкъ созрѣвшій, имѣвшій время узнать практическую жизнь, можетъ выбрать себя карьеру даже по расчету. Не имѣя ни къ чему рѣшительного призванія, онъ все таки будетъ полезенъ на своей дорогѣ, потому что личные интересы замѣнятъ ему, отчасти, призваніе; но въ 15, 16 лѣтъ расчетъ непозволителенъ; въ эти лѣта онъ еще не можетъ быть такъ основателенъ, чтобы ручаться за будущее.

Англичане, отдаливъ выборъ спеціальности до болѣе зрѣлого возраста, избавляютъ человѣка отъ непроизвольныхъ ошибокъ и насилія надъ своей природой. Но надобно замѣтить что частныя самостоятельныя занятія, въ которыхъ совершеноо правильно и свободно выражаются спеціальныя наклонности человѣка, въ полномъ ходу въ англійскихъ университетахъ. Ихъ вызываетъ обиліе пособій находящихся подъ рукой у студента, общественное мнѣніе товарищеского кружка, медали, стипендіи, поощренія. Но главное поощреніе къ самостоятельнымъ

занятіямъ состоитъ въ томъ, что обязательныя занятія не отнимаютъ у студентовъ всего времени. Къ концу университета англичанинъ, самъ того не замѣчая, дѣлается спеціалистомъ, потому что у него мало по малу опредѣляется группа предметовъ, которыми онъ занимается съ особенной охотой.

Англійскіе университеты даютъ степени своимъ воспитанникамъ. Хотя съ этими степенями не связано никакихъ особенныхъ правъ по службѣ, но общественное мнѣніе требуетъ отъ каждаго, воспитанника университета степень бакалавра. Этотъ титулъ краснорѣчиво говоритъ обществу, что молодой человѣкъ не даромъ былъ въ университетѣ, потому что онъ выработалъ для себя общее образованіе, которое ручается за проведенные съ пользой молодые годы.

Спеціальное образованіе англичане кончаютъ подъ руководствомъ какого нибудь извѣстного спеціалиста-практика. Кромѣ того молодые адвокаты прилежно посѣщаютъ суды и парламентъ, а доктора занимаются практически медициной. Наконецъ всѣ достаточные англичане ѣдутъ путешествовать и слушать лекціи въ заграничныхъ университетовъ. Вотъ послѣдняя, самая продолжительная школа, черезъ

которую проходитъ образованный англичанинъ. Эта школа — жизнь и наука.

И такъ, въ дѣлѣ спеціальнаго образованія, Англія все предоставило личной энергіи, — и ни одна страна въ мірѣ не имѣетъ столько знаменитыхъ адвокатовъ, медиковъ, инжинеровъ, государственныхъ людей и ученыхъ.

Нельзя не обратить вниманія еще на одну черту въ системѣ англійскаго, національнаго воспитанія. Эта страна не знаетъ заведеній, гдѣ дѣтямъ даютъ спеціальное воспитаніе; но отъ этого вовсе не страдаютъ ея государственные интересы. Развѣ ея офицеры уступаютъ воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ? Англія обязана своей гражданской и военной словой, не спеціальнымъ заведеніямъ а духу просвѣщенного патріотизма, почерпаемому ея гражданами въ гуманности учрежденій ихъ родины, въ особенности въ народномъ воспитаніи. Если бы это было не такъ, лордъ Веллингтонъ не сказалъ бы, что онъ выигралъ въ Итонѣ Ватерлосскую битву. Итонская коллегія не кадетскій корпусъ. Въ ней не читаютъ ни тактики, ни фортификаціи. Но воспитаніе получаемое въ Итонѣ образовываетъ англійскій характеръ и развиваетъ англійскій умъ, которымъ было суждено побѣдить Наполеона.

Англичане не ошиблись устранивъ спеціальность въ дѣлѣ воспитанія. Получить военное образованіе во всякое время не трудно для человѣка призванного на эту дорогу, потому что изучить тактику и фортификацію никогда не поздно. Къ чему же съ дѣтства вести человѣка по извѣстной спеціальной дорогѣ? Конечно геній, хотя на скоро, но всегда найдетъ свою истинную дорогу, не смотря ни на какія препятствія. Изъ Шиллера не сдѣлала военного и штутгардская академія. Но нельзя этого сказать о людяхъ болѣе обыкновенныхъ. Ихъ талантъ менѣе сильный, но все таки полезный на своемъ мѣстѣ, можетъ совершенно погибнуть только отъ того, что воспитаніе подавитъ его первые проблески. Любопытно знать что вышло бы изъ Потемкина если бы его не исключили изъ духовною званія.

Говорятъ что англійскіе школы и университеты такъ своеобразны, что годятся только для Англіи. Но если они даютъ англичанамъ превосходное воспитаніе, если они составляютъ гордость и счастіе Англіи, то трудно каждому не пожелать такихъ же результатовъ для своей родины. Для этою не надо разрушать наши гимназіи и университеты, съ тѣмъ чтобы на ихъ развалинахъ воздвигнуть дюжину кембри-

джей и итоновъ. Учебныя заведенія не фабрики, не мастерскія. Какъ и всѣ государственныя учрежденія они должны имѣть самостоятельную жизнь, свою физіономію и свою исторію. Но это невозможно, если каждое преобразованіе будетъ совершеннымъ уничтоженіемъ стараго и основаніемъ новаго .....

Россіи не за чѣмъ копировать итонской коллегіи .... Но ея гимназіи должны быть также хорошо примѣнены къ человѣческой натурѣ, какъ и англійскія школы. Говорятъ что у насъ нѣтъ педагоговъ. Это врядъ ли справедливо. Не надо забывать что они теперь не видны, потому что ихъ можетъ вызвать къ дѣятельности только такое свободное учрежденіе, какъ англійская школа.

Отъ англійскихъ университетовъ переходимъ къ нашимъ.

Напрасно стали бы вносить стѣсненія англійскихъ университетовъ въ университеты западной Европы. Это было бы безполезно и вредно, потому что они удовлетворяютъ совершенно другой потребности. Исторически выработался тотъ взглядъ общества, что эти

университеты воздвигнуты не для воспитанія юношества (въ строгомъ смыслѣ этого слова), а для того, чтобы дать возможность людямъ вполнѣ возмужавшимъ достигнуть спеціальности. Блестящее время западныхъ университетовъ совпадаетъ съ той эпохой, когда въ нимъ стремились люди, увлекаемые страстью къ наукѣ. Жизнь этихъ студентовъ-мужей вовсе на похожа на жизнь англійскихъ студентовъ-воспитанниковъ. Ихъ образовывало на одно книжное ученіе, но жизнь, путешествія; не одни только филологическія занятія, но и политическая дѣятельность выпадала иногда на ихъ долю.

Европа XIX вѣка наслѣдовала этотъ взглядъ отъ своихъ предковъ; мы заимствовали его изъ Европы вмѣстѣ съ внѣшней формой. Западноевропейскіе и наши университеты до сихъ поръ — представители современного движенія въ области мысли. Каждая новая наука, каждая новая мысль находитъ въ нихъ пріютъ и пропаганду. Таковы по крайней мѣрѣ требованія общественнаго мнѣнія Европы.

Здравый смыслъ говоритъ, что университетъ, предлагая своимъ слушателямъ такую роскошную умственную пищу, видитъ въ нихъ не воспитанниковъ, а людей съ самостоятель-

нымъ, возмужалымъ умомъ. Еще яснѣй видна роль нашихъ университетовъ изъ того, что профессоры, имѣвшіе вліяніе на современное имъ поколѣніе, выступали передъ публикой не съ стереотипнымъ курсомъ, въ которомъ застыли мнѣнія прошедшого двадцатилѣтія. Какъ всѣ политическіе дѣятели, эти люди жили жизнью своего вѣка; они страдали и радовались вмѣстѣ съ человѣчествомъ, — и эти чувства одушевляли ихъ лекціи. Публика искала въ нихъ послѣднихъ изысканій, художественного, одушевленного изображенія былого или разрѣшенія современныхъ вопросовъ. Но вопросы идутъ какъ волны, жизнь поднимаетъ ихъ одинъ за другимъ и человѣку всегда нужно прислушиваться къ чередовому вопросу своего поколѣнія. Гдѣ же научиться понимать ихъ, какъ не въ университетѣ изъ устъ такихъ людей, какъ Кудрявцевъ и Грановскій? Эти жизненные вопросы, переходя лабораторію ихъ души, являются публикѣ въ новомъ свѣтѣ и съ новымъ значеніемъ. Потому то можно десять лѣтъ посѣщать аудиторію одного профессора и въ десять лѣтъ не кончить его курса. Здѣсь дѣло не въ научныхъ фактахъ — ихъ можно вычитать изъ книги — а въ той глубинѣ созерцанія и въ томъ обояніи собствен-

ной личности профессора, которое мы видѣли въ Грановскомъ. Подобныя лекціи читаются не для людей одного возраста, извѣстного положенія въ обществѣ, извѣстной спеціальности, а для всѣхъ, для публики. На нихъ стекаются люди высоко поставленные образованіемъ, талантами, общественными заслугами и только что прозванные къ самостоятельной жизни. Вотъ одна половина университетской публики.

Общественное мнѣніе требуетъ, чтобы всѣ науки имѣли своихъ представителей въ лицѣ профессоровъ. Такимъ образомъ университетъ удовлетворяетъ всѣмъ спеціальностямъ. Въ аудиторію извѣстною профессора стекаются люди различныхъ націй, столкнувшіеся на одной спеціальной дорогѣ: это — люди уже окончательно сознавшіе свое призваніе и посвятившіе себя ему. Вотъ другая половина университетской публики. Эти двѣ половины такъ проникнуты одна другой, что нельзя принадлежать ко второй изъ нихъ не принадлежа въ тоже время къ первой и къ первой непринадлежа ко второй.

Слѣдовательно публика русскихъ университетовъ есть часть того же русского образованного общества; въ нее входятъ взрослые люди всѣхъ направленій и занятій; она имѣетъ одинакіе интересы съ остальнымъ обществомъ....

По этому не должно быть ни малѣйшаго различія между человѣкомъ который слушаетъ университетскія лекціи и образованнымъ частнымъ человѣкамъ.

Въ Германіи, вслѣдствіе прежняго застая политической жизни и поступленія въ университетъ молодыхъ людей того возраста, который еще способенъ увлечься формализмомъ нѣмецкихъ буршеншафтовъ, образовалось сильное различіе между студентами и частными людьми. Студенты отдаляются отъ своихъ согражданъ, стремятся поддержать отдѣльное студенческое общество, хранятъ безобразные законы и для того, чтобы выдѣлиться изъ толпы филистеровъ позволяютъ себѣ разныя странности. Но теперь не средніе вѣка; тѣсныя корпораціи замѣнились обществомъ, въ которомъ каждый долженъ вести себя какъ гражданинъ и нѣмецкая студенческая жизнь, пріучая человѣка неуважать общество, приготовляетъ въ немъ будущаго бюрократа. Вотъ причина почему общественное мнѣніе Германіи давно требуетъ перерожденія своихъ университетовъ.

Идея нашихъ университетовъ первоначально была заимствована изъ Германіи; но такъ какъ въ основу ихъ легла совершенно другая національность, то и наше университетское обще-

ство совершенно отличается отъ германскаго. Русская натура не можетъ ограничиться одними отвлеченностями и мечтами; ей нужно жизнь во всей ея дѣйствительности, а не формальная, стѣсненная условными правилами и предразсудками, жизнь нѣмецкого бурша. Оттого у насъ слушатель университетскихъ лекцій, въ тоже время гражданинъ общества. Но для того чтобы эта прекрасная сторона нашихъ университетовъ могла вполнѣ развиться нужно дать полную свободу ихъ развитію. Этому противурѣчитъ монополія профессоровъ, цѣховое устройство факультетовъ, экзамены и множество другихъ стѣсненій.

Университетскія учрежденія не могутъ имѣть воспитательныхъ цѣлей, потому что этому противурѣчитъ допущеніе всѣхъ возрастовъ къ слушанію лекцій, свобода профессора читать о чемъ онъ хочетъ и право слушателей жить гдѣ угодно и какъ угодно. Слѣдовательно нашъ университетъ предназначается для образованія частныхъ людей, полноправныхъ и полноотвѣтственныхъ, гражданъ русского общества, подвергающихся только тѣмъ стѣсненіямъ, которымъ подвергается всякій частный человѣкъ.

Къ чему же регулировать его занятія опредѣляя сколько лѣтъ каждый спеціалистъ

долженъ слушать лекціи на своемъ факультетѣ? При воспитаніи человѣка необходимо обращать вниманіе на годы, потому что только съ годами крѣпнетъ умъ, пріобрѣтается самостоятельность воли, развивается способность мыслить. Отсюда необходимость опредѣлить число лѣтъ, которое каждый долженъ пробыть въ воспитательномъ учебномъ заведеніи. Но тамъ гдѣ не можетъ существовать воспитательный надзоръ и гдѣ каждый долженъ быть болѣе или менѣе спеціалистъ нельзя опредѣлить число лѣтъ, необходимое для того чтобы каждый усвоилъ спеціальныя познанія. Одинъ имѣетъ болѣе способностей, другой менѣе; одинъ будетъ прилежнѣй заниматься нежели другой. Слѣдовательно первый можетъ сдѣлать въ одинъ годъ то, что другой сдѣлаетъ въ два.

Далѣе, — почему на предоставить публикѣ свободу обращаться къ тому или другому профессору. Свобода эта вполнѣ законна, потому что контроль и ограниченія не надобны тамъ, гдѣ слушатели достаточно развиты и понимаютъ свою пользу. Свобода въ выборѣ профессорскихъ курсовъ даетъ сильный толчекъ жизни русского и западно-европейского университета. Но для существованія ея необходимы два условія: учрежденіе приватъ-доцентовъ по

всѣмъ кафедрамъ и средневѣковая свобода переходовъ изъ университета въ университетъ. Безъ этого невозможно искоренить злоупотребленія вредно дѣйствующія какъ на университетское образованіе, такъ и вообще на развитіе науки. Недостатокъ конкуренціи даетъ просторъ теоріи: не профессоръ существуетъ для слушателей, а слушатели для профессора.

Нечего говорить что форма, совершенно умѣстная въ англійскомъ воспитательномъ университетѣ, вовсе не согласно съ развитіемъ русскихъ университетовъ, потому что публику ихъ составляютъ частные люди всѣхъ возрастовъ, состояній и положеній въ обществѣ. Знаменитого профессора съ пользой могъ слушать и Гумбольдтъ и молодой человѣкъ, только что вступившій на спеціальную дорогу. Къ такому соединенію самыхъ разнородныхъ личностей изъ которыхъ каждая имѣетъ полное право имѣть свои привычки совершенно безполезно приложить форму. Она не имѣла бы ни цѣли, ни смысла.

Но самое важное стѣсненіе встрѣчаемое публикой въ нашихъ университетахъ, стѣсненіе совершенно несогласное съ ихъ назначеніемъ, — это вступительный экзаменъ. Не

принося никакой пользы обществу вступительный экзаменъ безъ всякой причины съуживаетъ кругъ дѣятельности русскихъ университетовъ не позволяя имъ быть возможно доступнымъ проводникомъ высшаго образованія. Вступительный экзаменъ на всегда затворяетъ двери университета передъ людьми способными, но которымъ обстоятельства помѣшали получить въ молодости полное предварительное образованіе, что, впрочемъ, нисколько не мѣшаетъ имъ знать свое дѣло и добросовѣстно выполнять свои обязанности. Не надо забывать что въ каждой спеціальности главную роль играетъ не предварительное образованіе, а спеціальныя познанія и талантъ. Въ слѣдующей главѣ мы постараемся подробнѣй развить нашъ взглядъ на университетскіе экзамены.

И такъ если откровенно пожелать, чтобы наши университеты принесли всю пользу, которую они могутъ принести, необходимо принять за исходную точку ихъ организаціи то, что слушатели университетскихъ лекцій должны быть частные люди, сознательно взявшіеся за изученіе какой нибудь науки, и что они должны подвергаться только тѣмъ стѣсненіямъ, которыя существуютъ для всѣхъ частныхъ людей, какъ гражданъ государства. Универ-

ситетъ не долженъ налагать на личность слушателей никакихъ новыхъ ограниченій.

Бывшее движеніе нашихъ университетовъ, направленное противъ монополіи профессоровъ, экзаменовъ и формы вело именно къ признанію гражданской полноправности слушателей. Это движеніе показываетъ, что для нашихъ университетовъ прошли времена беззаботныхъ увлеченій, и что явилась потребность замѣнить прежнія отношенія къ обществу и начальству новыми, болѣе совмѣстными съ достоинствомъ людей соединенныхъ одной цѣлью — наукой.

Такимъ образомъ наши университеты должны быть самымъ полнымъ удовлетвореніемъ той потребности которую чувствуютъ англичане, когда, окончивъ свое воспитаніе въ Оксфордѣ или Кембриджѣ, они занимаются подъ руководствомъ извѣстнаго практика-спеціалиста и идутъ кончать свое спеціальное образованіе въ заграничныхъ университетахъ.

Но какой потребности удовлетворяютъ наши лицеи? Они не могутъ преслѣдовать цѣль университетовъ: для университета необходимо положеніе въ большомъ городѣ, куда стекается многочисленная образованная публика; университетъ предполагаетъ центральный городъ края, — безъ этого невозможно самостоятельное по-

ложеніе доцентовъ живущихъ на доходы съ лекцій и право публики произвольно слушать того или другого профессора. За исключеніемъ Одесскаго лицея (недавно преобразованнаго въ университетъ) ни одинъ не можетъ расчитывать на главное условіе существованія университета — многочисленную публику. Чѣмъ же должны быть наши лицеи если они не могутъ быть университетами?

Признавая достоинства англійской системы общественного воспитанія мы выразили желаніе чтобы наши гимназіи давали результаты англійскихъ школъ. Но этого мало. Юношескій возрастъ русской молодежи, точно также, какъ и молодежи англійской, долженъ быть окруженъ обстановкой, способной предупреждать, очень естественное въ молодомъ человѣкѣ, неумѣніе пользоваться свободой. Безъ этого дѣло воспитанія останется неконченнымъ. Если бы наши лицеи, по примѣру англійскихъ университетовъ, обратились къ самостоятельной дѣятельности такихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ русское юношество могло бы естественно кончить свое воспитаніе, — они принесли бы обществу огромную услугу.

Въ системѣ нашего общественнаго воспитанія многое измѣнилось бы тогда къ лучшему.

Оно кончается теперь вмѣстѣ съ гимназіей, — и молодой человѣкъ спѣшитъ въ университетъ, гдѣ прежде всего ему предстоитъ рѣшеніе вопроса о правильномъ, согласномъ съ своими наклонностями, выборѣ факультета. Для рѣшенія этаго вопроса нужно размышленіе, самостоятельный взглядъ на будущую карьеру и хорошо опредѣлившееся призваніе. Но мы не вправѣ требовать всего этого въ 16, 17 лѣтъ — возрастъ большинства оканчивающихъ гимназію. Оттого наши университеты наполняются людьми, не всегда вѣрно понимающими ту цѣль которая руководила ими при выборѣ факультета. Много времени пройдетъ прежде, нежели вновь поступившій привыкнетъ къ своей спеціальности или пойметъ свою рѣшительную неспособность къ ней. Въ послѣднемъ случаѣ ему нужно будетъ, потерявъ время, труды и деньги, перейти на новую дорогу или остаться на старой, безъ всякихъ симпатій къ ней. Лицей, ограничивъ обязательное ученіе только предметами, необходимыми для всякой спеціальности, предупредилъ бы слишкомъ ранній выборъ и вредныя его послѣдствія. Но съ другой стороны лицейская жизнь должна естественно вызвать въ студентахъ вопросъ о спеціальности и самостоятельныя занятія. Луч-

шее средство для достиженія этой цѣли заключается въ (не очень строгомъ) факультетскимъ дѣленіи послѣднихъ курсовъ англійского университета и раздачѣ премій за экзамены и сочиненія по отдѣльнымъ предметамъ.

Въ чемъ же должны состоять занятія студентовъ лицея? Есть познанія, равно необходимыя для юриста, инжинера, медика и богослова. Наши гимназіи (точно также какъ и англійскія public schools) не могутъ вполнѣ за кончить эту общечеловѣческую часть образованія. Оттого молодежъ, сей часъ послѣ гимназіи поступающая въ университетъ чувствуетъ что ей неизвѣстно еще многое что должно быть извѣстно человѣку. Студентъ начинаетъ заниматься исторіей, политикой, литературой, новыми языками развлекая такимъ образомъ свои спеціальныя занятія. Расположеніе предметовъ чтенія на первыхъ двухъ курсахъ нашихъ университетовъ осязательно доказываетъ, что общее образованіе еще не кончено. Эти курсы наполняются по большей части нефакультетскими предметами. Положимъ что для большинства теперешнихъ слушателей университетскихъ лекцій такая децентрализація занятій является мѣрой довольно практической. Но за то, что можетъ быть непріятнѣй человѣку, поступив-

шему въ университетъ для серьезныхъ юридическихъ занятій и съ совершенно достаточной подготовной, если его заставятъ слушать латинскій и нѣмецкій языкъ, изысканія о вавилонянахъ и ассиріянахъ или разборъ произведеній славянской литературы?

Лицей давши воспитаннику полное общечеловѣческое образованіе, далъ бы ему впослѣдствіи возможность заняться своимъ предметомъ не отвлекаясь посторонними. Я не говорю о томъ, въ чемъ должно состоять общечеловѣческое образованіе оканчиваемое лицеемъ: это чисто педагогическій вопросъ. Но, кажется, никто не станетъ отрицать необходимость основательного знакомства съ исторіей и политическими науками рѣшительно для всякого образованного человѣка. Гимназія не можетъ удовлетворить этому требованію; довольно если она хорошо познакомитъ своихъ воспитанниковъ съ древнимъ міромъ, научитъ правильно писать, сообщитъ первые свѣдѣнія въ географіи и математикѣ, выработаетъ методъ и привычку къ труду. Лицей, продолжая изученіе классической исторіи и литературы, долженъ дать общечеловѣческому образованію полноту и оконченность, ближе познакомивъ студентовъ съ политическими науками, литературой и исторіей

новыхъ обществъ. Самымъ лучшимъ средствомъ для этого было бы введеніе хорошихъ сочиненій, какъ руководствъ, изученіе новыхъ языковъ и обширное, многосторонее чтеніе, безъ котораго почти невозможенъ сознательный выборъ спеціальности. Дипломъ лицея или какое нибудь отличіе въ родѣ англійскихъ honours, ручаясь передъ обществомъ и правительствомъ въ общечеловѣческомъ образованіи студента, служилъ бы прекраснымъ доказательствомъ дѣльности молодого человѣка, потому что это образованіе не дается легко.

Но еще важнѣй нравственная польза, которую могли бы принести лицеи, давши старому поколѣнію средства выполнить свою главную обязанность: сохранить въ молодомъ поколѣніи физическія и нравственныя силы, разбудить въ немъ способность и охоту къ дѣятельности. Люди нашего времени не могутъ вполнѣ выполнить эту обязанность, потому что общественное воспитаніе кончается теперь вмѣстѣ съ гимназіей, — и 16 лѣтній молодой человѣкъ, вполнѣ предоставленный самъ себѣ, по большей части безъ руководителей, на нѣсколько лѣтъ отдается омуту столичной жизни. Большой городъ, отсутствіе и невозможность всякого надзора, кромѣ обыкновенного гражданского, и не-

ограниченная свобода — къ услугомъ молодого человѣка. Эти невыгодныя условія усиливаются, очень естественнымъ въ этомъ возрастѣ, неумѣніемъ вести свои дѣла.

Припоминая товарищей своей молодости, каждый вспомнитъ о людяхъ преждевременно отжившихъ. Большею частью это широкія натуры нашей общественной жизни. Они наивно извиняютъ свои неспособность ни къ чему, непостоянство и непослѣдовательность поступковъ порывомъ страсты, которая будто бы ихъ увлекаетъ; но это — дурная привычка привившаяся (обыкновенно) въ періодъ отъ 15 до 20 лѣтъ, когда молодой человѣкъ, въ силу нашей системы общественного воспитанія, освобожденный отъ всѣхъ стѣсненій, привыкаетъ къ безпорядочной жизни, и, на оборотъ, отвыкаетъ отъ труда, настойчивости и серьезнаго взгляда на свои обязанности. Онъ почти не виноватъ. Въ этомъ возрастѣ еще очень естественно принять простое увлеченіе, минутную прихоть за страсть; а для того чтобы блеснуть передъ товарищами этимъ бурнымъ чувствомъ широкая русская натура можетъ принять на свою душу не мало глупостей. Все это постепенно обращается во привычку и ведетъ за собой неисправимыя, на всю жизнь, послѣдствія.

Начало такого грустного явленія заключается въ томъ фактѣ нашего общественного воспитанія, въ силу котораго молодой, еще далеко не сложившійся характеръ, безъ руководителей и зрѣлаго пониманія своихъ отношеній къ людямъ, вполнѣ отдается самому себѣ. Эта причина имѣла вредное вліяніе не на одни широкія натуры: она пагубно отозвалась въ жизни многихъ людей съ крѣпкой волей, энергической дѣятельностью и недюжиннымъ умомъ. Такимъ образомъ наша система общественного воспитанія, преждевременно оканчиваясь, и слишкомъ рано предоставляя человѣка полной свободѣ университетовъ, вызываетъ — гибель молодого поколѣнія.

Лицей могъ бы предупредить эти печальныя, но, къ сожалѣнію, слишкомъ обыкновенныя явленія нашей общественной жизни. Дисциплина лицея, нѣсколько стѣснивъ свободу молодого человѣка, поддерживала бы его падающую волю. Но для того, чтобы эти стѣсненія не были тягостны для молодыхъ людей и не породили бы антагонизма между ними и начальствомъ, было бы необходимо дать нашимъ лицеямъ коллегіальное устройство англійскихъ университетовъ. Безъ этого педагогическій надзоръ будетъ полицейскимъ шпіонствомъ, очень

вреднымъ для нравовъ и нисколько не ограждающимъ ихъ отъ порчи.

При коллегіальномъ устройствѣ всѣ студенты дѣлятся на нѣсколько коллегій (общинъ). Студенты каждой коллегіи живутъ вмѣстѣ подъ надзоромъ попечителей. Попечитель (tutor) — лице образованное и всѣми уважаемое; онъ принадлежитъ къ числу лучшихъ питомцевъ этаго же заведенія; онъ помощникъ, совѣтникъ и руководитель студентовъ. Всѣ стѣсненія коллегіального устройства состоятъ въ томъ, что студенты должны присутствовать при общемъ обѣдѣ и молитвѣ, непремѣнно ночевать въ коллегіи, посѣщать обязательныя лекціи, быть на репетиціяхъ и экзаменахъ. Во всемъ остальномъ студенты свободны. Предосудительное поведеніе наказывается исключеніемъ. Коллегія даетъ молодому человѣку хорошую матеріальную и нравственную обстановку. Порядочное независимое помѣщеніе, общій столъ который знакомитъ всѣхъ, хорошее общество и обильныя средства къ занятіямъ, — все это не можетъ не оказать доброго вліянія. Надзоръ умнаго просвѣщенного начальника, не можетъ быть тягостенъ и, во всякомъ случаѣ, его общество будетъ полезно для молодого поколѣнія. Старое поколѣніе не должно быть разобщено съ молодымъ.

Съ мыслью о надзорѣ и съ должностью надзирателя русская молодежъ привыкла соединять обязанность рыскать по квартирамъ и вывѣдывать стороной нѣтъ ли гдѣ нибудь попойки или чего нибудь запрещенного. Этотъ характеръ власти надзирателя вызываетъ всю ту нелюбовь къ ней, которую мы видимъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но если бы назначать на эти мѣста людей образованныхъ, способныхъ помогать студентомъ въ ихъ занятіяхъ и связанныхъ своими лучшими воспоминаніями съ лицеемъ; если бы вмѣнить имъ въ обязанность не роль сыщика, а помощника и руководителя, въ этой власти не осталась бы ничего отталкивающаго. Напротивъ власть попечителя была бы чѣмъ то родственнымъ для молодаго поколѣнія. Tutor коллегіи, живя вмѣстѣ съ студентами поставленъ въ самыя тѣсныя отношенія старшого брата-руководителя. При любви и уваженіи къ самому институту власти близкія ежедневныя отношенія открываютъ въ хорошемъ начальникѣ англійской университетской общины такія стороны, которыя исчезаютъ у насъ при оффиціальномъ формализмѣ. Это ведетъ съ одной стороны къ громадному вліянію англійскихъ туторовъ на молодое поколѣніе; съ другой къ совершенному

отчужденію нашей молодежи отъ стараго, болѣе опытнаго поколѣнія, въ лицѣ его представителя — педагогической власти.

Нѣтъ причины считать невозможнымъ существованіе университета и лицея рядомъ, хотя и должно согласиться съ тѣмъ, что удобства представляемыя большими городами для университетовъ (въ томъ видѣ, какой мы придаемъ этому учрежденію) составляютъ огромное неудобство для всѣхъ вообще воспитательныхъ учебныхъ заведеній и для лицея въ особенности. Не напрасно судьба устроила самыя знаменитыя школы и воспитательныя университеты Англіи вдали отъ знаменитыхъ центровъ ея промышленной и общественной жизни. Но само собой разумѣется, что было бы и безполезно и невозможно сохранить строгую послѣдовательность въ соблюденіи этого правила. Исторія предъявляетъ здѣсь много правъ совершившагося факта. Но какъ не пожалѣть напримѣръ о переводѣ Царскосельского лицея изъ поэтического уединенія Царскаго Села въ огромный и безцвѣтный Петербургъ! Какъ не пожалѣть о томъ, что у насъ вообще даютъ природѣ слишкомъ мало мѣста и значенія въ дѣлѣ воспитанія!

Мы привыкли хранить съ глубокимъ уваженіемъ благородную память Московского уни-

верситетского пансіона. Но его новое подражаніе, то есть всякое соединеніе воспитательного учебного заведенія съ русскимъ университетомъ, было бы явленіемъ совершенно несогласнымъ съ требованіями современной общественной жизни. Хотя одно изъ этихъ учрежденій не исключаетъ другаго (потому что потребности которымъ они удовлетворяютъ совершенно различны), но цѣль которую долженъ преслѣдовать университетъ исключаетъ воспитательную цѣль бывшаго университетского пансіона и дѣлаетъ невозможнымъ соединеніе этихъ двухъ учрежденій въ одно. Цѣль университета научная, практическая; цѣль же лицея (къ этому разряду воспитательныхъ учебныхъ заведеній мы относимъ и бывшій Московскій университетскій пансіона) болѣе отвлеченная, воспитательная. Университетъ своими лекціями удовлетворяетъ ученаго, практика, спеціалиста и даже все образованное общество которому онъ даетъ средства, посѣщая публичныя лекціи, непосредственно слѣдить за наукой; занятія же лицея имѣютъ въ виду только общечеловѣческое образованіе воспитанника. Свобода слушателя университетскихъ лекцій, какъ относительно жизни, такъ и относительно выбора предметовъ занятій, основана на его

совершеннолѣтіи и достаточной подготовкѣ, однимъ словомъ на томъ, что его воспитаніе кончено. Стѣсненія же лицея, — необходимая принадлежность воспитанія, а воспитаніе предполагаетъ несовершеннолѣтіе. Все должно быть различно въ этихъ двухъ учрежденіяхъ: въ университетѣ слушатели, въ лицеѣ воспитанники; тамъ полное разнообразіе предметовъ преподаванія, вызываемое разнообразіемъ требованій спеціалистовъ; здѣсь ихъ единство обусловливаемое единствомъ общечеловѣческого образованія; изученіе наукъ въ университетѣ можетъ продолжаться очень долго, смотря по охотѣ и способностямъ занимающагося; въ лицеѣ занятія кончаются вмѣстѣ съ воспитаніемъ..... Возможно ли соединить въ одномъ учрежденіи, подъ одной непосредственной властью удовлетвореніе такихъ противуположныхъ общественныхъ интересовъ? .....

II.

Задача университетскихъ экзаменовъ.

Цѣль учрежденія экзаменовъ можетъ заключаться вопервыхъ въ томъ, чтобы вызвать въ учащихся болѣе энергіи, соревнованія и прилежанія; вовторыхъ — они гарантируютъ обществу, въ данномъ лицѣ, извѣстнаго рода познанія.

Экзамены, какъ прямое средство для возбужденія прилежанія, возможны только въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ воспитываются люди еще не вполнѣ понимающіе свою пользу. — Даже въ этомъ случаѣ экзамены и, какъ результатъ ихъ, оставленіе на другой годъ въ томъ-же классѣ — едвали не составляютъ одного изъ тѣхъ устарѣлыхъ педагогическихъ пріемовъ, которые давно пора-бы оставить. Они способны скорѣй запугать ребенка и совершенно отупить его, нежели вызвать въ немъ здоровое, сознательное прилежаніе.

Публика университетскихъ лекцій должна состоять только изъ людей нравственно совершеннолѣтнихъ. Непризнавая этого основнаго принципа нашего университетскаго образованія, необходимо отвергнуть много правъ уже давно сдѣлавшихся достояніемъ русскихъ университетовъ. Къ этимъ правамъ относится спеціальность и разнообразіе лекцій, гражданская полноправность совершеннолѣтнихъ слушателей, отсутствіе воспитательной опеки, свободный выборъ предмета своихъ занятій и т. д. Поэтому русскіе университеты, производя экзамены и выдавая дипломы, могутъ имѣть въ виду только вторую цѣль, то есть: они удостовѣряютъ общество въ томъ, что данное лицо имѣетъ извѣстнаго рода познанія.

По большой части, само общество можетъ отличить золото отъ мишуры, истинный талантъ отъ шарлатанизма — но ему необходимо дать иногда какіе нибудь внѣшніе признаки по которымъ оно могло-бы ихъ отличать. Въ этомъ-то и заключается цѣль университетскихъ экзаменовъ и значеніе университетскаго диплома. Это неболѣе какъ рекомендація данная университетомъ извѣстному лицу. Но мы нежелаемъ чтобы какая нибудь профессія была монополіей извѣстнаго класса, если только нѣтъ

особенныхъ условій, требующихъ чтобы эта профессія была облечена въ корпоративныя формы. Слѣдовательно, какъ и во всякой рекомендаціи, въ университетскомъ дипломѣ недолжно быть ничего обязательнаго.

Экзамены и дипломъ могутъ принести серьезную пользу и обществу и спеціалистамъ. Первому экзамены даютъ возможность сразу отличить спеціалиста отъ невѣжды и шарлатана. Вторымъ университетскій экзаменъ облегчаетъ путь къ прибрѣтенію довѣрія публики. Нѣтъ спору, многіе и безъ этой рекомендаціи университета пользуются извѣстностью хорошихъ спеціалистовъ, но это можетъ случиться иногда, а мы говоримъ о большинствѣ и желаемъ имѣть общее правило. Впрочемъ и эти немногія исключенія много выиграли бы въ общественномъ мнѣніи получивъ университетскій дипломъ. Онъ разомъ заявляетъ ихъ предъ обществомъ съ выгодной стороны, заставляетъ умолкнуть всѣ сомнѣнія и однимъ шагомъ даетъ имъ то довѣріе, для пріобрѣтенія котораго имъ нужны года удачной практики.

Такъ какъ образованіе получаемое въ нашихъ университетахъ имѣетъ преимущественно спеціальный характеръ то и свѣдѣнія гарантируемыя университетомъ въ лицахъ вы-

державшихъ экзамены могутъ и должны быть спеціальныя по различнымъ отдѣламъ. Въ медикѣ университетъ гарантируетъ необходимыя медицинскія познанія, въ адвокатѣ юридическія и только ....

Теперь посмотримъ какъ экзаменуютъ въ нашихъ университетахъ. Начнемъ съ того изъ какихъ предметовъ производятся экзамены? Къ необходимому примѣшивается очень много такого безъ чего можно обойтись. Вмѣсто того, чтобы экзаменовать юриста изъ тѣхъ только наукъ, которые составляютъ его спеціальность, студентовъ юридическаго факультета забрасываютъ множествомъ посторонникъ предметовъ. Въ мое время для полученія университетскаго диплома удостовѣряющаго въ томъ, что человѣкъ имѣетъ необходимыя юридическіи познанія нужно было доказать свои силы сначала въ богословіи, потомъ въ латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, потомъ въ исторіяхъ русской и всеобщей, политической экономіи, статистикѣ финансахъ, логикѣ, психологіи и исторіи русской литературы; точно также и на факультетѣ естественныхъ наукъ половина времени тратится на обязательное изученіе математики; механикъ долженъ заниматься подробнымъ изученіемъ оптики и т. д. Необходимымъ слѣд-

ствіемъ всего этого бываетъ невознаградимая трата времени. Усилія студента раздробляются стремленіемъ къ нѣсколькимъ цѣлямъ и, не обладая особенными способностями или прилежаніемъ, онъ рискуетъ недостигнуть ни одной. Его заставляютъ тратить, по меньшей мѣрѣ, два года изъ четырехъ на изученіе постороннихъ предметовъ, и его же обвиняютъ потомъ въ неосновательномъ знаніи своего предмета!

Въ этомъ отношеніи въ особенности страдаетъ юридическій факультетъ. На первыхъ двухъ курсахъ этого факультета прежде было всего только три юридическихъ предмета: энциклопедія законовѣденія, исторія русскаго законодательства и исторія римскаго права. (Мы говоримъ про московскій университетъ.) Отъ этого, первые два курса юридическаго факультета, служили болѣе общечеловѣческому образованіи своихъ слушателей, нежели избранной каждымъ изъ нихъ спеціальности. Положимъ что этотъ недостатокъ сосредоточенности имѣетъ свою хорошую сторону, потому что онъ развиваетъ умственныя способности слушателя и сообщаетъ его образованію многосторонность. Но все это пришло бы само собой безъ всякаго принужденія, тогда какъ обязательность

изученія постороннихъ предметовъ, заставляя слушателя ежегодно терять нѣсколько мѣсяцевъ самаго дорогаго времени, приводитъ его къ невольнымъ упущеніямъ въ той части образованія, отъ которой зависитъ вся его будущность.

Это заставляетъ насъ обратить вниманіе на то, въ какомъ отношеніи должно находиться общечеловѣческое образованіе къ спеціальному. Извѣстно что въ Америкѣ обращаютъ очень мало вниманія на общую часть образованія. Меркантильное общество этой страны заботится прежде всего о томъ, какъ бы по скорѣй дать человѣку возможность имѣть самостоятельный кусокъ хлѣба. Здѣсь люди рано начинаютъ стараться опріобрѣтеніи спеціальныхъ свѣдѣній и рано мѣняютъ школьную скамейку на банкирскую контору. Это направленіе отзывается на характерѣ американскаго образованнаго общества. Напрасно искать здѣсь великихъ спеціалистовъ, двинувшихъ свои науку на столѣтія. Территорія Америки почти совершенно лишена тѣхъ геніальныхъ теоретиковъ, которые подготовали дорогу будущимъ поколѣніямъ. Здѣсь почти нѣтъ ничего въ этомъ родѣ. Но за то тутъ много изобрѣтателей полезныхъ машинъ, смѣлыхъ и предпріимчивыхъ

негоціантовъ..... Все американское общество состоитъ изъ массы этихъ дюжинныхъ спеціалистовъ, которые знаютъ свою спеціальность именно настолько чтобы обезпечить себя, но которымъ недостаетъ ни охоты, ни знанія для того чтобы отнестись къ ней съ болѣе возвышенной точки. Эти дюжинные спеціалисты, рано направившіе всѣ свои помыслы къ одной исключительно практической цѣли, даютъ странѣ общій видъ небывалаго матеріальнаго благосостоянія. Элементарное образованіе тоже распространено здѣсь болѣе нежели гдѣ нибудь. Но Америка нейдетъ далѣе этого.

Европейскія общества и въ главѣ ихъ англійское выработыли другой взглядъ на образованіе. Оно долго было здѣсь удѣломъ однихъ только достаточныхъ классовъ народа. У людей неимѣющихъ никакой надобности обезпечивать свое существованіе, небыло никакаго побужденія искать въ наукѣ одной только пользы и преслѣдовать исключительно утилитарныя цѣли. Англійское образованіе, вѣрное этимъ преданіямъ, до сихъ поръ носитъ аристократическій характеръ. Двадцатилѣтніе джентльмены, выходя изъ коллегій оксфордскаго или кембриджскаго университета, невыносили отъ туда ничего, кромѣ такихъ неприложимыхъ въ прак-

тической жизни вещей, какъ основательное знакомство съ классиками, съ жизнью древнихъ грековъ и римлянъ и т. п. Они выносили отъ туда великолѣпное общее образованіе и самые ничтожные зачатки своей будущей спеціальности. Впослѣдствіи на этомъ общемъ фонѣ ложатся другія краски. По окончаніи университета, англичанинъ приступаетъ къ рѣшительному выбору своей спеціальности и при этомъ основательное полное общее образованіе даетъ ему огромныя преимущества. Съ этой системой воспитанія неразлучно соединены имена великихъ историческихъ дѣятелей Англіи прославившихся на политическомъ, ученомъ и литературномъ поприщѣ.

Вотъ два типа современнаго образованія, изъ которыхъ одинъ выработанъ исторической жизнью Англіи, другой торопливымъ, лихорадочнымъ бѣгомъ американскаго общества. На континентѣ Европы отголоскомъ этихъ двухъ направленій въ дѣлѣ народнаго образованія являются современные толки о классическомъ и реальномъ воспитаніи. Мы еще будемъ имѣть случай высказать наше мнѣніе о томъ, какое изъ этихъ двухъ направленій можетъ выработать массу болѣе здоровыхъ народныхъ силъ, какое изъ нихъ болѣе согласно съ достоин-

ствомъ человѣка и націи .... Въ настоящую минуту мы предположимъ что читатель несомнѣвается въ томъ, что классическое направленіе, усвоенное англійской школой, гораздо выше и полезнѣе того дешеваго реализма котораго многіе добиваются съ такимъ жаромъ у насъ.

За тѣмъ намъ остается разсмотрѣть, насколько это полное, многосторонное образованіе англійскихъ школъ и университетовъ составляетъ удѣлъ массы народа. Здѣсь мы сталкиваемся съ печальной необходимостью. Это многосторонное образованіе стоитъ сравнительно дорого, а масса народа слишкомъ бѣдна, для того чтобы терпѣливо тратиться въ ожиданіи той вожделенной минуты, когда старшій сынъ, по всѣмъ правиламъ педагогической системы, усвоитъ свою спеціальность. Ее не утѣшаетъ слава великихъ именъ. Она нуждается не столько въ величіи результатовъ, сколько въ ихъ скорости.

И такъ необходимъ компромиссъ между идеальной стороной классическаго воспитанія и демократической потребностью учиться для того, чтобы жить. Не забудемъ того, что во всѣ времена науки и образованіе существовали не для однихъ, только избранниковъ судьбы, которые могли получить болѣе или менѣе сча-

стливое воспитаніе, но для всѣхъ желающихъ. Въ области интеллектуальнаго развитія человѣчества много званныхъ, но мало избранныхъ и эти избранные, очень часто, принадлежитъ къ числу людей, которымъ неудалось получить художественнаго воспитанія англійскихъ школъ и университетскихъ коллегій, которые учились какъ нибудь, чему нибудь, „на мѣдныя деньги“. По большой части они получаютъ возможность учиться только тогда, когда ихъ уже поздно воспитывать.

И такъ ихъ цѣль наука, а не воспитаніе и было бы совершенно напрасно навязывать имъ воспитательную обстановку и навязывать ихъ воспитательнымъ учебнымъ заведеніямъ. Цѣль ихъ научныхъ стремленій становится по большей части не гуманизмъ но медицина, юриспруденція, механика и агрономія. Имъ надо открыть доступъ къ самой наукѣ и очевидно что англійскіе коллегіи, съ ихъ классической обстановкой, непринесутъ имъ ни малѣйшей пользы.

Здѣсь начинается роль нашихъ университетовъ. Ихъ назначеніе способствовать образованіи спеціалистовъ; ихъ нравственная сила заключается въ довѣріи къ индивидуальнымъ силамъ человѣка, къ его здравому смыслу и

энергіи; ихъ заслуга предъ обществомъ въ ихъ широкой общедоступности. Раскрывая свои двери предъ всѣмъ нравственно-совершеннолѣтнимъ населеніемъ Россіи, и вполнѣ полагаясь на здравый смыслъ каждаго, русскіе университеты предлагаютъ слушителямъ рядъ болѣе или менѣе спеціальныхъ лекцій, не справляясь о томъ, гдѣ приготовлялся каждый изъ нихъ: дома ли, въ гимназіи и лицеѣ, въ аристократическомъ пансіонѣ или путемъ отрывочныхъ занятій, вечеромъ, въ минуты кратковременнаго досуга. (Если дѣйствительность не всегда соотвѣтствуетъ этому идеалу, то объ этомъ можно жалѣть, но это нисколько не измѣняетъ значенія нашихъ университетовъ.)

Предположимъ что нѣкоторые изъ этихъ слушателей, пользуясь отсутствіемъ внѣшняго контроля, приступятъ къ изученіи своей спеціальности безъ достаточнаго общаго образованія. Какъ долженъ смотрѣть на нихъ университетъ?

Мы думать, что онъ долженъ предоставить имъ полное право, усиленнымъ трудомъ, прокладывать себѣ дорогу къ наукѣ. Способность — дѣло великое. Соединившись съ энергіей труда она иногда преодолеваетъ всѣ препятствія. Извѣстно что люди, лишенные всякаго система-

тическаго общаго образованія, нерѣдко оказывались передовыми на своей дорогѣ. Совершенно напрасно смотрятъ на полное общее образованіе, какъ на нѣчто безъусловно необходимое для всякаго спеціалиста. Если опасно больному рекомендуютъ человѣка который можетъ его вылечить, онъ нетолько небудетъ справляться съ его понятіями о положеніи Нью-Фоундленда, но даже проститъ ему тверское jargon. Кому случится совершить преступленіе, тотъ обращается къ Лешо не потому что онъ учился когда то латинскому синтаксису, но потому, что онъ обладаетъ удивительной способностью, увѣрить присяжныхъ что дважды два будетъ равняться чему вамъ угодно, но только не четыремъ.

Наконецъ: предположимъ даже что между слушателями университетскихъ лекцій найдется много людей съ недостаточнымъ общимъ образованіемъ. Что же изъ этого? Необходимо также предположить что эти слушатели постараются во время своихъ университетскихъ занятій исправить недостатки своего общаго образованія. Если человѣку свойственно пониманіе собственной пользы, то ему должно быть также свойственно и стараніе поправить недостатки своего общаго образованія. Можно

быть увѣреннымъ что самолюбіе, желаніе быть нехуже другихъ, практическій расчетъ и благородная гордость заставятъ его минуты свободныя отъ гигіены и патологіи посвящать общему образованію. Хотя Джоржъ Стефенсонъ дѣлалъ механическія изобрѣтенія прежде нежели умѣлъ порядочно читать, но изъ этого еще неслѣдуетъ чтобы тотъ же Стефенсонъ, на закатѣ своихъ дней, былъ человѣкомъ менѣе образованнымъ, нежели большинство людей его поколѣнія, получившихъ классическое воспитаніе въ Итонѣ и Коллегіи Всѣхъ Святыхъ.

Тѣмъ менѣе можно опасаться недостаточности общаго образованія въ слушателяхъ нашихъ университетскихъ лекцій, что учебная часть организована въ нихъ именно такъ, чтобы заставить человѣка отъ избранной имъ спеціальности, обращаться къ цѣлой массѣ знанія. Въ этомъ то и заключается ихъ огромное преимущество предъ всевозможными спеціальными учебными заведеніями. Соприкосновеніе четырехъ факультетовъ вызываетъ обмѣнъ мыслей и незамѣтно пополняетъ въ каждомъ пробѣлы общаго образованія. Лекціи исторіи, философіи, исторіи литературъ и тому подобныхъ предметовъ, всего болѣе способствуютъ общеобразовательному развитію. Онѣ доступны по-

ниманію каждаго. Талантъ профессоровъ занимающихъ эти кафедры по большей части составляетъ сильное нравственное побужденіе посѣщать ихъ лекціи, единственно для того, чтобы быть на уровнѣ образованныхъ людей своей эпохи. Такимъ образомъ предметы имѣющіе косвенное отношеніе къ спеціальнымъ наукамъ незамѣтно, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, войдутъ въ кругъ занятій каждаго порядочнаго студента и общее образованіе, тамъ гдѣ оно не развито воспитаніемъ, само собой присоединяется къ спеціальному.

Но нельзя требовать чтобы всѣ слушатели университетовъ, въ одинаковой степени, изучали предметы общаго образованія, хотя, въ тоже время, отъ нихъ можно и должно требовать, чтобы свой спеціальный предметъ они знали съ одинаковой отчетливостью. Отношеніе слушателя спеціальныхъ лекцій къ предметамъ неспеціальнымъ, обуславливается предварительной подготовной, наклонностями и способностями каждаго. Всѣ упущенія въ области общечеловѣческаго знанія (artes liberales, humanités) не будетъ имѣть такаго пагубнаго вліянія на карьеру медика, какъ неполное или неосновательное знаніе терапіи или гигіены. Отсутствіе достаточныхъ политико-экономическихъ свѣдѣній въ юристѣ

еще не такой большой недостатокъ, какъ незнаніе гражданскихъ законовъ своего отечества. Нѣтъ ничего удивительнаго если каждый изъ нихъ обратить все свое вниманіе на свои спеціальные предметы и будетъ удѣлять другимъ только свободное время. Этого свободнаго времени у одного можетъ быть болѣе, у другаго менѣе, смотря по способностямъ и предварительной подготовкѣ каждаго. Совершенно неестественно ставить эти свѣдѣнія въ рамку извѣстной программы и дѣлать ихъ неизбѣжнымъ условіемъ для каждаго, кто хочетъ держать спеціальные университетскіе экзамены.

Справедливы ли послѣ этого тѣ преграды, которыя встрѣчаетъ молодежъ какъ при поступленіи въ наши университеты, такъ и при переходѣ съ одною курса на другой? Богословское ученіе объ ангелахъ, въ былое время, могло отнять у человѣка право быть современемъ полезнымъ членомъ общества въ качествѣ адвоката, въ особенности, если въ тоже время, переводъ изъ Тацита оказывался не очень удовлетворительнымъ. Изъ за неловкаго отвѣта о какихъ нибудь аборигенахъ Греціи, студентъ подвергался опасности не перейти на слѣдующій курсъ и лишался такимъ образомъ возможности изучать уголовное право, хотя между аборигенами и

курсомъ уголовнаго права самый тонкій изслѣдователь не нашель бы ни малѣйшей связи.

Не приводитъ ли все это къ убѣжденію въ томъ, что русскіе университеты только тогда вполнѣ перестанутъ противурѣчить научнымъ интересамъ русскаго общества, когда будетъ признано за правило что университетъ ручается обществу только въ томъ, что лица, которымъ выданы дипломы имѣютъ всѣ научныя свѣдѣнія необходимыя для избранной ими спеціальности и если въ этомъ ручательствѣ предметы общаго образованія будутъ оставлены совершенно въ сторонѣ?

Если только въ этомъ должно заключаться ручательство русскаго университета передъ обществомъ, то этимъ значеніемъ университетскаго диплома долженъ опредѣляться объемъ и характеръ университетскихъ экзаменовъ. Ихъ кругъ долженъ ограничиваться одними только спеціальными предметами. Что же касается до обогащенія общей части образованія, то, еще разъ повторяемъ, лучше всего вполнѣ предоставить этотъ отдѣлъ личному произволу каждаго, и мы находимъ совершенно раціональнымъ, чтобы отвѣтственность падала въ этомъ случаѣ на самыхъ слушателей, а не на университетъ.

Примѣняясь къ этому постараемся опредѣлить рядъ экзаменовъ которые можно сдѣлать обязательными для каждаго, кто хочетъ получить дипломъ по юридическому факультету. По нашему мнѣнію этотъ рядъ долженъ состоять всего только изъ восьми предметовъ: исторіи русскаго законодательства, римскаго права, гражданскаго права, уголовнаго, общественнаго, государственнаго, международнаго и церковнаго. Особеннаго экзамена изъ энциклопедіи законовѣдѣнія мы не предполагаемъ, потому что тотъ, кто выдержитъ экзаменъ изъ этихъ восьми предметовъ, не можетъ не усвоить себѣ энциклопедическихъ понятій о правѣ. Отдѣльный экзаменъ по этому предмету будетъ только безполезной формальностью.

Въ три или четыре года у всякаго найдется довольно времени для изученія восьми юридическихъ предметовъ, и мы нисколько несомнѣваемся въ томъ, что если бы всѣ студенты юридическаго факультета для полученія диплома должны были бы держать экзаменъ только изъ предметовъ существенно необходимыхъ для ихъ спеціальности они гораздо успѣшнѣй достигли бы своей цѣли, даже при болѣе строгихъ экзаменахъ, нежели теперь. Тогда общій результатъ экзаменовъ производилъ бы

болѣе выгодное впечатлѣніе, повысился бы уровень юридическаго образованія въ нашемъ обществѣ (что такъ необходимо при введеніи адвокатуры и гласнаго судопроизводства) и было бы несравненно менѣе молодыхъ людей съ испорченными карьерами.

Заявляя мысль о необходимости ограничить экзаменъ на полученіе университетскаго диплома только предметами совершенно необходимыми для какой нибудь спеціальности, мы разумѣется и не думаемъ устранять слушателей отъ добровольнаго изученія всѣхъ остальныхъ предметовъ. Мы только желаемъ, чтобы это изученіе не имѣло обязательнаго характера и было совершенно предоставлено произволу каждаго. Большая разница между обязательнымъ экзаменамъ и свободою подвергнуть себя экзамену изъ нефакультетскаго предмета. Нѣтъ никакихъ причинъ, желающимъ экзаменоваться изъ постороннихъ предметовъ, воспрещать эти нефакультетскіе экзамены. Такимъ образомъ въ дипломѣ юриста можно было бы встрѣтить мнѣніе университета, о познаніяхъ его въ финансахъ, политической экономіи, исторіи и т. п. Эта отмѣтка будетъ доказательствомъ многосторонности познаній, много говорящей въ пользу спеціалиста. Конечно нельзя ожи-

дать чтобы во всѣхъ дипломахъ, въ одинаковой степени, упоминалось объ этихъ нефакультетскихъ экзаменахъ. Надобно принять во вниманіе размѣръ способностей данныхъ человѣку. Если одному легко нетолько основательно приготовить себя въ какой нибудь спеціальности, но сдѣлать несравненно болѣе, то другому, при самыхъ добросовѣстныхъ занятіяхъ, едва хватитъ времени для изученія своей спеціальности. Въ этомъ случаѣ различіе зависитъ не только отъ способностей, но также отъ матеріальныхъ средствъ, предварительной подготовки и множества другихъ причинъ.

Нельзя также не обратить вниманія на то, въ какомъ объемѣ университетъ долженъ требовать отъ экзаменующагося знаніе каждаго спеціальнаго предмета. Въ университетахъ съ давняго времени сложился обычай экзаменовать по каждому предмету на столько, на сколько этотъ предметъ прочитанъ въ продолженіи послѣдняго года. Сообразно съ этимъ и студенты считали себя обязанными отвѣчать только въ этомъ размѣрѣ. Такой взглядъ на экзамены, имѣлъ въ свое время то практическое оправданіе, что студенты заваленные работой по множеству постороннихъ предметовъ едва ус-

пѣвали приготовить каждую науку на столько, на сколько она исчерпана въ профессорскомъ курсѣ послѣдняго года. Требовать отъ нихъ болѣе, въ большинствѣ случаевъ, равнялось бы требованію невозможнаго.

Такой взглядъ на объемъ студентскихъ познаній, въ прежнее время не приносилъ особеннаго вреда, потому что профессорскіе курсы, по большей части, были не болѣе, какъ равномѣрный очеркъ всѣхъ частей науки. При всей своей неудовлетворительности курсы эти, хотя поверхностно, знакомили слушателей со всѣми частями науки и слѣдовательно профессоръ, экзаменуя по своему курсу, требовалъ отъ экзаменующагося, если не основательнаго, то полнаго знанія всей своей науки. Новые дѣятели университетовъ; излагая слушателямъ свой предметъ, уже неограничиваются ежегоднымъ перечитываніемъ курса, какъ было прежде. На своихъ лекціяхъ они по большей части сообщаютъ публикѣ результаты полученные ими отъ самостоятельнаго изученія какаго нибудь отдѣла избранной ими науки — результатъ своихъ личныхъ работъ. Но не долженъ ли университетскій экзаменъ идти далѣе? Университетъ ручается обществу за полноту спеціальныхъ свѣдѣній въ человѣкѣ, которому онъ вы-

далъ свой дипломъ, а не за отрывки, какъ нерѣдко случается теперь.

Все это доказываетъ необходимость установить извѣстную норму, которой опредѣлялся бы объемъ каждаго обязательнаго предмета. Мы думаемъ что подобной нормой могла бы быть программа, отъ времени до времени (положимъ чрезъ 3 года) издаваемая совѣтомъ каждаго университета по всѣмъ спеціальнымъ предметамъ, сообразно состоянiи науки въ данную минуту. Впрочемъ программа эта должна ограничиваться только общими рубриками, отнюдь не вдаваясь въ подробности, потому что, привычка во всѣхъ своихъ занятiяхъ придерживаться только внѣшнихъ опредѣленiй программы и заботиться болѣе о ней нежели о сущности дѣла, можетъ имѣть очень вредное вліяніе на самостоятельность ученыхъ занятiй. Программа эта не должна нисколько стѣснять свободу профессора произвольно выбирать предметъ своихъ лекцiй. Она только налагаетъ на него нравственную обязанность руководить занятiями студентовъ, по тѣмъ частямъ предмета, которые неизлагаются въ чтенiяхъ послѣдняго года.

Переходимъ теперь къ способамъ производства университетскихъ экзаменовъ, къ ихъ внѣшней формѣ.

Главный внѣшній недостатокъ нашихъ экзаменовъ заключается въ той роли, которую играетъ на нихъ случай. Сколько намъ извѣстно экзамены производятся вездѣ по билетамъ. Съ помощью этой лотереи университетскій дипломъ достается иногда людямъ не получившимъ даже основательнаго понятія о предметѣ экзамена. Подобныя ошибки, ослабляя нравственный авторитетъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, подрываютъ довѣріе общества къ университетскому образованію вообще.

Многіе профессоры надѣются устранить эту случайность предлагая экзаменующемуся, сверхъ попавшагося билета, вопросы по своему произволу. Но мѣра эта далеко недостигаетъ своей цѣли, потому что трехъ или четырыхъ дней и даже недѣли бываетъ иногда недостаточно для того, чтобы основательно проэкзаменовать всѣхъ желающихъ. Единственное средство избѣжать этою неудобства заключается въ томъ, чтобы разложить экзамены на цѣлый годъ, а не сосредоточивать ихъ въ одномъ мѣсяцѣ. Но объ этомъ мы будемъ говорить послѣ.

Намъ часто приходилось слышать жалобы на то, что сколько нибудь строгій экзаменъ, вслѣдствіе недостатка основательныхъ свѣдѣній въ студентахъ всѣхъ факультетовъ, служитъ камнемъ преткновенія для большинства экзаменующихся. Причиною этою выставляютъ обыкновенно равнодушіе современнаго молодаго поколѣнія къ наукѣ. Мы смотримъ на это иначе. Людей смолоду отдавшихъ себя какой нибудь спеціальности очень мало. Большинство молодыхъ людей всегда смотрѣло и будетъ смотрѣть на избраніе какой нибудь спеціальности какъ на необходимость. Подчиняться этой необходимости составляетъ обязанность каждаго, но все таки большинство, только по необходимости, входитъ въ тѣсныя рамки какой нибудь спеціальности. Вотъ слабая сторона русской молодежи какъ и всякой другой.

Каждое государственное учрежденіе, въ томъ числѣ и спеціальные университетскіе экзамены, должно быть расчитано не для однихъ только высшихъ натуръ, выдающихся изъ ряду по своимъ способностямъ и нравственнымъ качествамъ, но для людей обыкновенныхъ съ ихъ обыкновенными недостатками и увлеченіями. Карательная роль какаго нибудь учрежденія можетъ совершенно удовле-

творить только людей съ узкимъ, односторонним взглядомъ. Гораздо выше и гуманнѣй стремленіе предупредить самую возможность проступка. — Человѣчество преимущественно симпатизируетъ тѣмъ формамъ общественной жизни, при которыхъ невозможно развитіе дурныхъ сторонъ нашей природы.

Приложимъ это право къ университетскимъ экзаменамъ. Многіе экзаменуются „на авось“. Но причина этого заключается не только въ ихъ собственной лѣни (есть много причинъ болѣе извинительныхъ, но мы беремъ самую худшую), но и въ самой постановкѣ экзаменовъ. У большинства людей невполнѣ приготовившихся къ экзамену, если ихъ торопятъ, естественно является мысль о томъ, что недочетъ въ свѣдѣніяхъ можно будетъ пополнить и послѣ экзамена, а теперь, пока экзамены по билетамъ и недостатокъ времени у экзаменатора даютъ надежду на рискъ, отчего не рискнуть? Но рискъ не удался. Порокъ наказанъ и добродѣтель торжествуетъ! Но вѣдь наказаніе десятаго есть одно изъ самыхъ нелогичныхъ наказаній .....

Вотъ сторона университетскихъ экзаменовъ, брасающая тѣнь на экзаменующихся. Хотя

она далеко неимѣетъ такой важности, какъ другіе недостатки университетскихъ экзаменовъ, но мы не хотѣли умолчать и о ней, зная что публика университетовъ имѣетъ слишкомъ много правъ на расположеніе общества для того чтобы не бояться раскрывать свои недостатки и искать средства ихъ исправить.

Если въ этомъ случаѣ и можно жаловаться на экзаменующихся, за то есть бездна другихъ случаевъ, когда экзаменующіеся имѣютъ полное право жаловаться на недостатки теперешней системы экзаменовъ. Первый изъ этихъ недостатковъ — отсутствіе довольно сильныхъ гарантій отъ произвола лица экзаменующаго. Имѣя полное основаніе предположить во всѣхъ дѣйствіяхъ экзаменатора-профессора добросовѣстность и вовсе нежели предполагать противное, мы однако желаемъ чтобы экзаменующемуся было предоставлено болѣе гарантіи справедливости, нежели одна только личная добросовѣстность экзаменатора. Мало ли какимъ слабостямъ подверженъ человѣкъ? Нерѣдко эти слабости управляютъ его дѣйствіями такъ, что онъ самъ этого незамѣчаетъ. Необходимо чтобы воля экзаменатора встрѣчала гдѣ нибудь контроль и, если нужно, противурѣчіе..... Съ этою цѣлью учреждены у насъ

ассистенты. Но это учрежденіе при настоящей обстановкѣ, далеко не выполняетъ своего назначенія. Начнемъ съ того, что при большомъ накопленіи экзаменовъ ассистентамъ просто недостаетъ времени. И профессоръ, и ассистентъ экзаменуютъ каждый по своему предмету. Кромѣ того ассистенты могутъ быть слишкомъ подавлены авторитетомъ своего собрата по кафедрѣ, слишкомъ равнодушны къ чему бы то ни было и т. п. Понятно послѣ этого отъ чего университетскому экзамену очень часто угрожаетъ опасность обратиться въ единоличную расправу, при производствѣ которой не рѣдко принимается въ расчетъ и то, усердно ли посѣщались лекціи экзаменующаго профессора. (Въ этомъ послѣднемъ случаѣ профессоръ, обыкновенно, бываетъ глубоко и вполнѣ добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что внѣ его лекцій, какъ внѣ католицизма, нѣтъ спасенія.)

Для обезпеченія интересовъ экзаменующихся необходимо чтобы экзамены производились коммиссіей, въ которой участвовали бы, съ одинакомъ правомъ голоса, всѣ профессоры и доценты читающіе болѣе близкіе между собой отдѣлы наукъ. Такимъ образомъ профессора и доценты русской исторіи, всеобщей исторіи и исторіи литературъ должны составлять ком-

миссіи для производства экзаменовъ изъ историческихъ предметовъ; профессора и доценты по древней словесности составляютъ другую; профессора и доценты гражданскаго, уголовнаго и общественнаго права третью и т. д. Коммиссія образованная изъ людей противуположныхъ научныхъ убѣжденій и соединяющая въ себѣ молодыхъ ученыхъ и людей давно привыкшихъ къ кафедрѣ имѣла бы всѣ достоинства суда присяжныхъ. Это значеніе университетскихъ экзаменовъ отучило бы экзаменующихся отъ привычки безсознательно принимать убѣжденія профессора, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно дало бы имъ большія гарантіи, нежели теперь, когда экзаменъ остается личнымъ дѣломъ экзаменующаго. Каждый изъ членовъ коммиссіи долженъ имѣть право предлагать вопросы въ тѣсной рамкѣ того предмета, изъ котораго держатъ экзаменъ и само собой разумѣется что экзаменаціонная отмѣтка должна составлять средній выводъ изъ отмѣтокъ каждаго члена коммиссіи.

Но (могутъ возразить) производство экзаменовъ коммиссіей потребуетъ гораздо болѣе времени, нежели сколько тратится теперь и если профессора и теперь едва успѣваютъ, изъ нѣкоторыхъ предметовъ, проэкзаменовать всѣхъ

желающихъ, занимаясь этимъ каждый отдѣльно, то тѣмъ болѣе они не успѣютъ проэкзаменовать всѣхъ коммиссіей.

Мы согласны что экзаменаціонныя коммиссіи будутъ чрезвычайно обременительны если неизмѣнится существующій способъ располагать экзамены. Но отчего же его не измѣнить если это измѣненіе необходимо. При существующемъ порядкѣ, по крайней мѣрѣ, три четверти неудачныхъ экзаменовъ происходитъ не отъ небрежности экзаменующихся, но отъ причинъ нисколько отъ нихъ не зависящихъ. Во 1^{хъ}, отъ нихъ совершенно напрасно требуется, обязательное изученіе многихъ постороннихъ предметовъ (объ этомъ мы говорили выше) и во 2^{хъ}, экзамены расположены не въ такомъ порядкѣ, и не съ такими промежутками чтобы доставить каждому экзаменующемуся полную возможность основательно приготовиться изъ каждаго предмета.

Въ настоящее время экзамены производятся обыкновенно въ послѣдніе два или три мѣсяца каждаго академическаго года. Это короткое время разбивается на нѣсколько сроковъ, смотря по числу обязательныхъ предметовъ. Держать экзаменъ по каждому предмету можно не иначе, какъ въ одинъ изъ этихъ сроковъ, именно назначенный для этого предмета.

Даже при этомъ способѣ распредѣлять экзамены остается обыкновенно нѣсколько дней на прочтеніе каждого предмета. Но эти промежутки не могутъ одинаково удовлятворять каждаго. Намъ не разъ приходилось слышать такое мнѣніе: человѣкъ занимающійся прилежно въ теченіи года можетъ обойтись безъ приготовленія къ экзамену и экзаменъ никогда не можетъ застать его въ расплохъ. Все это можетъ быть справедливо (и то не для всякаго) при поверхностныхъ экзаменахъ, гдѣ много значитъ случай и гдѣ ограничиваются однимъ только намекомъ на знаніе, вовсе нетребуя отъ человѣка серьезныхъ, самостоятельныхъ занятій. Напротивъ, чѣмъ серьезней экзаменъ, тѣмъ болѣе надобно времени на приготовленіе къ нему. Здѣсь уже не годятся эти блистательные экспромпты, которые далеко не всегда бываютъ результатомъ основательнаго знакомства съ предметомъ. Приготовленіе, систематизація знанія, подведеніе итоговъ, по большей части, необходимы не только для экзаменующихся на первую ученую степень, но и для опытнаго профессора передъ чтеніемъ каждой лекціи. Даже профессора никогда не мѣняющіе своихъ курсовъ слѣдуютъ обыкновенно при чтеніи каждой лекціи замѣткамъ или конспекту

и немного найдется такихъ, которые всегда готовы на импровизацію.

Времени для приготовленія къ экзамену одному нужно болѣе, другому менѣе. Это зависитъ отъ способностей, отъ общаго образованія и отъ обстановки каждаго. Одинъ тратитъ половину дня на то, чтобы частными уроками обезпечить свое существованіе, другой живетъ совершенно независимо; тотъ кто имѣетъ независимое состояніе хорошо знаетъ иностранные языки и потому, безъ всякого лишняго труда, пользуется иностранными сочиненіями по своей спеціальности, тогда какъ его товарищъ едва можетъ прочесть страницу въ часъ. Природныя способности одного требуютъ, чтобы курсъ былъ прочитанъ не менѣе трехъ разъ, тогда какъ другому довольно двухъ. Очевидно что при одинаковой силѣ воли тотъ, кто имѣетъ на своей сторонѣ матеріальныя средства, природныя способности и тщательное воспитаніе приготовится къ экзамену втрое скорѣй нежели тотъ кто не имѣетъ ни одного изъ этихъ условій. Неестественно ставить эти два положенія въ совершенно одинаковыя рамки. Къ сожалѣнію настоящая система располагать экзамены, сбивая ихъ къ одной минутѣ — окончанію года, непризнаетъ именно этого естественнаго

различія и ставитъ экзаменующихся въ чрезвычайно неловное положеніе.

Какимъ же образомъ можно было бы избѣгнуть нивелировки и удовлетворить индивидуальному различію обѣихъ экзаменующихся? Достигнуть этого можно только тогда, когда экзамены будутъ расположены на цѣлый годъ, по одному или по два засѣданія въ мѣсяцъ. Засѣданія профессоровъ въ качествѣ экзаменаторовъ должны прерываться только на два или на три мѣсяца лѣтнихъ вакацій. Каждое засѣданіе можетъ продолжаться одинъ вечеръ, два, три и болѣе смотря по числу желающихъ экзаменоваться. Каждый желающій долженъ объявить объ этомъ за недѣлю до экзамена, для того чтобы, въ случаѣ совершеннаго недостатка или очень ограниченнаго числа желающихъ, не тревожить напрасно экзаменаторовъ. Порядокъ въ которомъ будутъ держаться экзамены вполнѣ предоставляется на волю каждаго экзаменующагося, но можно положить срокъ, впродолженіи котораго должны быть выдержаны всѣ обязательные экзамены. Этотъ срокъ долженъ быть какъ можно длиннѣй, для того что бы не стѣснять безполезно экзаменующагося и во всякомъ случаѣе не менѣе двухъ лѣтъ.

Подобный способъ располагать экзамены

имѣлъ бы огромное вліяніе, какъ на методъ пріобрѣтенія спеціальныхъ познаній въ университетѣ, такъ и на успѣшное окончаніе курса. Въ настоящее время многихъ удивляетъ огромное число не выдержавшихъ экзамены, и общая неудовлетворительность отвѣтовъ лишенныхъ, по большей части, всякаго отпечатка самостоятельности. Но не остается никакаго повода къ удивленію если принять во вниманіе то, что хотя эпоха экзаменовъ составляетъ теперь время самыхъ горячихъ занятій, но свѣдѣнія пріобрѣтаемыя второпяхъ, съ помощью одной только памяти и безъ всякаго содѣйствія критики, далеко не имѣютъ того достоинства, которое они имѣли бы при большей свободѣ мысли. Еще менѣе можно удивляться относительно большому числу не выдержавшихъ экзаменъ. Число это возрастаетъ до громадной цыфры если принять во вниманіе также и тѣхъ, которые вышли изъ университета на первыхъ курсахъ, потерявъ всякую надежду на успѣшное окончаніе. Они должны были оставить университетъ потому что ихъ заставляли не во время держать экзаменъ; а два неудачно выдержанные экзамена (не рѣдко по предметомъ совершенно постороннымъ) составляли законное препятствіе для

продолженія своихъ занятій на этомъ факультетѣ.... И не грустно ли думать, что можетъ быть нужна была только лишняя недѣля занятій по этому предмету, для того чтобы пополнить всѣ пробѣлы знанія!

Эти неудобства уничтожаются сами собой если расположить засѣданія на цѣлый годъ и дозволить каждому желающему, изъ каждаго предмета, экзаменоваться только тогда, когда онъ будетъ считать себя достаточно приготовленнымъ. Тогда профессоръ будетъ имѣть физическую возможность и полное нравственное право основательно экзаменовать рѣшительно каждаго. Ему не за чемъ будетъ ни торопиться, ни оказывать снисхожденіе. Но съ другой стороны и экзаменующійся не будетъ имѣть надобности спѣшить, полагаться на русское „авось“ и расчитывать на снисхожденіе экзаменатора. Передъ нимъ лежитъ непрерывный рядъ засѣданій и отъ него вполнѣ зависитъ выдержать экзамены теперь или двумя, тремя мѣсяцами позже. Такимъ образомъ, не смотря на то что экзамены производились бы гораздо строже, выдержать ихъ было бы несравненно легче нежели теперь, при всемъ снисхожденіи экзаменаторовъ и при поверхностности настоящихъ экзаменовъ вообще.

Выгоды, которыя имѣютъ экзаменующіеся при подобномъ способѣ производить экзамены очевидны, и намъ остается только высказать наше мнѣніе о томъ, не будетъ ли этотъ способъ стѣснять ученыя занятія профессоровъ. Окончательный отвѣтъ на этотъ вопросъ конечно могутъ дать только профессора. Но намъ кажется, что въ этомъ случаѣ руководящей нитью должна быть та мысль, что не слушатели существуютъ для профессоровъ, но профессоръ для слушателей. Если выгоды этого способа слишкомъ велики для экзаменующихся, если отъ него зависитъ благополучіе нѣсколькихъ сотень семействъ и самый характеръ нашего спеціальнаго образованія и если профессора уже обезпечены матеріально, то неудобства экзаменатора невольно отходятъ на второй планъ.

Впрочемъ можно устроить дѣло такъ, что общество вовсе не будетъ нуждаться въ самопожертвованіи одной стороны (профессоровъ) и что напротивъ новый способъ распредѣлять экзамены можетъ принести и профессорамъ-экзаменаторамъ очень существенныя выгоды. При настоящемъ порядкѣ профессоръ экзаменуетъ въ концѣ года, при чемъ разомъ тратитъ на это скучное дѣло недѣлю или двѣ и за тѣмъ, если

его не безпокоитъ обязанность присутствовать на другихъ экзаменахъ въ качествѣ ассистента, онъ можетъ совершенно свободно располагать своимъ временемъ. При новомъ порядкѣ эти двѣ недѣли распредѣлились бы на цѣлый годъ (за исключеніемъ лѣтнихъ вакацій) по одному или по два вечерныхъ засѣданія въ мѣсяцъ. Но врядъ ли потеря нѣсколькихъ вечеровъ въ году составляетъ слишкомъ большой недостатокъ системы. Эта потеря могла бы съ избыткомъ вознаградиться увеличеніемъ времени лѣтнихъ вакацій, что составило бы для профессоровъ весьма значительное удобство. Вспомнимъ кстати, что эти вечерніе экзамены, въ продолженіи семестра, то есть мѣсяцевъ посвященныхъ чтеніи лекцій, отчасти существуютъ и въ настоящее время.

Къ этой выгодѣ можно присоединить еще и другую, денежную. Университетъ, какъ свободное и совершенно общедоступное ученое заведеніе, дозволяетъ держать экзаменъ всякому кто хочетъ. Между его лекціями и его экзаменами нѣтъ никакой связи и можно держать экзаменъ не слушая лекцій и, наоборотъ, можно слушая лекціи, не держать экзамены. Университетъ имѣетъ право и долженъ требовать только одно: чтобы лица желающіе получить

его рекомендацію по какой нибудь спеціальности, обладали солидными теоретическими познаніями въ томъ дѣлѣ, за которое они берутся. Но эта неограниченная свобода во всякое время держать экзаменъ, можетъ повести къ особаго рода злоупотребленіямъ: найдутся люди, которые, не имѣя достаточныхъ познаній, будутъ ходить по нѣскольку разъ на одинъ и тотъ же экзаменъ. Чтобы предупредить такую потерю времени и труда экзаменаторовъ было бы полезно установить слѣдующій порядокъ. Каждый кто заявляетъ свое желаніе экзаменоваться изъ какаго нибудь предмета, долженъ заявить объ этомъ заранѣе (мы выше предположили за недѣлю) и внести, въ тоже время, извѣстную сумму въ пользу университета. Исключеніе должно быть сдѣлано только для людей недостаточныхъ. Полученный такимъ образомъ капиталъ распредѣляется въ послѣдствіи между профессорами-экзаменаторами. Такимъ образомъ всякій не благоразумный рискъ отозвался бы матеріальнымъ ущербомъ для рискующаго, а экзаменаторъ былъ бы вознагражденъ за свои труды. Вознагражденіе это совершенно справедливо, потому что, какъ мы сказали выше, между экзаменами и лекціями не должно быть никакой обязательной связи и работы по экза-

мену составляютъ для профессоровъ совершенно отдѣльное занятіе, неимѣющее никакой связи съ ихъ ученымъ призваніемъ.

Многіе скажутъ: отчего же не назначить особенныхъ экзаменаторовъ, спеціально предназначенныхъ для этого занятія и получающихъ особенное жалованье? Во Франціи есть тенденціи этого рода въ политехнической школѣ и морскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но мы считаемъ этотъ методъ чрезвычайно неудобнымъ. Во первыхъ экзаменаторы по профессіи, будетъ стоить дороже, нежели экзаменаторы-профессора. Ихъ жалованье упадаетъ не на экзаменующихся, но на общество, а этого нужно по возможности избѣгать. Съ какой стати увеличивать штатъ чиновниковъ и соразмѣрно этому возвышать налоги, когда можно обойтись и безъ этого. Во вторыхъ мы боимся, что человѣкъ, сдѣлавшій экзамены своей спеціальностью, будетъ слишкомъ придирчивъ. Сознавая что его болѣе боятся, нежели уважаютъ, онъ будетъ очень склоненъ употреблять во зло обширную власть соединенную съ его обязанностями. Во всякомъ случаѣ его экзаменъ повелъ бы къ безчисленнымъ недоразумѣніямъ, потому что свѣдѣнія экзаменатора по профессіи очень легко могли бы оказаться недо-

статочными. Наконецъ, въ третьихъ: дипломъ университета пользуется довѣріемъ общества только потому, что общество довѣряетъ юридической личности обнимающей собой весь университетъ. Это не есть рекомендація какого нибудь отдѣльнаго лица, но цѣлой корпораціи успѣвшей пріобрѣсти довѣріе общества учеными заслугами нѣсколькихъ поколѣній. Если отнять экзаменъ у профессоровъ и передать ихъ власть людямъ гораздо болѣе строгимъ, но неизвѣстнымъ въ наукѣ, дипломъ потеряетъ всякую связь съ университетомъ и вмѣстѣ съ этимъ потеряетъ всякое вліяніе на общество.

И такъ экзаменъ долженъ, по прежнему, оставаться коллегіальнымъ дѣломъ каждаго русскаго университета. На немъ по прежнему должны встрѣчаться слушатели съ профессорами. Профессора будутъ повѣрять познанія слушателей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они будутъ повѣрять также и степень соотвѣтствія своихъ чтеній съ потребностями общества. Такимъ образомъ профессоръ будетъ поставленъ экзаменами въ невольное столкновеніе съ движеніемъ современной науки. Коснѣніе становится невозможнымъ. Слѣдовательно экзаменъ будетъ полезенъ, не только для экзаменующагося, но и для экзаменатора.

Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія и того вліянія, которое могутъ имѣть правильно организованные экзамены на нравственный духъ университета. Наука и общество потеряютъ чрезвычайно много если отношенія слушателей и профессоровъ будутъ ограничиваться одной только форменной передачей и выслушываніемъ „послѣдняго слова науки“. Нельзя не пожелать болѣе живой связи, болѣе родственнаго чувства. Экзамены могутъ служить, по нашему мнѣнію, могущественнымъ средствомъ сближенія профессоровъ съ своими слушателями. Безъ встрѣчи на экзаменѣ профессоръ можетъ читать лекціи цѣлый годъ и неимѣть никакаго понятіяхъ о самыхъ способныхъ личностяхъ своего аудиторіи. Безъ этой арены первое движеніе развивающихся силъ могло бы быть оставлено безъ руководства, первые проблески дарованія могли бы остаться незамѣченными.

III.

Церковь и Воспитаніе.

Къ числу главныхъ элементовъ общественного воспитанія въ Россіи мы должны отнести Церковь и ее служителей — православное духовенство.

Согласно внутреннему смыслу Христіанства Церковъ представляется проводникомъ той же нравственной идеи къ которой стремится и общественное воспитаніе. Другими словами Христіанская Церковь преслѣдуетъ туже цѣль какъ и христіанская школа. Поэтому, въ своемъ идеалѣ, церковное устройство должно представлять готовую организацію служителей общественного воспитанія въ наиболѣе объемлющемъ смыслѣ этого слова и, наоборотъ, невозможно посвятить себя педагогической дѣятельности, не принявъ на себя въ тоже время — если не оффиціально, то нравственно — обязанностей лица духовного. Это объясняетъ намъ почему во всѣ времена и у всѣхъ народовъ замѣчается

болѣе или менѣе сильное сближеніе между званіемъ учителя и церковной корпораціей.

Нашъ очеркъ общественного воспитанія въ Россіи былъ бы слишкомъ неполонъ, если бы мы не коснулись въ немъ тѣхъ элементовъ, которые русское воспитаніе должно получить отъ Православной Церкви.

Православіе представляетъ собой извѣстный политическій принципъ выразившійся въ характерѣ отношеній свѣтскихъ классовъ къ церковному устройству и окончательно сроднившійся съ историческими судьбами русскаго народа. Вытекающее изъ этихъ отношеній значеніе Православной Церкви въ гражданскомъ обществѣ, совершенно не похоже на то значеніе, которое выработала для себя Римская Церковъ. Это разница принциповъ на которыхъ основана церковная администрація въ православіи и католицизмѣ объясняетъ намъ различное вліяніе Восточной и Западной Церкви на индивидуальный характеръ народовъ и общее направленіе ихъ исторіи. Отсюда понятно какое міровое значеніе имѣетъ наша Церковь для нашего общества и какъ тѣсно связаны съ дурнымъ или хорошимъ положеніемъ нашихъ церковныхъ дѣлъ, не только характеръ нашего общественного воспитанія, но и политическое

значеніе русского народа, его международный вѣсъ въ такъ называемомъ „восточномъ вопросѣ“ и его историческая будущность. Внѣ Церкви наше общественное воспитаніе превращается въ какую то отвлеченную теорію совершенно потерявшую почву русской дѣйствительности и окончательно лишенную всякой солидарности съ историческимъ развитіемъ русского народа и тѣми инстинктами умственной свободы, представителемъ которыхъ, въ противуположность католическимъ тенденціямъ, всегда была и будетъ Православная Церковь.

Коснувшись нашего церковного вопроса, находящагося въ такой тѣсной связи съ системой нашего національного общественного воспитанія, мы не намѣрены разбирать политическія и нравственныя преимущества нашего церковного устройства сравнительно съ католическимъ. Мы не думаемъ проводить паралель между духовенствомъ католическимъ и православнымъ, порицать противуобщественныя стремленія католицизма и восхвалять гражданственность нашего духовенства. Этотъ вопросъ или ясенъ до очевидности для всякого непредъубѣжденного ума, или на всегда неразрѣшимъ для людей похоронившихъ свою умственную свободу въ католицизмѣ.

Мы хотимъ только безпристрастно — не обращая ни малѣйшаго вниманія на бревно въ чужомъ глазу — анализировать: почему православное духовенство, не смотря на свое несомнѣнное сочувствіе государственнымъ и гражданскимъ интересамъ русскаго народа — сочувствіе вытекающее изъ его организаціи и прошедшаго и создающее для него тѣже отношенія къ народу, какіе установились въ протестантскомъ обществѣ — далеко уступаетъ протестантскому духовенству въ гражданскихъ заслугахъ на поприщѣ общественного воспитанія, проповѣди и науки, пользуется несравненно меньшимъ вліяніемъ на образованное общество и слишкомъ мало удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ русской жизни.

Это вопросъ не новый и врядъ ли найдется русскій, которому не приходилось бы много разъ задуматься надъ его рѣшеніемъ. Но анализируя разладъ православнаго духовенства съ требованіями жизни, современный образованный классъ чрезвычайно склоненъ во всемъ обвинять духовенство. Эти обвиненія сдѣлались у насъ какимъ то общимъ мѣстамъ либерализма, позволительною для всѣхъ рутиной. Но не виновато ли само общество въ непониманіи своихъ церковныхъ интересовъ, не дол-

жно ли оно принять на себя отвѣтственность во всѣхъ недостаткахъ духовенства — одного изъ главныхъ дѣятелей на поприщѣ умственнаго развитія русскаго народа?

Если внимательно разсмотрѣть обстановку православного священника, то, намъ кажется, трудно не прійти къ заключенію оправдывающему православное духовенство, какъ сословіе, и нельзя не пожалѣть о реформахъ прошедшаго столѣтія замѣнившихъ бюрократическими формами нашу древнюю, основанную на выборно-земскомъ началѣ, церковную администрацію и нашу древнюю церковно-гражданскую школу.

Рядомъ этихъ реформъ создано современное положеніе нашего священника принужденного дѣйствовать подъ вліяніемъ трехъ, совершенно неканоническихъ и крайне неблагопріятныхъ для общественного развитія условій. Вотъ они: 1) неудовлетворительность матеріальнаго обезпеченія, 2) совершенное отсутствіе самостоятельности и 3) схоластическое, недостаточное для нашего времени образованіе.

Разсмотримъ подробнѣй каждое изъ этихъ условій.

Начнемъ съ воспитанія, которое получаетъ наше духовенство.

Семинаріи составляютъ, безъ сомнѣнія, самое спеціальное и самое закрытое изъ всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній. Ребенокъ духовного званія съ самаго дѣтства чувствуетъ себя невольникомъ, котораго хотятъ отлить въ извѣстную форму, для извѣстныхъ цѣлей. Неспособность къ духовной карьерѣ вовсе не принимается въ расчетъ. Личная свобода человѣка быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ и можетъ быть уничтожается здѣсь окончательно. Еще недавно малѣйшее отступленіе отъ богословской колеи навлекало на семинариста строгія наказанія. Воспитаннику даже съ астрономіей въ рукахъ было опасно попадаться на глаза начальству, уличенный же въ чтеніи Вальтеръ-Скотта рисковалъ быть исключеннымъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого узкаго богословского направленія въ воспитаніи, бываетъ то, что умъ семинариста мало по малу поддается сословной односторонности и совершенному непониманію всего, что сколько нибудь выходитъ изъ схоластическихъ рамокъ школьнаго учебника. Это чрезвычайно вредитъ священнику впослѣдствіи, когда онъ станетъ гра-

жданиномъ своего прихода. Воспитаніе въ исключительно богословскомъ духѣ рѣдко позволяетъ ему сблизиться съ людьми получившими воспитаніе въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Разобщенный съ наиболѣе образованнымъ кругомъ и изолированный отъ вліянія передоваго класса нашего общества онъ не чувствуетъ особенной потребности продолжать свое образованіе. По немногу онъ отстаетъ и начинаетъ равнодушно относиться ко всему, кромѣ своихъ матеріальныхъ интересовъ. Напротивъ къ этимъ интересамъ онъ начинаетъ иногда оказывать черезъ чуръ много чувствительности. Послѣднее весьма естественно при той ограниченности средствъ, которая выпала на долю нашего священника. Такимъ образомъ нашъ священникъ остается на старой прадѣдовской дорогѣ въ то время, когда среда, въ которой ему приходится дѣйствовать, перемѣнилось окончательно. Эта смѣна поколѣній безъ всякой смѣны идей вызываемыхъ современными интересами русскаго народа идетъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ въ сословіи православнаго духовенства. Такъ тяжело отражается въ жизни нашихъ молодыхъ священниковъ эта сословная обособленность на которую они осуждены своимъ спеціальнымъ воспитаніемъ!

Совершенно въ иныя отношенія къ обществу поставлено духовенство реформатскихъ церковныхъ устройствъ. Воспитаніе получаемое протестантскимъ или англиканскимъ священникомъ дѣлаетъ его неизбѣжнымъ членомъ самаго образованного кружка въ странѣ. Встрѣчая поддержку въ обществѣ священникъ поставленъ въ невозможность отставать.

И такъ, одно изъ самыхъ вредныхъ послѣдствій отдѣльности нашихъ духовно-учебныхъ заведеній заключается въ томъ, что она на всю жизнь разобщаетъ духовное сословіе съ свѣтскимъ и лишаетъ ихъ взаимной опоры. Вслѣдствіе этаго духовное званіе, какъ либеральная профессія, упадаетъ съ каждымъ днемъ. Поставленное едва ли не ниже средняго класса нашего общества сословіе православныхъ священниковъ начинаетъ лишаться своихъ лучшихъ элементовъ. Уже въ настоящее время достаточныя духовныя лица стараются повести своихъ дѣтей по другой дорогѣ. Отдавая ихъ въ гимназію они напередъ знаютъ что вмѣстѣ съ поступленіемъ въ нее сынъ священника навсегда разстается теперь съ отцевскимъ званіемъ. Но и тѣ, кому приходится кончить ученіе въ семинаріяхъ очень часто стараются избѣгнуть священства. Энергія ведетъ однихъ въ

университетъ, другіе поступаютъ въ сословіе черного духовенства, открывая себѣ такимъ образомъ выходъ изъ того подчиненного положенія, въ которомъ находится нашъ священникъ и доступъ къ высшимъ духовнымъ должностямъ. Въ священническомъ званіи, по большой части, остаются только люди, которымъ некуда дѣться. Въ замѣнъ этой убыли сословіе православныхъ священниковъ не получаетъ отъ другихъ классовъ общества никакой поддержки. Чрезвычайно рѣдко встрѣчаются примѣры вступленія новыхъ лицъ въ среду духовенства. Это обстоятельство громче всего говоритъ объ упадкѣ его общественного значенія.

Какъ сословіе закрытое своимъ воспитаніемъ наше бѣлое духовенство лишено всякаго обновленія. Оно стоитъ не соприкасаясь съ другими классами. Въ этомъ ложномъ положеніи его нравственныя силы вырождаются все болѣе и болѣе. Таковъ физіологическій законъ жизни всѣхъ закрытыхъ сословій. Понятно что до тѣхъ поръ, пока наше духовенство будетъ находиться въ этомъ положеніи мы станемъ напрасно ждать отъ него плодотворной дѣятельности на пользу нашего общественного воспитанія и большаго вліянія на нравственное развитіе общества.

Все это заставляетъ насъ желать самаго тѣснаго сближенія между свѣтскими воспитательными учебными заведеніями и семинаріями, между свѣтскимъ воспитаніемъ и духовнымъ. И то, и другое должно давать воспитанникамъ только общее образованіе, не различаясь даже именемъ, одинаково служить мірянамъ и духовенству, и находиться въ совершено одинакихъ отношеніяхъ къ общимъ цѣлямъ воспитанія и ко всѣмъ сферамъ народной жизни.

Что же касается до спеціально-богословскихъ наукъ, то желающему принять званіе священника всегда возможно изучить ихъ впослѣдствіи, точно также какъ изучаются вообще всѣ спеціальности. Врядъ ли даже представляется надобность основывать въ нашихъ университетахъ особые богословскіе факультеты по германскимъ образцамъ. Прибавленіе нѣсколькихъ каѳедръ посвященныхъ историческому и философскому развитію догматовъ православія къ историко-филологическому факультету могло бы вполнѣ удовлетворить потребностямъ спеціально-богословскаго образованія. Для духовной карьеры не менѣе богословскихъ знаній необходимы практика жизни, знаніе общества и сила наклонностей, пріобрѣтаемыя помимо ученія.

Богословскія кафедры нашихъ университетовъ послужили бы для будущихъ священниковъ подготовкой къ духовной дѣятельности; для массы общества онѣ были бы поводомъ къ сознательной оцѣнкѣ той исторической и философской истины, которая выработалась въ догматъ православія. Для духовенства эти кафедры были бы основаніемъ спеціальности; для мірянъ — выраженіемъ общаго принципа обусловливающаго національность въ образованіи.

При такомъ способѣ образованія духовенства мы имѣли бы возможность разширить значеніе нашего университетскаго образованія до осуществленія мысли Петра Великаго желавшаго основать такую школу изъ которой „на всякія потребы люди, благоразумно учася, выходили, въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство“.

Соединивъ богословское образованіе съ общей массой знаній разрабатываемыхъ русскимъ университетомъ, мы дали бы нашей Церкви возможность располагать несравненно большимъ количествомъ средствъ для образованія талантовъ полезныхъ для православія, чѣмъ она имѣетъ ихъ теперь, при закрытомъ устройствѣ нашихъ семинарій и духовныхъ академій. Пра-

вославная Церковь будетъ несравненно сильнѣй на поприщѣ духовной дѣятельности тогда, когда бѣлое духовенство будетъ поставлено своимъ воспитаніемъ въ уровень всѣмъ сферамъ общественной жизни, когда оно воспоминаніями дѣтства будетъ соединено со всѣмъ образованнымъ классомъ и путемъ многосторонняго ученія выработаетъ себѣ самостоятельное убѣжденіе и сознательное призваніе, нежели теперь, когда ее опору составляютъ только люди получившіе исключительно-богословское образованіе.

Вмѣстѣ съ этимъ духовенство перестало бы существовать какъ каста, какъ закрытое сословіе для поддержанія котораго необходимо государственный протекціонизмъ. Оно держалось бы собственными талантами, уваженіемъ всѣхъ классовъ къ духовному званію и тѣмъ положеніемъ въ обществѣ, которое дается высшему образованію.

Еще одна замѣтка. Главнымъ основаніемъ для рукоположенія во священники должно бы служить не семинарское образованіе (какъ дѣлается теперь у насъ) и не поглощеніе большаго или меньшаго количества богословскихъ лекцій (какъ принято въ Германіи), но испытаніе способностей человѣка извѣстныхъ лѣтъ, извѣстного положенія въ обществѣ, съ извѣ-

стнымъ прошедшимъ къ принимаемому имъ священническому званію. Поэтому, для того чтобы получить священство необходимо предъидущая дѣятельность, которая ручалось бы за все будущее человѣка. Отсюда ясно, что священническому званію должно предшествовать какое нибудь другое званіе, которое могло бы служить приготовительной ступенью и испытаніемъ нравственныхъ силъ человѣка желающаго принять священство.

Благодаря тому сродству, какое существуетъ между призваніемъ учителя и призваніемъ лица духовного, педагогическая дѣятельность очень часто служила приготовительной ступенью къ различнымъ степенямъ священства. Такъ было во всѣхъ протестантскихъ земляхъ и такой порядокъ, до сихъ поръ, существуетъ въ Англіи. По свойству нашего церковного устройства мы считаемъ это соединеніе совершенно возможнымъ и у насъ съ той минуты, когда наше духовенство будетъ освобождено отъ спеціальнаго воспитанія навязаннаго ему въ XVIII вѣкѣ, и когда путь для вступленія въ духовное званіе будетъ заключаться въ свободныхъ наклонностяхъ такихъ же образованныхъ людей, которые, въ настоящую эпоху нашего общественного развитія, стремятся обы-

кновенно къ другимъ сферамъ общественной дѣятельности.

Для православнаго русскаго люда мысль о необходимости соединить въ настоящее время свѣтскія учебныя заведенія съ духовными, для обоюдной пользы мірянъ и духовенства, не можетъ быть одной только отвлеченной, теоретической мыслью, потому что такое соединеніе вовсе не было бы у насъ нововведеніемъ, но только возвращеніемъ къ старому порядку. Не трудно убѣдиться въ томъ, что хотя всѣ старыя училища въ Малой и Великой Россіи основаны подъ знаменемъ религіозныхъ побужденій, но въ своей религіозности они заключали такую массу гражданскихъ инстинктовъ которые дѣлали ихъ одинаково пригодными, какъ для свѣтского, такъ и для духовного образованія. Духовный колоритъ составлялъ въ это время общій характеръ всякой науки и всякого образованія, а отнюдь не ихъ исключительную принадлежность.

Соединеніе всѣхъ элементовъ народного развитія — какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ — въ одномъ общенародномъ воспитаніи, составляетъ для нашего общества вопросъ такой неизмѣримой важности, что безъ его разрѣшенія нельзя дать нашему общественному воспи-

танію совершенно народныхъ формъ и быть вполнѣ увѣреннымъ въ его спокойномъ, нормальномъ ходѣ. Разбирая далѣе новый гимназическій уставъ, мы еще будемъ имѣть случай обратиться къ этому предмету.

Но перемѣны въ системѣ воспитанія нашего духовенства ни къ чему не поведутъ, если, въ тоже время, не перемѣнится обстановка священника и тѣ отношенія къ начальству, которыми опредѣляется въ настоящее время степень самостоятельности этаго сословія.

Наше духовенство раздѣляется во двѣ половины: свѣтское и монашествующее. Въ ихъ внутреннемъ быту, въ ихъ воззрѣніяхъ на жизнь и отношенія къ обществу — огромная разница. Но вся администрація находится въ рукахъ чернаго духовенства. Вслѣдствіе такого неравновѣсія элементовъ церковной администраціи наши церковныя дѣла управляются слишкомъ съ монашеской точки зрѣнія.

Монастырская администрація и взглядъ монаха на жизнь вовсе не годятся нашему бѣлому духовенству. Священникъ всю жизнь занятъ своимъ приходомъ. Онъ нашъ сограждa-

нинъ, онъ не можетъ и не долженъ жить въ отдѣльности отъ народа. На его отвѣтственности лежатъ церковныя требы, сельская школа и нравственное воспитаніе прихожанъ посредствомъ проповѣди. Священнику дорогъ прогрессъ человѣческого общества, потому что онъ самъ гражданинъ-дѣятель этаго грѣшнаго міра. Мірское горе — его горе; прогрессъ общества не минетъ и его семейства. Когда измѣняется характеръ народной жизни, измѣненіе это проникаетъ и въ дѣятельность священника. Еще недавно ученіе вовсе не составляло насущной потребности рабочаго класса: теперь она явилась и священникъ обязанъ удовлетворить этой потребности основаніемъ сельской школы и воскресной проповѣдью. Короче, служа людямъ, священникъ служитъ Богу.

Другая часть нашего духовенства — монашествующіе, тоже служитъ Богу. Но монахъ совершенно иначе смотритъ на міръ и человѣчество. Земля для него только злое начало, которое онъ отвергнулъ. Отсюда отреченіе отъ міра и аскетизмъ. Самый принципъ монашества не допускаетъ никакихъ измѣненій и улучшеній, потому что монашество есть отрицаніе общественной жизни, матеріальныхъ удобствъ и всякаго прогресса. Монахъ добро-

вольно мѣняетъ все это на тѣсную келью, суровый постъ и молитву. Отдѣливъ себя отъ міра, онъ поставляетъ цѣлью своей дѣятельности собственное спасеніе.

Мы не входимъ въ соображенія о томъ, какой видъ служенія религіозной идеѣ выше и нравственнѣй. Мы старались только показать что обязанности и отношенія къ міру совершенно различны у монаха и священника. Небреженіе земными интересами и уничтоженіе собственной воли могутъ составлять добродѣтель монаха, но священнику необходимо и независимое положеніе и самостоятельность характера. Слѣдовательно нельзя управлять съ монашеской точки зрѣнія нашимъ бѣлымъ духовенствомъ.

Къ сожалѣнію наша современная церковная администрація вовсе не даетъ самостоятельности свѣтскому духовенству. Оно находится въ настоящее время въ самомъ полномъ подчиненіи у чернаго духовенства, представителемъ котораго служитъ епархіальный епископъ.

Прежде нежели мы будемъ говорить объ епархіальной администраціи считаемъ нужнымъ замѣтить, что ее не слѣдуетъ смѣшивать съ религіозной догмой. Догматическая часть православнаго исповѣданія неизмѣнна. Она давно

сложилась на вселенскихъ и помѣстныхъ соборахъ и если бы въ настоящее время возникъ въ какой нибудь епархіи новый догматическій вопросъ, то, по старому обычаю, онъ не подлежитъ единоличному рѣшенію епископа или консисторіи, но рѣшенію соборовъ. Епископу и консисторіи ввѣряется только административная и судебная часть, то есть наблюденіе за исполненіемъ обязанностей духовенства, утвержденіе приходовъ за ставленниками, судъ надъ духовными лицами въ тѣхъ случаяхъ когда нарушаются духовные законы и т. п. Догматическое законодательство неизмѣнно, но способъ управленія епархіей можетъ и долженъ измѣняться сообразно состоянію управляемаго общества. Измѣненіе это необходимо тѣмъ болѣе что вопросъ объ администраціи нашего бѣлого духовенства касается не однихъ только священниковъ, но и всего православнаго народонаселенія Россіи, всѣхъ классовъ нашего общества.

Управленіе епархіей ввѣрено епископу и консисторіи. Извѣстно что ни священники, ни міряне не имѣютъ въ настоящее время никакого вліянія на назначеніе епископовъ, избираемыхъ теперь исключительно изъ среды черного духовенство. Одно это обстоятельство уже обу-

славливаетъ преобладаніе монашескихъ взглядовъ и привычекъ въ современной церковной администраціи. Преобладаніе это становится еще яснѣй, если вспомнимъ громадность предоставленной епископу судебно-административной власти. Отъ него вполнѣ зависитъ и личный составъ консисторіи, и порядокъ вершенія дѣлъ[1].

---

[1] Всѣ члены духовныхъ консисторій, числомъ отъ 5 до 7, назначаются синодамъ, по представленію архіерея. Такимъ же порядномъ они и увольняются. Кромѣ того, въ случаѣ непредвидѣннаго уменьшенія числа членовъ, онъ можетъ назначить временно-присутствующаго. Онъ можетъ также устранить члена консисторіи отъ присутствованія по дѣлу, къ которому онъ прикосновененъ и удалить, впредъ до разсмотрѣніе дѣла, члена консисторіи подвершагося отвѣтственности по важному обвиненію (Уставъ дух. консисторіи, стр. 282, 284). Слишкомъ сильное вліяніе архіерея, на рѣшеніе дѣлъ въ консисторіяхъ выражается въ слѣдующемъ. Даже при единогласномъ рѣшеніи, если оно не согласно съ обстоятельствами дѣла и законами секретарь консисторіи имѣетъ право докладывать членамъ о законахъ и объяснять сущность дѣла. Если его представленіе не будетъ уважено онъ подаетъ рапортъ преосвященному въ которомъ излагаетъ тѣ объясненія какія представлялъ членамъ. Судьба дѣла поданнаго на архіерейское разсмотрѣніе такова: архіерей указываетъ на обстоятельства съ которыми онъ несогла-

Такимъ образомъ въ то время, когда священникъ можетъ достигнуть только благочинія и протоіерейства (имѣющихъ, впрочемъ, только значеніе почетной степени и не дающихъ самостоятельности) санъ епископа служитъ наглядным выраженіемъ тѣхъ преимуществъ, которыми пользуется у насъ — сравнительно съ свѣтскимъ духовенствомъ — духовенство монашествующее.

Христіанскія добродѣтели и просвѣщенная дѣятельность многихъ пастырей нашей Церкви конечно служатъ, въ большинствѣ случаевъ, гарантіей того, что власть епископа будетъ примѣнена для пользы общественной и для блага свѣтскаго духовенства. Но, во первыхъ: самый объемъ власти едва ли не налагаетъ на епископа сумму обязанностей далеко превышающую его физическія силы. Едва ли возможно для человѣка самыхъ высокихъ способностей и энергіи неуклонно слѣдить за всей духовной жизнью епархіи, личнымъ вниманіемъ

сенъ и опять отсылаетъ дѣло въ консисторію для новаго обсужденія. За тѣмъ, въ случаѣ новаго несогласія съ мнѣніемъ консисторіи, полагаетъ собственное рѣшеніе, которое и приводится въ исполненіе. (Уставъ духовн. консисторій, ст. 318, 329 и 333.)

предупредить всякое злоупотребленіе и нести на одномъ себѣ всю массу нравственной отвѣтственности. Во вторыхъ: самое добросовѣстное и разумное употребленіе власти не служитъ еще гарантіей того, что добросовѣстность и разумность будутъ достигать своей цѣли. Личная энергія ничего не значитъ передъ апатіей общества и самая благонамѣренная индивидуальная дѣятельность не въ состояніи замѣнить той плодотворной дѣятельности, которая возможна только для общественнаго мнѣнія, для народныхъ массъ и сословій. Но эта послѣдняя дѣятельность ни въ чемъ не можетъ проявить себя, если ей не будетъ дано простора, если ей можно будетъ выразить себя только въ видѣ безсильной оппозиціи или смѣшной самонадѣянности.

Наконецъ несамостоятельность нашего свѣтскаго духовенства относительно монашествующаго вредна еще и потому, что всякій застой и угнетеніе, нисколько не поправляя дѣла, порождаетъ новыя злоупотребленія, еще болѣе затрудняющія и еще болѣе дѣлающія неисполнимой задачу епископской власти, въ томъ объемѣ, въ какомъ она приложена къ современной церковной администраціи.

Преимущества чернаго духовенства въ цер-

ковной администраціи совершенно измѣняютъ общественное значеніе нашихъ священниковъ. На дѣлѣ выходитъ что сельскій священникъ ведетъ жизнь болѣе уединенную и бѣдную нежели человѣкъ давшій обѣтъ уединенія и нелюбостясанія. Всѣ высшія, почетныя и обезпеченныя мѣста заняты чернымъ духовенствомъ: православному священнику остается въ удѣлъ только безгласное повиновеніе. Странный порядокъ! Людямъ отказавшимся отъ міра пришлось управлять имъ и въ монастырской кельѣ вести самую обезпеченную жизнь; бѣлому же духовенству — людямъ которые должны посвятить себя трудамъ на пользу міра — пришлось терпѣть, повиноваться и работать, только потому, что они не даютъ обѣтовъ аскетизма. Вся власть, все значеніе находятся въ рукахъ чернаго духовенства....

А между тѣмъ это подчиненіе одного класса духовенства другому составляетъ явленіе сравнительно новое въ іерархіи Православной Церкви. Слѣдующій историческій фактъ совершенно ясно доказываетъ на сколько такое подчиненіе свѣтскаго духовенства монашествующему противно древнимъ обычаямъ русской церкви. Въ самомъ началѣ уніи, когда митрополитъ Ипатій Поцѣй хотѣлъ поставить своимъ вилен-

скимъ намѣстникомъ архимандрита Іосифа Рутского виленскіе священники (только что признавшіе унію) жалуются, но это какъ на обиду противную „правамъ и стародавнимъ обычаямъ“ церкви и просятъ митрополита распорядиться „чтобы монахи вовсе не касались свѣтскихъ священниковъ, потому что ихъ призваніе совсѣмъ иное. Не власть и старѣйшинство, но спокойное, уединенное покаяніе — вотъ ихъ обѣтъ.... Особое учрежденіе капитулъ и особое монахи.....“ [1]

Единственное средство для того чтобы вызвать въ нашемъ бѣломъ духовенствѣ чувство самостоятельности въ противуположность его теперешней подчиненности монашескому элементу заключается въ выборномъ началѣ.

Напрасно стали бы сомнѣваться въ прило-

---

[1] Считаемъ не лишнимъ привести подлинныя выраженія жалобы виленского капитула (1608 года 1 Сентября) „... будешъ рачилъ жебы мнихи, законницы до священниковъ свецъкихъ жадной справы не мели, кѣдыжъ инъшее заволане ихъ, спокойное, уединеное, покутуючее, на то суть обецаны, а не на власть и старъшеньства и тотъ есть пора докъ въ церъкви божей нашой и римъской, же инъшая капитула, а инъшая мнихи законъницы.....“ (Вѣстникъ Западной Россіи 1865 г., кн. 5, стр. 11.)

жимости выборнаго начала къ нашему церковному устройству. Не говоря о теоретической несостоятельности подобныхъ сомнѣній, стоитъ только взглянуть на наше недавнее прошлое, для того чтобы разрушить ихъ съ практической стороны.

Въ Малороссіи, до 1722 года, назначеніе митрополита зависѣло отъ выбора знатнѣйшихъ мірянъ и обоихъ классовъ духовенства совершаемаго по гетманскому универсаму, или, въ небытность гетманской власти, напримѣръ въ 1647 году, по приглашенію митрополичьяго капитула[1]. Послѣдній кіевскій митрополитъ избранный такимъ образомъ былъ Іосафъ Краковскій умершій въ 1718 году. Послѣ его смерти митрополія кіевская и галицкая нѣсколько лѣтъ оставалось безъ митрополита. Избранный вольными голосами Иларіонъ Жураковскій не былъ утвержденъ и получилъ не кіевскую, а черниговскую епархію. Въ 1722 году синодъ назначилъ митрополитомъ кіевскимъ Варлаама Вонатовича, архимандрита новгородского тихвинского монастыря. Съ этаго времени забыто древнее обыкновеніе Мало-

[1] Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть II, т. I, стр. 344.

россіи вольными голосами избирать Архіепископа Кіевскаго, Галицкаго и Малой Россіи[1].

Надѣлавшее много шуму, въ концѣ XVII вѣка, избраніе епископомъ луцкимъ и острожскимъ Димитрія Жабокрицкого „значного и заслуженного въ коронѣ волынского шляхтича, православного и ученого человѣка, писяря земского луцкаго", служитъ неопровержимымъ доказательствамъ того, что и выборъ православного епископа, у русского народа, еще въ очень недавнее время совершался порѣшенію „всей шляхты желаючой зоставати при непоколебимомъ грекорусскомъ православіи" и мѣстного духовенства[2].

Непосредственное участіе общинъ въ назначеніи священниковъ высказывается еще рѣшительнѣй. Очень рано, и очень долго оно является окончательно опредѣленной привилегіей нашего церковнаго устройства. Рѣшеніемъ кіевского митрополита Іосифа Солтана (1511 года) предоставляется православнымъ общинамъ право

---

[1] Исторія Малой Россіи Баптышъ-Каменскаго. Часть III, стр. 260. Московскій митрополитъ таже выбирался въ старину по согласію мірянъ и духовенства. Соловьева, Ист. Россіи, т. V, гл. V.

[2] Лѣтопись Самоила Велички. Т. III, стр. 297 и 302.

„въ случаѣ если священника Богъ возметъ съ этаго свѣта или если священникъ будетъ лишенъ прихода за вину — пріискать хорошаго діакона или священника и тотчасъ явиться съ нимъ (къ митрополиту) или прислать его съ письмомъ ходатайствующимъ о назначеніи....“ Митрополитъ обѣщаетъ, дать рекомендуемому общиной ставленнику приходъ, если онъ окажется достойнымъ[1].

Тонъ которымъ проникнутъ этотъ замѣчательный актъ доказываетъ что порядокъ посвященія ставленниковъ по прошеніямъ мірянъ уже въ то время, то есть въ 1511 году, считался древнимъ и неотъемлемымъ правомъ русской общины.

Еще точнѣе опредѣляетъ это право „Стоглавъ“ уложенный на Московскомъ Соборѣ 1551 года. По поводу царскаго вопроса о лихоимствѣ новгородцевъ, о томъ что они берутъ по 15, 20 и 30 рублей съ каждаго ставленника и безъ этихъ посуловъ отказываются принимать священниковъ присланныхъ владыкой, хотя бы эти священники были достаточно начитаны и безъукоризненнаго поведенія, Соборъ постановляетъ такъ: „по всѣмъ святымъ цер-

[1] Вѣстникъ Запад. Россіи 1866 г., кн. 12, № 20.

квамъ .... избираютъ прихожане священниковъ, дьяконовъ и дьяковъ искусныхъ и грамотѣ гораздыхъ и житіемъ непорочныхъ, и денегъ у нихъ отъ церкви и мзды себѣ не емлютъ ничего, и приходятъ съ нимъ ко святителю, и святитель поучивъ ихъ и наказавъ благославляетъ, и не емлетъ съ нихъ ничего, развѣ благословенные гривны ....“[1]

Считаемъ не лишнимъ замѣтить что представленіе общинами ставленниковъ, то есть кандидатовъ на извѣстные приходы непрерывно примѣняется по всемъ протяженіи XVII и XVIII вѣка[2]. Старожилы помнятъ что еще не такъ давно, въ Малороссіи, священники и причетники не посвящались въ санъ и не опредѣлялись къ мѣстамъ иначе, какъ „по одобрѣнію“ прихожанъ.

Чрезвычайно любопытнымъ историческимъ фактомъ въ этомъ же родѣ, служитъ высочайшій, собственноручно писанный, указъ императора Павла отъ 3 Іюня 1799 года предоставляющій архиспископу казанскому Амвросію „снабжать (московскихъ сторообрядцевъ) священни-

---

[1] Стоглавъ. Гл. 41 и 100, стр. 134 и 281.

[2] Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть I, томы II и III.

ками по ихъ одобреніямъ". Правда, такое признаніе церковной автономіи старообрядческихъ общинъ не повело ни къ какимъ практическимъ результатамъ вслѣдствіе упрямства самихъ старообрядцевъ не пожелавшихъ молиться за Царское Семейство. Но въ этомъ случаѣ гораздо важнѣй принципъ выраженный правительствомъ въ дѣлахъ церковной администраціи, чѣмъ временныя неудачи, вызванныя временными обстоятельствами[1].

Гражданское значеніе нашего бѣлаго духовенства и его неразрывная связь съ православной общиной какъ нельзя лучше выясняется однимъ правиломъ „Стоглава". Въ немъ говорится о вдовыхъ священникахъ и дьяконахъ. „Аще и вся мирская тѣ вдовые попы и дьякони почнутъ творити и имъ у церкви Божіи не быти, и отъ церкви Божіи не питатися, и жити съ мирскими людьми, и тягло имъ государево давати съ миромъ вкупѣ[2]."

Ходъ историческихъ событій неоднократно доказалъ всю пользу непосредственного участія

---

[1] Русскій Архивъ 1864 г., стр. 219.

[2] Стоглавъ, гл. 81, стр. 243. Стоглавъ только повторяетъ здѣсь постановленіе собора 1503 года. Соловьева, Ист. Россіи, т. V, стр. 277.

православной общины въ приглашеніи священника и тѣсной связи гражданскихъ интересовъ народа съ интересами народной церкви. Упорное отвращеніе простого народа Юго-Западного края отъ латинства, его необыкновенная твердость въ отстаиваніи своего церковного устройства и вліяніе такихъ личностей, какъ напримѣръ Мельхиседекъ Яворскій[1] можетъ быть объяснено не столько пониманіемъ отвлеченныхъ догматовъ, подобно filioque, раздѣляющихъ православіе отъ католицизма, сколько порядкомъ церковного устройства, совершенно различнымъ въ томъ и другомъ. Въ то время, когда католическій ксендзъ всегда и вездѣ является агентомъ какой то внѣшней противународной силы, для православного населенія Юго-Западнаго края священникъ былъ органомъ христіанской общины, выраженіемъ ее политическихъ и человѣческихъ правъ. Въ устройствѣ своей Церкви православная община того времени находило единственное выраженіе и послѣднее убѣжище свободы, и отстаивая своего священника отъ притязаній поль-

[1] Игуменъ Матренинского монастыря (Кіевской губ.) возбудившій народное движеніе противъ уніи въ 60хъ годахъ прошедшаго столѣтія.

скихъ магнатовъ и уніатскихъ властей она отстаивала свое единственное политическое право.

Такой характеръ церковной администраціи напоминаетъ намъ времена первыхъ христіанъ, когда пресвитеръ ѣыбирался общиной, когда изъ среды пресвитеровъ избирался епископъ свободной подачей голосовъ цѣлой общины и каждый членъ ее считалъ себя облеченнымъ въ священный и даже священническій характеръ[1]. Не вдаваясь въ каноническую сторону этаго вопроса, мы не можемъ однако не замѣтить что всѣ „Дѣянія и Посланія Апостольскія“ проводятъ мысль соединенія всей общины вѣрующихъ подъ авторитетомъ выборной церковной администраціи[2]. Сочиненія первыхъ Отцевъ Церкви, напримѣръ Тертуліана, проникнуты тѣмъ же духомъ.

Но задача церковного устройства не можетъ ограничиться однимъ только выборомъ лицъ для исполненія личныхъ обязанностей духовенства къ своей паствѣ. Издавна признано необходимымъ установленіе власти болѣе общей, съ правомъ разрѣшать болѣе важные каноническіе

---

[1] Gibbon — Decline and Fall of R. E.

[2] Напримѣръ: Первое Посланіе къ Коринѳянамъ, гл. VI, 4, гл. XIV и XVI, 3.

вопросы, охранять церковную дисциплину, судить епископа и предписывать нѣкоторыя распорядительныя дѣйствія въ предѣлахъ епархіи или края. Первоначальной формой этой власти, въ томъ видѣ въ какомъ она установлена первыми христіанами являются помѣстные соборы. Гиббонъ такимъ образомъ передаетъ намъ исторію этаго учрежденія. „Въ первые времена послѣ смерти апостоловъ, каждая община составляла сама по себѣ республику отдѣльную и независимую и хотя отдаленнѣйшіе изъ этихъ центровъ поддерживали посланіями и посольствами взаимныя сношенія, содѣйствовавшія къ скрѣпленію ихъ единства, но тѣмъ не менѣе различныя части христіанскаго міра не признавали надъ собой никакой общей верховной власти одного лица или какого нибудь одного законодательнаго собранія. По мѣрѣ того, какъ число вѣрныхъ возрастало, они увидѣли всю выгоду связать болѣе тѣснымъ образомъ свои планы и интересы. Около конца второго вѣка христіанскія общины Греціи и Азіи прибѣгли съ этою цѣлью къ полезному учрежденію провинціальныхъ синодовъ и можно думать что онѣ при образованіи подобного представительного совѣта приняли за образецъ знаменитыя въ древности учрежденія своей страны амфик-

тіонiи и ахейскій союзъ іонійскихъ городовъ. Епископы независимыхъ церквей, сначала по обычаю, а скоро и по опредѣленію закона съѣзжались въ главномъ городѣ провинціи въ извѣстные сроки весной и осенью. Въ своихъ совѣщаніяхъ они руководились мнѣніямъ небольшаго числа лучшихъ пресвитеровъ и должны были разсуждать въ присутствіи массы слушателей. Опредѣленія этихъ синодовъ, называвшіяся канонами, истолковывали всѣ важные пункты касательно вѣры и дисциплины.... Провинціальное синоды, при помощи непрерывныхъ сношеній сообщались другъ съ другомъ и принимали взаимно свои опредѣленія. Такимъ образомъ вскорѣ начала формироваться Вселенская Церковь и пріобрѣтать всю силу огромной федеративной республики."[1]

По общепринятому мнѣнію — первоначальная организація Христіанской Церкви, въ новое время, нашла свое повтореніе и теоретическую поддержку только у кальвинистовъ, пресвитеріанъ и большинствѣ протестантскихъ толковъ. Но при этомъ обыкновенно забываютъ, что національныя формы нашей церковной администраціи, въ томъ видѣ, въ какомъ

[1] Gibbon — Decline and Fall of R. E.

мы застаемъ ихъ въ XVI и XVII вѣкѣ, при несомнѣнной ревности ее авторитетовъ къ православію, представляютъ учрежденіе совершенно подобное церковной администраціи первыхъ христіанъ.

Мы видѣли уже какъ выработалось у насъ право общества принимать непосредственное участіе въ избраніи всѣхъ представителей церковной іерархіи — отъ священника, до митрополита. Теперь намъ остается еще указать и на другую, не менѣе замѣчательную, особенность нашего національного церковного устройства XVI и XVII вѣка — братства и соборы.

Православныя братства этой эпохи составляли какъ бы повтореніе первоначальной христіанской общины, приближеніе новой христіанской жизни къ ее первоначальному идеалу. Одно изъ самыхъ сильныхъ и дѣятельныхъ братствъ было львовское въ Червоной Руси. Гедеонъ Балабанъ, епископъ львовскій — ссорившійся прежде съ этимъ братствомъ — чувствуя потребность посовѣтоваться съ своей паствой въ тяжелое время наставшее послѣ объявленія уніи, проситъ какъ членовъ своего капитула (крылошанъ) такъ и прихожанъ, оставивъ житейскія заботы посвятить это время

на дѣло общественныя и собраться въ Субботу 26 Мая 1604 года въ церковь Успѣнія Богородицы для совѣщанія объ общемъ мирѣ Церкви и для принятія мѣръ противъ вредныхъ для общественного спокойствія смятеній[1]. Такимъ образомъ львовское братство сдѣлало Православную Церковь участникомъ земской жизни и элементомъ гражданской дѣятельности.

Такія то братства покрывъ въ XVI и XVII вѣкѣ всю западную Русь, соединили всѣ ее лучшія силы вокругъ православія въ то время гонимаго и непонятаго, какъ и въ первые вѣка христіанства.

Въ пригласительномъ посланіи митрополита Петра Могилы къ Луцкому братству, на кіевскій соборъ 1640 года, находятся замѣчательныя слова напоминающія времена апостольскихъ посланій и взаимныя отношенія первыхъ христіанскихъ общинъ. „Напоминаемъ братствамъ свѣтскимъ (пишетъ митрополитъ Петръ Могила) чтобы они при своихъ правахъ и вольностяхъ во святамъ благочестіи непоколебимо пребывали и вѣдая одни о нуждахъ и преслѣдованіи другихъ были бы взаимно себѣ совѣ-

[1] Вѣстникъ Западной Россіи, 1865 года, кн. 5, стр. 4.

томъ и помощью ...."[1] Заботы о благолѣпіи Церкви, въ самомъ широкомъ значеніи этаго слова, о бѣдныхъ, о школахъ, объ общественной нравственности и просвѣщеніи и взаимная поддержка составляли цѣль и точку соединенія православныхъ братствъ. Они какъ бы вводили Церковь и Восточное Исповѣданіе во всѣ сферы общественной жизни, дѣлали религіозные интересы гражданскими интересами православного человѣка и, въ тоже время, каждаго исповѣдника православія облекали, по выраженію Гиббона, въ церковный характеръ. Такимъ освященіемъ частныхъ лицъ братства соединяли вокругъ Православной Церкви всѣ лучшіе умы того времени, они давали въ ее распоряженіе всѣ наиболѣе нравственные элементы общества, ни сколько не отнимая ихъ, въ тоже время у народа и общественной жизни.

Другимъ проявленіемъ той тѣсной связи которая существовала въ это время между гражданскимъ обществомъ и интересами Церкви были помѣстные соборы. Они созываются періодически для обсужденія церковныхъ дѣлъ и установленія внутренняго порядка. Въ этихъ

[1] Памятники Кіевской Коммиссіи для разбора актовъ, т. I, стр. 149.

соборахъ принимаютъ непосредственное участіе бѣлое и черное духовенство, знатнѣйшіе міряне и депутаты братствъ. „На сей соборъ, во имя Господне, мы зовемъ и просимъ (пишетъ митрополитъ Петръ Могила въ своемъ пригласительномъ посланіи Луцкому братству) какъ Вашу честь духовныхъ братій ..... къ совѣщанію духовному способныхъ, такъ и ихъ милость братій свѣтскихъ ревнующихъ о благочестіи и свѣдущихъ въ правилахъ церковныхъ[1]....“ Результатомъ этаго собора было знаменитое „Православное Исповѣданіе Вѣры“ Петра Могилы. Не менѣе замѣчательный соборъ совершился въ 1596 году въ Брестѣ. По совѣщаніи монашествующаго и свѣтскаго духовенства, знатнѣйшихъ мірянъ, земскихъ пословъ и депутатовъ братствъ на этомъ соборѣ была опровергнута унія[2].

И такъ наше церковная администрація этаго

---

[1] Памятники Кіевской Коммиссіи, т. I, стр. 149.

[2] Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. I, стр. 509 и послѣд. Замѣчательны еще два брестскихъ собора, 1590 и 1594 года, созванныхъ впрочемъ только съ дисциплинарною цѣлью, для разрѣшенія обыкновенныхъ церковныхъ дѣлъ. Второй изъ нихъ, какъ созванный въ небытность короля въ Польшѣ, не имѣлъ юридической легальности (стр. 436).

времени основывается на трехъ главныхъ началахъ. 1) Всѣ церковныя должности замѣщаются по выборамъ. 2) Дѣла каноническія и дисциплинарныя вѣдаются періодическими помѣстными соборами. Менѣе важныя дѣла рѣшаются епископомъ, при участіи мѣстнаго капитула составленнаго изъ лицъ принадлежащихъ къ свѣтскому духовенству. 3) Какъ на выборахъ, такъ и на помѣстныхъ соборахъ сословіе мірянъ принимаетъ участіе наровнѣ съ монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ[1].

Отсюда легко понять почему церковные интересы православія такъ полно затрогивали тогда общественную жизнь, почему они находили „въ сія тяжкая и въ человѣка убогая времена“[2] отголосокъ во всѣхъ сердцахъ и ревностныхъ поборниковъ во всѣхъ слояхъ общества. Это объясняетъ и самый характеръ борьбы православія съ католицизмомъ въ это время. Она

[1] Даже выборы настоятелей ставропигіальныхъ монастырей, напр. Кіево-Печерскаго, совершались при непосредственномъ участіи мірянъ. (Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. II, т. I, стр. 337.)

[2] Такъ характеризуетъ свое время виленское братство, въ своемъ посланіи къ львовскому, по поводу основанія въ Вильнѣ православной школы. (Вѣстникъ Западной Россіи 1865 г., кн. 8, стр. 65.)

велася всѣми сословіями русскаго народа; безъ фанатизма, но съ сознательнымъ убѣжденіемъ и чрезвычайнымъ знаніемъ дѣла; разумно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, героически. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что случись теперь перемѣна обстоятельствъ въ пользу католицизма, мы были бы менѣе приготовлены для такой борьбы.

Гдѣ же искать причину такой неблагопріятной для Грекороссійской Церкви перемѣны? Причина этаго заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что измѣнилось самое отношеніе общества къ церковной администраціи. Хотя для насъ по прежнему дорого православное исповѣданіе истинъ христіанства, но за то, намъ стало совершенно чуждымъ управленіе церковными дѣлами. Въ XVI и XVII вѣкѣ церковное дѣло было дѣломъ земскимъ, правомъ и обязанностью гражданъ, однимъ изъ фазисовъ ихъ общественной дѣятельности. Въ настоящее время дѣла Церкви сдѣлались какъ бы исключительной привилегіей духовнаго сословія. Вмѣстѣ съ этимъ „духовное строеніе“ сдѣлалось дѣломъ книжнымъ. Его трудно понять „не учась въ семинаріи“. Такимъ образомъ нашъ церковный порядокъ, изъ древняго, сложившагося по образцу первоначальной христіанской общины, затрогивавшаго всѣ уголки обществен-

ной жизни и дѣлавшаго каждаго исповѣдника православія непосредственнымъ дѣятелемъ и участникомъ церковнаго суда и администраціи переродился теперь въ формулу консисторіальнаго дѣлопроизводства — особый видъ бюрократіи, тяжелый для самаго духовенства и совершенно чуждый мірянамъ. Разница огромная, и эта разница объясняетъ все.

Всматриваясь въ современные нравы, въ характеръ современнаго воспитанія, анализируя нѣкоторыя явленія нашей общественной жизни всѣ замѣчаютъ великую перемѣну — православное общество стало холодно къ своимъ церковнымъ интересамъ; оно едва ли понимаетъ ихъ.... Но не всѣ понимаютъ причину этаго страннаго явленія. Предлагаются средства одно другого ничтожнѣй для того, чтобы возвратить общество на прежнюю дорогу. Преслѣдуется такъ называемый нигилизмъ мнѣній, подражая наружнымъ формамъ стараются воскресить идею братствъ и увеличивъ число уроковъ закона божія въ школахъ надѣятся усилить вліяніе Церкви на школу и общественную жизнь.... Но великіе перевороты общественнаго духа не могутъ быть слѣдствіемъ малыхъ причинъ. Органическія болѣзни не могутъ быть уничтожены палліативными мѣрами.

Мы должны наконецъ понять, что вліяніе религіи на общественную жизнь парализируется съ той минуты, когда вся масса общественной дѣятельности поставлена внѣ церковной администраціи. Для того, чтобы Церковь имѣла вліяніе на людей извѣстной эпохи и слилась съ общественными интересами поколѣнія, недостаточно одной только традиціи, которая привязывала бы общество къ извѣстнымъ религіознымъ убѣжденіямъ, — надо сдѣлать религію элементомъ общественной жизни. Въ XVI вѣкѣ, какъ и въ первые времена христіанства, Церковь была не только религіознымъ учрежденіемъ, но органомъ общественнаго воспитанія и общественной дѣятельности. Духовная администрація составляла дѣло не только духовенства, но и гражданскаго общества и потому гражданская общественная жизнь не могла не проникнуться православно-религіознымъ элементомъ и въ силу этаго обстоятельства русское общество не могло не отстаивать интересы своей церкви, какъ залогъ своей народности и общественной автономіи. Совершенно подобное явленіе мы видимъ въ Англіи.

Духъ учрежденій улетаетъ вмѣстѣ съ старыми формами и потому нечего удивляться если интересъ нашего общества въ церковныхъ

дѣлахъ и вліяніе Церкви на общественную жизнь уменьшились вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ основныхъ формахъ церковной администраціи. И потому всѣ палліативныя мѣры, принятыя въ послѣднее время для устройства нашихъ церковныхъ дѣлъ и къ улучшенію положенія нашего духовенства, врядъ ли приведутъ къ чему нибудь, если въ тоже время не будутъ возвращены церковному порядку его старыя основы. Слѣдовательно нашъ церковный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только путемъ образованія совершенно отдѣльнаго церковнаго управленія изъ лицъ принадлежащихъ къ свѣтскому духовенству (по образцу старыхъ капитуловъ), возвращенія къ выборному началу на духовныя должности при непосредственномъ участіи мірянъ и установленія системы періодическихъ помѣстныхъ соборовъ или съѣздовъ мірянъ и духовенства, для обсужденія важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ.

Коснувшись выше той системы воспитанія и общественныхъ отношеній, которыя необходимо возстановить въ быту нашего духовенства, мы не можемъ не пожелать чтобы и его матеріальное обезпеченіе соотвѣтствовало

тому, чѣмъ должно быть его воспитаніе и положеніе въ обществѣ. Соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ безъусловно необходимо и потому мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ общихъ основаніяхъ которымъ должно удовлетворять матеріальное обезпеченіе нашего духовенства.

Предположивъ въ православномъ священникѣ высшее образованіе и солидарность со всѣми сферами общественной дѣятельности, мы необходимо должны признать за нашимъ свѣтскимъ духовенствамъ право пользоваться той же матеріальной обстановкой, на которую, болѣе или менѣе, привыкла расчитывать часть общества получившая высшее образованіе. Безъ этаго мы никогда, или очень мало, могли бы расчитывать на приливъ въ ряды нашей церковной іерархіи свѣжихъ силъ и призваній изъ другихъ классовъ общества.

Само собой разумѣется, что эта степень обезпеченія можетъ быть куплена только цѣного двухъ пожертвованій: сокращеніемъ число приходовъ и новымъ налогомъ для жалованья приходскимъ священникамъ.

Противъ такого налога можно было бы возражать только съ точки зрѣнія земской экономіи. Но, во первыхъ, увеличеніе жалованія священ-

никовъ, въ общей сложности, не можетъ потребовать слишкомъ большаго налога, потому что оно должно сопровождаться уменьшеніемъ числа приходовъ[1]. Во вторыхъ, налогъ этотъ вызывается вопросомъ объ общественномъ положеніи и воспитаніи духовенства, тѣсно связаннымъ не только съ ходомъ нашего внутренняго развитія, но и съ успѣхами нашей внѣшней политики и потому онъ имѣетъ за себя столько нравственныхъ и политическихъ оправданій, что всякая излишняя экономія въ мѣрахъ къ обезпеченію духовенства была бы для насъ разорительна. Не надо забывать, что своимъ православіемъ русскій народъ представляетъ въ человѣчествѣ извѣстный общественный и нравственно-религіозный принципъ и что духовенство составляетъ одно изъ главныхъ средствъ для того, чтобы поддержать нравственную высоту самаго принципа.

Но дѣло матеріальнаго обезпеченія приходскаго духовенства не можетъ ограничиться однимъ только удовлетвореніемъ его первыхъ

[1] Само собою разумѣется, что уменьшеніе числа приходовъ должно быть сдѣлано съ большой осторожностью и не иначе, какъ постепенно. Въ противномъ случаѣ, эта мѣра могла бы привести къ важнымъ затрудненіямъ.

нуждъ. Для того чтобы поднять общественное положеніе нашего духовенства и усилить это сословіе талантами взятыми изъ тѣхъ общественныхъ подраздѣленій, которыя мы привыкли противуполагать духовному званію, необходимо открыть для нашего священника болѣе широкую перспективу будущей общественной дѣятельности и болѣе обширное примѣненіе талантовъ, чѣмъ уединенный приходъ. Такимъ поприщемъ можетъ служить для свѣтскаго духовенства участіе во всѣхъ сферахъ общественнаго воспитанія и доступъ ко всѣмъ сферамъ церковной администраціи.

Сообразно съ этимъ широкимъ участіемъ бѣлаго духовенства въ общественномъ воспитаніи и церковной администраціи православному священнику представлялась бы возможность бо̀льшаго матеріальнаго обезпеченія, какъ вознагражденія за большія заслуги.

Еще одна замѣтка. Что дѣлать съ тѣми полевыми землями, которые служили до сихъ поръ однимъ изъ главныхъ средствъ обезпеченія церковныхъ причтовъ? Такихъ земель въ каждомъ приходѣ не менѣе 33 десятинъ. Мы думаемъ что эти земли не могутъ сохранить въ будущемъ свое прежнее назначеніе, потому что занятіе полевыми работами почти совершенно не-

совмѣстно съ обязанностями священника. Онъ долженъ быть весь отданъ своему приходу. Земледѣліе не должно отвлекать его отъ прямыхъ священническихъ обязанностей. Онѣ слишкомъ многочисленны если ихъ добросовѣстно выполнять. Для его духовной жизни необходимы и минута свободнаго уединенія, и свобода отъ мелкихъ житейскихъ заботъ, неразлучныхъ съ полевымъ хозяйствомъ. Его свободное время должно быть посвящено занятіямъ въ школѣ и приготовленію къ воскресной проповѣди. Возможно ли соединить все это съ хлопотливыми занятіями мелкаго землевладѣльца? Кстати замѣтимъ, что до сихъ поръ полевое хозяйство нерѣдко ссорило священника съ его прихожанами.

Церковыя земли будутъ чрезвычайно полезны если смотрѣть на нихъ, какъ на обезпеченіе сельскаго училища. Тогда общинное начальство будетъ само заботиться о ихъ обработкѣ, содержаніе училища будетъ обезпечено постояннымъ поземельнымъ доходомъ и первоначальное образованіе не будетъ болѣе зависѣть отъ взгляда прихожанъ на его необходимость. Такъ обезпечено положеніе школъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

IV.

Уставъ Гимназій и Прогимназій 1864 года.

Великія эпохи реформъ служатъ доказательствомъ безсилія и недальновидности человѣческаго ума. Врываясь въ исторію съ девизомъ: veni, vidi, vici, реформа всякій разъ вызывала протестъ историческихъ элементовъ народа. Гдѣ остановится этотъ протестъ, въ чемъ онъ выскажется? .... Онъ выскажется или отмѣной самыхъ-реформъ, или первая реформа вызоветъ рядъ послѣдующихъ .... Въ этой вѣчной ломкѣ, безполезно напрягающей народныя силы, изчезаетъ самостоятельное творчество народнаго духа, и все сводится къ чувству глубокаго равнодушія или безсознательнаго повиновенія. Испанія является классической страной погибающихъ реформъ. Россія пережила тяжелую эпоху перемежающихся преобразованій.

Россія давно уже живетъ реформами. Онѣ стали у насъ нормальнымъ положеніемъ дѣла.

Какъ и все случайное, перемежающіяся реформы создаютъ какой-то гражданскій фатализмъ, при которомъ невозможно ни сильное общественное мнѣніе, ни здоровое развитіе народной дѣятельности, ни нравственная сила индивидуальныхъ характеровъ. Въ замѣнъ всего этого постоянныя періодическія реформы дали намъ какое то отрицательное развитіе: критическую способность безъ положительнаго творчества, сознаніе добра безъ силы самопожертвованія, сознаніе своихъ недостатковъ безъ умѣнія взяться за дѣло, высокоуміе и непрактичность, слѣпое недовѣріе къ себѣ и смутную вѣру въ случай. Великія силы народнаго характера исчезаютъ въ массѣ мелкихъ сомнѣній, въ попыткахъ сдѣлать что-то; расходуются онѣ не въ борьбѣ съ препятствіями, но въ утомительномъ стремленіи къ произвольно взятымъ образцамъ безъ вѣры въ ихъ жизненность, безъ убѣжденія даже въ томъ, что ихъ „на нашъ вѣкъ станетъ“.

Надо помнить еще и тотъ страшный фактъ, что каждая новая реформа разъясняетъ намъ всю несостоятельность, иногда пагубность реформы прошедшей ..... И такъ цѣлый рядъ реформъ ....: Глубоко справедливы слова Хомякова: „едва ли не всякое десятидѣтіе могли

бы мы благодарить Бога за то, что десятилѣтію прошедшему не удалось никого воспитать".

Эта нищета народнаго саморазвитія и эта самоувѣренность реформы могутъ имѣть непоправимыя послѣдствія въ одномъ изъ главныхъ узловъ народной жизни — общественномъ воспитаніи. Многаго недостаетъ намъ: адвокатовъ и судей, капиталовъ и общественныхъ дѣятелей, желѣзныхъ дорогъ и земскаго такта.... Но все это зло поправимое, потому что оно заключено въ предѣлахъ данной минуты, извѣстнаго класса общества, извѣстной мѣстности. Но вопросъ о воспитаніи нельзя ставить на одномъ уровнѣ, со всѣми этими частностями народной жизни. Онъ захватываетъ всю народную жизнь, во всѣхъ ее мельчайшихъ проявленіяхъ и изгибахъ. Въ немъ заключается все жизненное содержаніе будущаго поколѣнія: его величіе и паденіе, его сила и слабость, добродѣтели и пороки.

Посягая въ самомъ корнѣ на свободное развитіе народной жизни, всякая реформа общественнаго воспитанія вызываетъ гораздо болѣе недовѣрчивости и осторожности, чѣмъ все остальныя реформы. Откровенно сознаемся, что съ этимъ предъубѣжденіемъ мы смотримъ во-

обще на всѣ педагогическія реформы, въ томъ числѣ и на послѣднія педагогическія преобразованія по учебному вѣдомству въ нашемъ отечествѣ.

1. Воспитаніе классическое и реальное.

Едва ли не всякое десятилѣтіе вносило новыя начала въ наше общественное воспитаніе. Всѣ эти начала поперемѣнно были признаны или неумѣстными, или недостаточными, или ложными.

Послѣднимъ фазисомъ педагогической реформы является Уставъ Гимназій и Прогимназій 1864 года. По его указаніямъ наше общественное воспитаніе остановилось на реформѣ въ духѣ реализма. Но имѣемъ ли мы право предполагать, что эта реформа окончательно разрѣшитъ задачу нашей національной системы воспитанія, что она не поведетъ за собой реформы въ духѣ народномъ, въ духѣ военномъ и вообще спеціальномъ, въ духѣ гуманно-религіозномъ, въ духѣ естественно-раціональномъ, въ духѣ Руссо и англійскаго консерватизма.... Кто поручится, что будущія десятилѣтія — подобно десятилѣтіямъ минувшимъ — не найдутъ новыхъ предлоговъ для педагогическихъ

реформъ? И надобно замѣтить, что каждая изъ этихъ реформъ будетъ имѣть за себя извѣстный принципъ, долю жизненной правды и знаменитые авторитеты.

Современная педагогическая реформа, является только предтечею будущихъ, уже потому, что она совершена только во имя одной причины — недостатка основательности въ нашемъ образованіи. Всѣ остальные недостатки нашей педагогической системы и тѣсно связанные съ ней общественные недуги (напримѣръ: неудовлетворительность въ образованіи нашего духовенства) остаются печальнымъ залогомъ будущихъ реформъ.

Индивидуальная мысль не можетъ охватить различныя стороны нововведеній. Человѣческому уму не дозвольно предвидѣть всѣхъ послѣдствій преобразованія. Реформа это такой заклинательный жездъ, который можетъ сдѣлаться иногда сильнѣй самаго заклинателя. Но въ этой слѣпотѣ, извиняющей многое и объясняющей большую часть человѣческихъ ошибокъ, за каждымъ поколѣніемъ остается нравственная обязанность добросовѣстно изучать мотивы послужившіе основаніемъ современнаго ему преобразованія. Обязанность эта въ настоящемъ случаѣ заключается въ отвѣтѣ на

вопросъ: какое воспитаніе лучше классическое или реальное?

Но, прежде нежели отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо условиться въ самомъ основномъ. Существуетъ ли какое нибудь противурѣчіе между этими двумя идеями: воспитаніе классическое и реальное? Служатъ ли они выраженіемъ двухъ направленій взаимно исключающихъ другъ друга? Возможно ли здѣсь предпочтеніе и выборъ?

На всѣ эти вопросы можно отвѣчать только отрицательно.

Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли классическое воспитаніе безъ реализма? Реальнымъ мы называется все полезное и необходимое въ жизни. По этому, было бы величайшей нелѣпостью давать воспитаніе безполезное и неприложимое къ жизни. Это значило бы сознательно воспитывать людей дурно воспитанныхъ. Это значило бы отрицать до самоотрицанія. Классическое воспитаніе лишенное реальныхъ свойствъ не имѣло бы достаточной причины для существованія. По этому становится яснымъ до очевидности, что или классическое воспитаніе невозможно, или реализмъ есть необходимое свойство классическаго воспитанія. Но реализмъ классическаго воспитанія заключается не

въ томъ, чтобы его адепты были съ самыхъ пеленокъ обучены чему нибудь непосредственно приложимому къ жизни, въ родѣ: сахарнаго производства, медицины, юриспруденціи и т. п., но въ томъ, что классическій методъ, давая человѣку широкую подготовку, пріучая его къ настойчивому труду, направляя къ сознательному выбору занятій, дѣлаетъ самаго человѣка реальнымъ, въ лучшемъ смыслѣ этаго слова.

За тѣмъ рождается другой вопросъ: можно ли получить классическое воспитаніе безъ изученія классической литературы? На этотъ вопросъ мы отвѣчали бы утвердительно. Цѣль классическаго воспитанія заключается не въ изученіи классиковъ, но въ развитіи способностей и подготовкѣ къ жизни. Классики составляютъ только одно изъ средствъ развитія молодаго ума и образованія характера, но они далеко не заключаютъ въ себѣ всего воспитанія. При счастливомъ стеченіи обстоятельствъ это средство можетъ быть вполнѣ замѣнено вліяніемъ семейной обстановки, личными наклонностями, вліяніемъ школы, общественной среды, наконецъ вліяніемъ исключительнаго характера. Цѣль классическаго воспитанія находится гораздо далѣе изученія греческаго или латинскаго синтаксиса, и доказательствомъ того,

что изученіе классиковъ еще не составляетъ классическаго воспитанія служатъ, напримѣръ, римляне V вѣка, которые изучая все богатство классической литературы, совершенно утратили достоинство античнаго характера. И такъ пусть будетъ найдено средство безъ изученія древнихъ литературъ сообщить воспитанію современнаго человѣка гуманизмъ, многосторонность и основательность классическаго метода, и мы готовы сейчасъ же отречься отъ нашего предъубѣжденія въ пользу классической литературы.

Основаніе всѣхъ педагогическихъ реформъ, предпринятыхъ въ европейскомъ воспитаніи XVIII и XIX в. заключается въ попыткахъ замѣнить, при воспитаніи, классическія литературы чѣмъ нибудь другимъ, или возстановить замѣненное. И такъ, прежде чѣмъ доказывать абсолютную пользу изученія классическихъ литературъ необходимо рѣшить третій вопросъ: если исключить классическія литературы изъ воспитанія, чѣмъ замѣнить ихъ?

Положеніе реформатора исключающаго классическую литературу изъ воспитанія затрудняется слѣдующимъ обстоятельствомъ. Всѣ знанія полезны. Безполезныхъ знаній нѣтъ, потому что всѣ знанія приносятъ человѣку пользу

или положительную или отрицательную. Въ силу этой аксіомы реформатору — если онъ отвергаетъ классиковъ — грозитъ такъ называемое embarras de richesse или, говоря словами русской пословицы, погоня за двумя зайцами. Въ этомъ разнообразіи трудно не потеряться и не впасть въ противурѣчія. Отъ этаго всѣ воспитательные курсы новыхъ временъ, составленные внѣ классиковъ, отличаются необыкновенной пестротой, и самымъ причудливымъ сочетаніемъ матеріаловъ. Тутъ будутъ „отцвѣтать не успѣвши разцвѣсть“ анатомія и всѣ возможныѣ историческіе учебники, филологія и законовѣденіе, словесные науки и космографія, два новыхъ языка и тригонометрія.... При несовершенствѣ руководствъ, при желаніи выказаться, каждому преподавателю представляется большое искушеніе, вмѣсто того чтобы оставаться простымъ коментаторомъ и добросовѣстно объяснить ученикамъ заданный урокъ, принять на себя профессорскія обязанности, читать лекціи и требовать отъ учениковъ чуть ли не „увлеченія предметомъ“. Вотъ почему нашъ гимназическій курсъ, окончательно утративъ вслѣдствіе реформы 1852 г. классическое направленіе, сдѣлался какимъ-то энциклопедическимъ сборникомъ, въ которомъ можно найти начатки

всего, безъ сколько нибудь основательнаго знанія чего нибудь. Отъ этого все ученіе въ нашихъ гимназіяхъ какъ будто скользитъ по поверхности, не внося во внутренюю жизнь воспитанниковъ ничего, кромѣ болѣе или менѣе обширнаго репертуара свѣдѣній, въ массѣ которыхъ онъ не можетъ оріентироваться, приложить къ жизни, съ которыми лучшіе представители нашего воспитанія обращаются такъ, какъ люди получившіе огромное наслѣдство въ то время, когда ни степень образованія, ни прежнее положеніе въ обществѣ, не приготовило ихъ къ разумному пользованію этимъ наслѣдствомъ. Они или тратили силы, задавъ себѣ цѣли выше средствъ, или не умѣли ни на чемъ сосредоточить своихъ способностей. Отсюда крайность мнѣній и недоноски либерализма, недостатокъ самостоятельности и практическаго пониманія жизни, отсутствіе серьезнаго убѣжденія и преданности своему дѣлу.

Насъ могутъ спросить: почему же, если въ содержаніи каждой отдѣльной группы наукъ естественныхъ, богословскихъ, юридическихъ, математическихъ и т. д. нѣтъ тѣхъ условій, которыя позволяли бы сдѣлать ихъ основаніемъ дѣтскаго развитія, одни только классики, и только они одни, удовлетворяютъ этому требованію?

Отвѣтъ заключается въ свойствахъ античной цивилизаціи и ее отношеніи къ современному образованному міру. Эта цивилизація и ее изображеніе — классическія литературы обладаетъ четырьмя великими свойствами, дѣлающими ее незамѣнимой въ дѣлѣ воспитанія: содержаніемъ, методомъ, общечеловѣческой многосторонностью и нейтральностью. Мы постараемся прослѣдить вліяніе каждаго изъ этихъ свойствъ на воспитаніе.

Прежде всего о содержаніи. Всѣ науки новаго времени: исторія, естествознаніе, юриспруденція представляютъ нѣчто условное, противурѣчивое, болѣе или менѣе недоказанное[1]. Въ этомъ мірѣ незаконченности и пробабилизма трудно не потеряться молодому уму.

Напротивъ — древній міръ. Онъ не имѣетъ будущности, въ немъ нечего сомнѣваться,

[1] Исключеніемъ изъ этого общаго правила является разумѣется математика. Но, такъ какъ математическій складъ ума представляется рѣдкимъ исключеніемъ, то было бы противуестественно сдѣлать математику основнымъ курсомъ воспитанія. Это тѣмъ болѣе справедливо, что, въ силу своей абстрактности, математика не можетъ служить средствомъ къ многостороннему развитію человѣческаго ума и сердца и къ формировкѣ характера, въ чемъ именно и заключается задача воспитанія.

въ немъ невозможны ошибки. Его окаменѣлый покой и безстрастная объективность дѣлаютъ его вполнѣ доступнымъ для изученія, даже ребенку. Законченностью своихъ формъ, немногосложностью элементовъ и строгой опредѣленностью своего содержанія онъ скоро формируетъ въ ребенкѣ вѣрное и сознательное представленіе. Образы древнихъ героевъ, такъ возвышенно и безкорыстно преданныхъ своей родинѣ и своей политической мысли, не могутъ не имѣть огромного вліянія на воспріимчивую душу юноши и не разбудить въ немъ благородныхъ страстей. Неужели величавыя лица Александра Македонскаго, Ѳемистокла, Гракховъ, Аристида и Сципіона, художественно очерченные древними писателями, ничего не скажутъ человѣку XIX вѣка? Самая узость идей древняго міра, въ противуположность широтѣ и разнообразію современныхъ отношеній, имѣетъ то преимущество, что она представляетъ превосходный базисъ для развитія въ человѣкѣ критики и анализа. Отъ узкаго легче перейти къ болѣе обширному, отъ простаго къ сложному, отъ наивности троянской войны къ дипломатіи XVIII вѣка, отъ философіи Платона къ реформаціи, отъ аграрнаго закона Гракховъ къ Положенію 19 Февраля.

Такимъ образомъ древній міръ, по свойству своего содержанія, можетъ служить превосходною моделью для развитія молодаго ума, разработки взгляда и первой подготовки знанія. Его педагогическое достоинство заключается въ его законченной простотѣ.

Но чтобы воспользоваться этой стороной древней цивилизаціи, необходимо знакомиться съ ее содержаніемъ не изъ третьихъ рукъ — сквозь призму XIX вѣка — но въ ее непосредственномъ отраженіи — въ современникахъ. Изучать ее въ трудахъ позднѣйшихъ ученыхъ, или (что еще хуже) въ учебникахъ, значило бы онять вдаваться въ пробабилизмъ и пріучать ребенка искать не самой истины, но ее подобія, не столько учиться самому, сколько дозволять себя учить.

Все что мы говорили до сихъ поръ о вліяніи античнаго міра на воспитаніе — относится къ его содержанія, къ той массѣ матеріаловъ, которую онъ предлагаетъ для изученія молодаго поколѣнія. Но надо ли связывать изученіе вѣчно-живаго классическаго матеріала съ изученіемъ, давно отжившихъ свое время, классическихъ языковъ? Отчего бы не изучать классическій міръ въ переводѣ на современныя нарѣчія?

Не трудно возражать противъ этого. Средствомъ воспитанія служитъ не столько содержаніе древнихъ писателей, сколько неразлучный съ ними методъ. Содержаніе, по большей части, даетъ только большее или меньшее количество знанія. Но въ періодъ воспитанія количество знанія играетъ второстепенную роль. На первомъ планѣ стоитъ образованіе настойчивой воли, честнаго характера, національности ума, — однимъ словомъ того, что составляетъ человѣка, а не ученаго. Такимъ образомъ пріобрѣтеніе знаній, являющееся въ будущемъ періодѣ (называемъ его періодомъ образованія) цѣлью, въ періодъ воспитанія является только однимъ изъ средствъ. Въ періодъ образованія заботятся о томъ, чтобы знаніе пріобрѣталось какъ можно легче и скорѣй, въ періодъ же воспитанія, можно не жалѣть усилій, лишь бы выработать методъ. Методъ создаетъ человѣка, а не масса накопленныхъ свѣдѣній.

Литература классическаго міра можетъ служить превосходнымъ средствомъ для выработки метода. Главное свойство классическихъ литературъ: энергія и дисциплина мысли, строгая опредѣленность выраженія, строгая послѣдовательность анализа, логичность вывода, вмѣстѣ съ привычкой къ настойчивому умственному

труду необходимому при изученіи классиковъ, должны положить свой отпечатокъ на всей школѣ. Но для того, чтобы она положила этотъ отпечатокъ свойственнаго классицизму метода, мало одного чтенія. Для огромнаго большинства это значило бы скользить по поверхности. Надобенъ медленный путь послѣдовательнаго разбора при помощи хорошаго комментатора, надобно время для того, чтобы вникнуть и незамѣтно освоиться съ отличительными свойствами античныхъ литературъ. Совокупность всего этого вырабатываетъ методъ, но процессъ самой выработки возможенъ только при изученію оригиналовъ и досугъ для всего этого можетъ дать только дѣтство.

Къ изученію классическихъ писателей само собою примыкаетъ изученіе современной исторіи, археологіи, домашняго быта древнихъ и изученіе филологическихъ правилъ языка, которое въ свою очередь служитъ основаніемъ грамматическаго изученія всѣхъ новѣйшихъ языковъ. Такимъ образомъ въ одномъ предметѣ дѣти изучаютъ многое, тогда какъ при нашей энциклопедической системѣ ученія, получившей сильное развитіе въ особенности послѣ 1852 года, случается наоборотъ: мы учимся многому для того, чтобы выучить немногое.

Только основательное изученіе классиковъ можетъ дать ученикомъ твердое и самостоятельное знаніе. Неужели еще можно утверждать, что какой нибудь учебникъ можетъ быть лучшимъ средствомъ для преподаванія (напримѣръ) исторіи и смежныхъ съ нею наукъ, чѣмъ постепенное изученіе очевидцевъ событія, сторонниковъ тогдашней мысли и общественной жизни. Только въ шутку можно утверждать, что учебникъ, хотя бы и Грановскаго, лучше познакомитъ ученика съ судьбами Рима, чѣмъ Титъ-Ливій и Тацитъ, Саллустій и Ювеналъ прочитанные съ хорошими комментаріями.

Третье свойство классическаго воспитанія мы назвали общечеловѣческой многосторонностью. Задача общественнаго образованія заключается вовсе не въ томъ, чтобы учить, но въ томъ, чтобы дать возможность учиться. Задача (подготовляющаго къ спеціальному образованію) семейнаго и общественнаго воспитанія заключается также не въ ученіи, но въ развитіи тѣхъ способностей души, которыя помогутъ человѣку впослѣдствіи, сообразно своимъ наклонностямъ, способностямъ, состоянію, богатству, положенію въ обществѣ и прочимъ условіямъ жизни, проложить себѣ дорогу къ дѣятельности и прине-

сти пользу воспитавшему его обществу. Въ этомъ широкомъ и многостороннемъ приспособленіи человѣка заключается цѣль классическаго воспитанія. Въ этой цѣли заключается его реализмъ.

Чтобы оцѣнить эту сторону классическаго воспитанія надобно разсмотрѣть свойство воспитанія противуположнаго, основаннаго на какихъ нибудъ спеціальныхъ началахъ.

Одно изъ болѣе распространенныхъ въ нашемъ обществѣ заблужденій заключается въ томъ, что какъ для государства, такъ и для воспитывающихся лицъ гораздо полезнѣй еще въ дѣтствѣ дать познаніямъ и привычкамъ ребенка извѣстное спеціальное направленіе, нежели терпѣливо выжидать, когда создающійся человѣкъ, въ силу развивающагося сознанія и въ силу развивающихся способностей, дастъ самъ себѣ это спеціальное направленіе. Такое спеціальное воспитаніе, по общепринятому мнѣнію, даетъ государству возможность произвольно набирать извѣстное количество людей спеціально знакомыхъ съ той или другой отрастью знанія; для воспитанниковъ это спеціальное воспитаніе (говорятъ) полезно потому, что человѣкъ какъ будто ранѣе выходитъ на прямую дорогу. Въ то время, когда молодежъ, получившая класси-

ческое воспитаніе, быть можетъ еще находится въ затрудненіи выбора, при спеціальномъ воспитаніи выборъ не только рѣшенъ окончательно, но и всѣ подготовительныя работы, необходимыя въ каждый спеціальности, доведены уже до конца; остается только приложить ихъ на практикѣ.

Это заблужденіе основано на своего рода оптическомъ обманѣ. У насъ обыкновенно думаютъ, что стоитъ только имѣть реальныя свѣдѣнія, „мастерство въ рукахъ“, для того, чтобы быть дѣльнымъ человѣкомъ. Предполагать это значитъ поддаваться вредному самообольщенію..... Реалистъ безъ реализма у насъ вещь очень обыкновенная. Этотъ типъ встрѣчается между самыми производительными и обезпеченными профессіями: медиками, инжинерами, негоціантами, агрономами, механиками... Отчего же это?.... Оттого, что одного знанія мало. Надо умѣть имъ пользоваться, надобно призваніе.

Система спеціальнаго воспитанія нашла обширное примѣненіе въ Россіи и къ сожалѣнію Россія имѣла достаточно времени для того, чтобы вполнѣ ознакомиться со всѣми ее неудобствами.

Они заключаются во первыхъ въ томъ, что такъ какъ будущихъ наклонностей человѣка

нельзя угадать, то всѣ спеціально-воспитательныя учебныя заведенія могутъ быть расчитаны только для людей среднихъ способностей, которымъ легко подчиниться всякому направленію и учиться чему прикажутъ. Но ни одна изъ отраслей искуства, ни одна изъ спеціальностей человѣческаго ума, не найдетъ въ этихъ пассивныхъ, легко подчиняющихся внѣшнему давленію натурахъ, своего лучшаго выраженія. Спеціальная школа нивелируя способности сводитъ ихъ къ низшему уровню. Часто ли можно отличить въ ребенкѣ будущее призваніе. Не найдется ли болѣе вѣроятности пришибить его способности въ лотереѣ спеціальнаго воспитанія, нежели въ томъ, что они будутъ поставлены именно въ свою дорогу. Отъ этого всѣ профессіи падали съ переходомъ отъ свободныхъ призваній въ руки людей, получившихъ кастообразное воспитаніе.

Наши духовно-учебныя заведенія служатъ самымъ рѣзкимъ выраженіемъ того вреда, который можетъ принести обществу спеціальное воспитаніе. Печальный диссонансъ между величіемъ православнаго догмата и его духовенствомъ составляетъ къ сожалѣнію явленіе нерѣдкое въ православіи. Онъ указываетъ на другой диссонансъ: противурѣчіе между жиз-

нью нашего священника и индивидуальными наклонностями многихъ лицъ посвященныхъ этому званію.

Такое состояніе нашего духовенства объясняютъ обыкновенно одними только матеріальными причинами. Но нельзя сомнѣваться въ томъ, что и при самомъ обеспеченномъ положеніи наше духовенство не могло бы стать на одномъ уровнѣ съ духовенствомъ англиканскимъ или протестантскимъ. Причина заключается въ степени образованія и въ призваніи. Такое различіе легко объяснимо, если принять во вниманіе то, что ряды нашего духовенства пополняются путемъ спеціальнаго воспитанія безъ всякаго отношенія къ призванію воспитанника. По этому не удивительно, что къ окончанію богословскихъ курсовъ большая часть способнѣйшихъ учениковъ, послѣдуя духу времени и сознавая свое непризваніе къ великому общественному служенію священника (болѣе, нежели какое нибудь другое служеніе требующемъ и силы наклонностей и силы самопожертвованія), рѣшаются оставить свою спеціальность. Въ числѣ остающихся не мало молодыхъ людей, которые были бы несравненно полезнѣй для всякой другой дѣятельности, кромѣ священнической.

Вызванные политическими обстоятельствами русскіе люди должны были не разъ принимать мѣры противъ католической пропаганды. Въ дѣятельности князей Острожскихъ, въ заботахъ объ устройствѣ школъ Петра Могилы и Петра Сагайдачнаго, въ болѣзненныхъ „писаніяхъ“ Курбскаго, въ основаніи Заиконоспасской академіи, даже въ абсурдахъ Стоглава слышится таже общественная потребность, которая и въ настоящее время тревожитъ русское общество: намъ надо имѣть православное духовенство, которое могло бы стоять въ уровень общечеловѣческой истины, называемой восточнымъ исповѣданіемъ, надобенъ классъ людей, который могъ бы всей своей массой, а не исключительными личностями, поддержать передъ человѣчествомъ здравый смыслъ своего церковнаго устройства ..... Но титаническая работа нашихъ патріотовъ XVI и XVII вѣка осталась пока недоконченной. Ex oriente lux — пока горитъ подъ спудомъ.

Какъ въ прежнее время, такъ и въ XIX вѣкѣ, политическія обстоятельства вызвали мѣры противъ католической пропаганды. Но огромная разница въ сущности этихъ мѣръ. Въ настоящее время они направлены по большей части противъ самаго католицизма. Мы забо-

тимся о томъ, чтобы уничтожить его вредное вліяніе на народъ, поразить его анти-государственное значеніе и сокрушить его опоры въ таинственныхъ симпатіяхъ. Но надобно замѣтить, что міръ держится авторитетами и католическій міръ въ особенности. Самое лучшее средство поколебать авторитетъ заключается не въ прямыхъ мѣрахъ, но въ противупоставленіи ему другаго авторитета, болѣе сильнаго нравственно, болѣе вѣрнаго общечеловѣческой истиннѣ и человѣческой природѣ. Поэтому для того, чтобы поколебать вліяніе католическаго духовенства необходимо создать другое нравственное вліяніе.... Если въ первомъ вліяніи очевидная историческая ложь, искаженное толкованіе истинъ Евангеліи, унижена свобода человѣческаго ума, то самый лучшій способъ противудѣйствовать всему этому заключается въ томъ, чтобы открыть передъ міромъ другой идеалъ, который удовлетворяя его уму, трогая сердце, вызывалъ бы его довѣріе своимъ демократическимъ величіемъ, внушалъ бы чувство любви и уваженія своей Евангелической истиной. Другими словами: мѣры противъ католическаго вліянія только тогда будутъ достигать своей цѣли, когда мы отдадимъ наконецъ должное нашему право-

славному духовенству, когда мы поставимъ его наконецъ въ такое положеніе, на которомъ оно стояло бы въ уровень философскимъ и историческимъ истинамъ православія.

Первою въ ряду этихъ мѣръ должно быть многостороннее, общегражданское воспитаніе нашего духовенства. Воспитаніе должно поставить его умственное развитіе въ уровень современнаго общества, своихъ соперниковъ, своей религіозной идеи. Но въ то время, когда весь религіозный Западъ, на сколько его выражаетъ съѣздъ католическихъ епископовъ въ Римѣ, рѣшился отстоять средневѣковую иллюзію католицизма, наши духовно-учебныя заведенія даютъ церкви не мало людей безъ способностей, безъ горячаго убѣжденія и безъ образованія. И ничему болѣе, какъ только спеціальному воспитанію нашего духовенства, современный католицизмъ обязанъ послѣдней силой того чарующаго вліянія, которое онъ до сихъ поръ еще имѣетъ на религіозные умы.

Улучшеніе быта нашего духовенства и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ міроваго значенія Восточной Церкви не можетъ по этому ограничиться однимъ только улучшеніемъ матеріальной обстановки и преобразованіемъ совершенно плохихъ духовно-воспитательныхъ

заведеній въ болѣе совершенныя, быть можетъ даже блестящія въ своемъ родѣ, но, по прежнему, основанныя на почвѣ спеціально-духовнаго воспитанія, и, въ силу своей односторонности, неизбѣжно подверженныхъ тѣмъ самымъ недостаткамъ, которые вообще присущи спеціальному воспитанію.

Въ виду ожидаемыхъ преобразованій въ воспитаніи духовенства, чрезвычайно интересно прослѣдить развитіе мѣръ принятыхъ съ этой же цѣлью въ XVI и XVII вѣкѣ, при обстоятельствахъ близко подходящихъ къ современному положенію вещей. Причины вызвавшія тогда эти заботы совершенно тѣ же, что и теперь. Намъ объясняетъ ихъ, напримѣръ, Петръ Могила, въ то время Кіево-Печерскій архимандритъ, въ своей фундушевой записи Кіевскому Братству, 15 Іюня 1631 года. „Видя что отъ неучености духовенства и необученія молодежи Православная Церковь много теряетъ душъ человѣческихъ, онъ Петръ Могила, желая при благости и помощи Божіей, по собственной своей волѣ, предотвратить столь великую потерю, а также пріобрѣсти удалившихся отъ православія, вознамѣрился основать школу для того, чтобы молодежъ наставляема была во всякомъ благочестіи, въ добрыхъ обычаяхъ и въ сво-

бодныхъ наукахъ и сіе не для какой либо пользы, или славы своей, но въ славу и честь живоначальной, нераздѣльной, Святой Тройцы, Отца и Сына и Св. Духа, въ пользу и утѣшеніе православнаго народа....."[1]

Напрасно стали бы искать во всей этой записи слѣдовъ основанія спеціально-воспитательнаго заведенія для образованія православнаго духовенства. Единственнымъ мотивомъ основанія школы является польза православнаго люда. Единственнымъ предметомъ обученія — нормальный общеобразовательный курсъ того времени — „науки вызволенные" (artes liberales). Знаменитый митрополитъ какъ нельзя лучше понимаетъ, что только подъ условіемъ этаго многосторонняго общаго образованія православное духовенство можетъ противудѣйствовать „утратѣ душъ человѣческихъ", а также и пріобрѣсти удалившихся отъ православія. Послѣдующія событія вполнѣ оправдали такой широкій взглядъ на задачу народнаго образованія и образованія духовенства. Безсильная въ оффиціальномъ отношеніи, бѣдная средствами, составленная изъ самыхъ разнообразныхъ эле-

[1] „Памятники изд. Кіевской Врем. Ком. для разбора древнихъ Актовъ", т. II, отд. I, стр. 93.

ментовъ и задавленная политическими обстоятельствами Южная Русь, сама собой, безъ всякой посторонней помощи, ведетъ борьбу съ латинствомъ, создаетъ великое народное движеніе, даетъ учителей и святителей Москвѣ.....

Чрезъ 60 лѣтъ послѣ этого ректоръ Кіево-Братскаго Монастыря Кириллъ Филимоновичъ проситъ Гетмана Мазепу о надачѣ Братскому Монастырю села въ Ивангородской сотнѣ. Гетманъ Мазепа, универсаломъ на имя Нѣжинскаго полковника и Ивангородской сотни, объявляетъ: „внявъ прошенію отца ректора съ братіей и изъ уваженія къ братскому всей Малороссіи полезному монастырю, въ которомъ всѣ малороссійскія дѣти желающія учиться получаютъ образованіе“ онъ Гетманъ утверждаетъ за этимъ монастыремъ село Бельмачевку въ Ивангородской сотнѣ.....[1]

И такъ „всѣ малороссійскія дѣти“ учатся въ Кіевскомъ Братскомъ училищѣ, „весь православный народъ“ извлекаетъ пользу и утѣшеніе отъ благой мысли основателя[2].

---

[1] Тамъ же стр. 281.

[2] Вспомнимъ кстати, что въ Кіево-Братскомъ училищѣ получилъ свое воспитаніе сынъ гетмана и будущій гетманъ Юрій Хмѣльницкій, и что если бы его съ этаго времяни предназначали къ духовному

Взглядъ на школьное ученіе, господствовавшій въ XVII вѣкѣ превосходно высказался въ двухъ уставахъ Луцкой Греко-Латино-Славянской школы (около 1624 года). Выписываемъ нѣсколько отрывковъ: „такъ какъ наши ученики кромѣ наукъ и добродѣтели ничему другому учиться не будутъ, то мы предостерегаемъ, чтобы они не имѣли у себя для сихъ двухъ предметовъ никакого препятствія ..... ученики не должны держать никакихъ военныхъ снарядовъ, ни инструментовъ другихъ ремеслъ, ничего кромѣ принадлежностей школьныхъ“[1]. „Учитель обязанъ будетъ учить и на письмѣ имъ предлагать: отъ Св. Евангелія, отъ книгъ апостольскихъ, отъ всѣхъ пророковъ, отъ ученія Св. Отецъ, отъ философовъ, поэтовъ, историковъ и прочее“[2]. Кромѣ того они должны учиться „пасхаліи, и лунному теченію, и счету, и вычисленію, или правиламъ церковнаго пѣнія“[3]. „Дома дѣти должны вести себя такъ

званію, Выговскій не получилъ бы титула: „на тотъ часъ гетманъ Войска Запороженаго“, то есть избранный управлять войсковыми дѣлами только на время воспитанія настоящаго гетмана.

[1] Памятники т. I, отд. I, стр. 88.

[2] Тамъ же стр. 106.

[3] Тамъ же стр. 107.

какъ ихъ учатъ въ школѣ, показывая тѣмъ образованность и приличную лѣтамъ своимъ свѣтскость передъ всѣми сословіями“[1].

Можно ли лучше опредѣлить мысль общеобразовательнаго классическаго воспитанія, чѣмъ это сдѣлано творческой рукой XVII вѣка въ этихъ забытыхъ уставахъ. А между тѣмъ нельзя не видѣть въ нихъ обдуманную, вкоренившуюся въ понятія современниковъ систему, взглядъ вѣка. И не вправѣ ли мы не вѣрить послѣ этаго въ исключительность англійскихъ учебныхъ заведеній. Корпоративная самостоятельность, матеріальное обезпеченіе и классическій методъ англійскихъ школъ вовсе не есть слѣдствіе исключительно англійскаго міросозерцанія, но слѣдствіе того счастливаго обстоятельства, что тамъ личный произволъ не поставленъ выше историческаго генія народа, и не поколеблено уваженіе дѣятелей къ правамъ общества на саморазвитіе.

Какъ бы то ни было классическому общеобразовательному воспитанію русской молодежи XVII вѣка тогдашнее духовенство обязано своимъ вліяніемъ на народъ и своей исторической ролью. Выдѣленію же духовныхъ училищъ

[1] Тамъ же стр. 111.

въ особыя спеціальныя училища для дѣтей духовнаго званія во второй половинѣ XVIII вѣка, это же сословіе обязано своимъ кастообразнымъ устройствомъ, упадкомъ знанія и потерей вліянія на общество.

Второй недостатокъ спеціально-воспитательныхъ учебныхъ заведеній заключается въ томъ: что они обременяютъ государство и общество излишней заботой о своихъ воспитанникахъ. Если государство, или вообще какая нибудь власть приняла на себя трудъ дать ихъ познаніямъ извѣстное спеціальное направленіе (иногда наперекоръ ихъ призваніямъ), то оно же должно принять на себя и обязанность во всякомъ случаѣ пристроить ихъ къ мѣсту, даже и тогда, когда они совершенно неспособны для своей спеціальности. Это своего рода droit au travail.

И вотъ, вслѣдствіе обилія у насъ спеціально-воспитательныхъ учебныхъ заведеній, почти по всѣмъ отраслямъ гражданской жизни, у насъ чувствуется въ одно и тоже время и „недостатокъ въ людяхъ“ для занятія мѣстъ, и недостатокъ въ мѣстахъ для того, чтобы дать занятіе всѣмъ получившимъ какое нибудь спеціальное воспитаніе.

Опять это всего рѣзче выказывается въ

духовномъ вѣдомствѣ. Духовно-учебныя заведенія переполнены дѣтьми получающими спеціальное воспитаніе и потому съ окончаніемъ каждаго курса является большое затрудненіе въ томъ, чтобы дать всѣмъ воспитанникамъ занятія, соотвѣтственныя ихъ воспитанію, а между тѣмъ ни въ одномъ изъ нашихъ образованныхъ классовъ не чувствуется такого недостатка въ знаніяхъ и талантахъ, какъ въ средѣ нашего духовенства.

Не спеціальныя ли военно-воспитательныя заведенія, при чрезвычайномъ обиліи войскъ, привели Россію къ потерямъ кримской компаніи?

Можно ли послѣ этого вѣрить въ реализмъ (полезность) спеціальнаго воспитанія? Обучая, по видимому, реальному оно не рѣдко разрушаетъ въ этомъ реальномъ всѣ полезныя свойства. По видимому дѣлая добро воспитаннику, оно служитъ причиной многихъ бѣдъ въ его жизни, потому что воспитать человѣка въ духѣ той спеціальности, для которой онъ не способенъ, это величайшее зло, которое только можно сдѣлать человѣку. Такимъ образомъ спеціальное воспитаніе, преслѣдуя по видимому реальную цѣль доходитъ до отрицанія реализма.

Гдѣ же этотъ реализмъ? Въ широкой много-

сторонней подготовкѣ классическаго воспитанія, которое на всегда сохраняло бы за человѣкомъ право свободнаго выбора профессіи и право слѣдовать своимъ наклонностямъ. Многіе скажутъ: зачѣмъ знать купцу латинскую и греческую литературу, — гораздо полезнѣе выучить его технологіи. Съ этимъ конечно ни кто не станетъ спорить въ томъ отношеніи, что для разнознанія товара технологія принесетъ болѣе пользы, чѣмъ эклоги Виргилія и филиппики Демосѳена. Но въ природѣ и жизни всегда лучше расчитывать на бо̀льшія способности, на запасъ силъ и на высшее интеллектуальное развитіе, чѣмъ сколько строго необходимо для достиженія той или другой цѣли. На этотъ основаніи классическое образованіе не можетъ не быть полезнымъ вездѣ, гдѣ образованіе необходимо, и было бы большимъ заблужденіемъ считать его нужнымъ только для ученыхъ и государственныхъ людей.

И эту очевидную истину забываютъ на каждомъ шагу! Одинъ американецъ выслушавъ посланіе президента Джонстона къ конгрессу, высказался въ такомъ тонѣ, что если человѣкъ, получившій воспитаніе портнаго, могъ написать такой документъ, то онъ не можетъ понять, къ чему всѣ эти университеты и ака-

деміи. Но портняжеское воспитаніе и посланіе Джонстона къ конгрессу ничего не доказываетъ. Извѣстно что Шекспиръ не былъ ни въ одномъ изъ университетовъ Англіи, а между тѣмъ всѣ университеты міра въ продолженіи вѣковъ не могли создать другого Шекспира. Дѣло въ томъ, что Шекспировъ нельзя мѣрить обыкновеннымъ аршиномъ и, какъ невозможна нація Шекспировъ, также невозможно образованный классъ націи оставить безъ классическаго воспитанія.

Народъ не можетъ обойтись одной только аристократіей человѣческихъ способностей Шекспирами, Дантами, Стефенсонами.... „Не та земля умна, гдѣ есть умные люди или много умныхъ людей, но та, гдѣ умъ есть достояніе всей массы.“ (Хомяковъ.) Въ жизни почти всегда случается, что мелкимъ людямъ поручаются великіе интересы. Это законъ необходимости. Но дѣло пойдетъ успѣшно только тогда, когда индивидуальная ничтожность лицъ уравновѣшивается достоинствомъ той среды, въ которой они поставлены, когда общественная атмосфера и школьное воспитаніе даютъ людямъ посредственныхъ способностей то, чего имъ не дала природа. Въ человѣкѣ есть способность становиться въ уровень своему положенію.

Чѣмъ ниже уровень способностей и опытности, тѣмъ опаснѣй индивидуализмъ и тѣмъ нужнѣй для него нравственная поддержка среды и многосторонняго классическаго воспитанія.

Мы однако далеко уклонились отъ главнаго предмета. Разсматривая свойства древней цивилизаціи и ее отношеніе къ современному образованному міру, мы сказали, что эта цивилизація обладаетъ четырьмя великими свойствами, дѣлающими ее совершенно необходимой при воспитаніи: содержаніемъ, методомъ, общечеловѣческой многосторонностью и нейтральностью. Намъ остается теперь говорить только о послѣднемъ.

Классическое воспитаніе, давая человѣку многостороннее умственное развитіе, не отрываетъ его отъ народнаго міросозерцанія, не разъединяетъ его съ историческимъ духомъ, преданіями и инстинктами родной старины, однимъ словомъ сохраняемъ воспитаннику національность ума. „Шекспиръ потому именно и близокъ всѣмъ людямъ, что онъ вполнѣ принадлежитъ Англіи.“ (Хомяковъ.)

Мы далеки отъ мысли безусловно обвинять всѣхъ воспитывающихъ своей дѣтей за границей. Наши учебныя заведенія плохи. Надо ли другое извиненіе? Но не должно ли наше

общество бояться, чтобы изъ этого воспитанія не вышелъ впослѣдствіи типъ полурусскаго джентльмена, лишеннаго всякой нравственной связи съ Россіей, типъ космополита, который будетъ ѣхать на родину такъ, какъ въѣзжаютъ въ нее толпы иностранцевъ — для полученія мѣста, наслѣдственныхъ доходовъ, изъ любопытства .....

Можно легко поставить ребенка внѣ кровообращенія той или другой народности, но не надо забывать, что въ такомъ случаѣ человѣкъ не только можетъ остаться чуждымъ своему народу, но, въ лицѣ своего народа, чуждымъ человѣчеству. Своенародности не дастъ русскому ребенку ни нѣмецкая, ни швейцарская школа.

Но, чтобы быть органомъ народнаго самосовершенствованія, русская школа должна сроднить каждое новое поколѣніе со всей народной жизнью: ее страданіями и прирожденной исторической идеей, ее славой и горемъ. Она должна научить его понимать величіе судебъ русской земли, даже въ поучительномъ безобразіи нѣкоторыхъ ее свойствъ и историческихъ моментовъ. Школа должна научить своихъ питомцевъ любить не только славу русской земли, но и ее мученничество. Такова національ-

ная цѣль школы, перейдемъ теперь къ средствамъ.

Предметами ученія въ періодъ воспитанія могли бы быть или русскій міръ, или жизнь и литература западныхъ народовъ, или классики.

Исключительное изученія русскаго историческаго міра и русской народности въ дѣтствѣ, казалось бы, ближе всего подходитъ къ коренной задачѣ русскаго воспитанія — воспитать развитое поколѣніе русскихъ людей. Но сосредоточенное изученіе только „своего“ не могло бы не сообщить молодому поколѣнію нѣкоторой узости понятій, такъ мало свойственной скептическому русскому уму. Къ тому жъ русскій міръ, быть можетъ самый сложный изъ всѣхъ міровыхъ элементовъ, выступавшихъ до сихъ поръ на историческое поприще, едва ли доступенъ понятіямъ дитяти. Про него можно сказать то же, что сказалъ когда то Грановскій объ исландской литературѣ: „.... въ сферѣ поэзіи нерѣдко встрѣчаются произведенія, наслажденіе которыми достается читателю можно сказать съ боя, вслѣдствіе напряженнаго усилія и изученія. Стыдливая красота такихъ произведеній неохотно выступаетъ наружу изъ подъ причудливой формы, въ которую заключило ее своенравіе худо-

жника, или особенный, историческими условіями опредѣленный, складъ народной мысли". Какъ и древная литература сѣвера, русская земля отличается этой независимой отъ внѣшняго убора и трудно постигаемой красотой внутренняго содержанія. Вотъ двѣ причины, почему русскій міръ не можетъ и не должна быть исключительнымъ предметомъ изученія въ дѣтствѣ. Онъ можетъ служить книгой для чтенія, но основаніемъ педагогическихъ занятій въ періодъ воспитанія долженъ быть принятъ иной фазисъ человѣческаго развитія.

Цивилизація Запада имѣетъ также очень важныя неудобства. Всѣ новыя западно-европейскія цивилизаціи отличаются сложностью составныхъ элементовъ, громаднымъ объемомъ историческаго процесса и ослѣпительнымъ разнообразіемъ формы. Въ нихъ не менѣе загадочнаго, чѣмъ въ русской исторіи и, можетъ быть еще болѣе недоказаннаго. Все это дѣлаетъ западный міръ недоступнымъ для изученія ребенка не только у насъ, но даже на Западѣ. Не случайно Фенелонъ взялъ сюжетъ для своего „Телемака" изъ жизни Греціи, а не изъ пѣсней Нибелунговъ.

Если русскій міръ и западная цивилизація имѣютъ каждый своего рода педагогическія не-

совершенства, то классики представляютъ явленіе совершенно противуположное. По своей простотѣ классическій міръ вполнѣ доступенъ даже уму ребенка; въ своей законченности онъ даетъ ему цѣльное и совершенно вѣрное представленіе минувшаго; по богатству мысли онъ служитъ превосходнымъ средствомъ умственнаго развитія; ю логичности метода и изяществу формъ онъ является, для всѣхъ поколѣній и всѣхъ народовъ, незамѣнимымъ путемъ для выработки метода, не касаясь при этомъ національныхъ инстинктовъ ума. Никакая другая цивилизація не представляетъ такого полнаго соединенія всѣхъ этихъ свойствъ въ объемѣ нѣсколькихъ томовъ.

Чуждый современнымъ страстямъ, классическій міръ остается нейтральнымъ для всѣхъ временъ и народовъ. Какъ средство воспитанія онъ даетъ только общечеловѣческое основаніе, на которомъ народная жизнь можетъ впослѣдствіи построить все свое разнообразіе, обуславливаемое вѣкомъ, спеціальностью и общественной средой. Классическій міръ какъ и Евангеліе (не забудемъ что во главѣ классическаго воспитанія стоитъ Библія) напечатлѣваетъ въ умѣ ребенка только вѣчныя незыблемыя истины, оставляя законный просторъ для

временнаго и національнаго. Развивая въ душѣ воспитанника общечеловѣческое, онъ позволяетъ ему остаться самимъ собой. Въ своемъ вѣчно-холодномъ нейтралитетѣ, классическій міръ является неизмѣннымъ другомъ всѣхъ историческихъ народовъ, создающихъ цивилизацію вѣка.

Въ началѣ этой главы мы пришли къ слѣдующему вопросу: какое воспитаніе лучше, реальное или классическое?

Теперь мы считаемъ себя вправѣ отвѣчать на этотъ вопросъ такимъ образомъ: воспитаніе не можетъ быть не классическимъ, но всякое классическое воспитаніе непремѣнно бываетъ реально.

Этотъ реализмъ классическаго воспитанія объясняетъ намъ почему въ двадцать лѣтъ англичанинъ „знаетъ“ менѣе чѣмъ нѣмецъ или русскій того же возраста, но за то въ тридцать онъ „сдѣлаетъ“ гораздо болѣе, чѣмъ нѣмецъ въ тридцать пять, а русскій во всю жизнь.

2. Реальное воспитаніе по „Уставу 1864 года".

Пятый параграфъ Устава 1864 года, „по различію предметовъ содѣйствующихъ общему образованію и по различію цѣли гимназическаго обученія", создаетъ у насъ два рода воспитанія: реальное и классическое.

Чѣмъ будетъ реальное воспитаніе? Менѣе совершеннымъ. — Чѣмъ будетъ классическое? Болѣе законченнымъ .... Вѣроятно такъ. — Классическое воспитаніе является такимъ образомъ представителемъ многосторонности въ образованіи, широты взгляда; напротивъ, реальное будетъ преслѣдовать болѣе практическія, спеціальныя цѣли. Это воспитаніе дѣловаго, производительнаго класса общества ....

Но именно этаго то различія въ цѣляхъ гимназическаго обученія мы и не можемъ допустить. Нормальное воспитаніе не обучаетъ человѣка непосредственно полезнымъ и приложимымъ къ жизни предметамъ, оно не даетъ ему уже приготовленной для его спеціальности и разжеванной пищи; оно даетъ ему только сознаніе и умственное развитіе необходимое для выбора спеціальности, силу воли и энергію труда. Воспитаніе не столько учитъ, сколько

формируетъ характеръ и учитъ только для того, чтобы формировать характеръ. Говоря славами стараго устава „кромѣ наукъ и добродѣтели“ воспитаніе не должно преслѣдовать никакихъ практическихъ цѣлей[1]. Въ этомъ нравственномъ приготовленіи къ жизни и заключается реализмъ классическаго воспитанія и его высокая практичность.

Пускай дѣти, возмужавъ, забудутъ свое классическое воспитаніе .... Они могутъ забыть только его внѣшніе атрибуты, но его сущность останется въ нихъ незамѣтнымъ инстинктомъ жизни, отпечаткомъ вѣка, племеннымъ типомъ. Нравственная сила этаго типа поднимать ихъ на самыхъ практическихъ профессіяхъ, въ которыхъ классическое образованіе, какъ прямое условіе дѣятельности, нужно менѣе всего. Странно было бы предполагать, что практическія профессіи требуютъ только одной рутины ума и узкаго односторонняго образованія? Напротивъ, намъ кажется, что чѣмъ одностороннѣе дѣятельность человѣка, тѣмъ многосторонней должно быть его образованіе. Безъ этаго, необходимое равновѣсіе его духовныхъ способностей было бы нарушено, и утратилось

[1] Памятн. изд. Кіев. Врем. Ком., т. I, отд. I, ст. 88.

бы творческое отношеніе къ своей спеціальности, безъ котораго не можетъ существовать хорошій практическій дѣятель. Медикъ, технологъ, артилеристъ, агрономъ и механикъ могутъ не нуждаться въ знаніи латинскаго языка, но для того, чтобы быть хорошими спеціалистами, имъ необходима самая широкая общая подготовка, невозможная внѣ классическаго воспитанія.

По этому именно для наиболѣе реальныхъ профессій узкое реальное воспитаніе является наименѣе практичнымъ. Оно даетъ человѣку средства только въ обрѣзъ, и, именно вслѣдствіе этаго, даетъ ему по большей части недостаточно. Надобна исключительная сила наклонностей и исключительное призваніе, для того чтобы, при этой бѣдности средствъ реальнаго воспитанія, идти въ своей спеціальности далѣе рутины.

Кому не извѣстна притча Спасителя о грядущемъ женихѣ, о томъ какъ у встрѣчавшихъ его не было достачно приготовлено масла, для того чтобы вновъ наполнить свѣтильники....

Притча эта какъ нельзя лучше объясняетъ значеніе классическаго воспитанія въ развитіи человѣка. Это воспитаніе можетъ быть названо роскошью, иногда роскошью безполезною, но

все таки, относительно массы людей, оно имѣетъ въ себѣ задатки болѣе широкаго умственнаго развитія и болѣе здоровой дѣятельности, чѣмъ всякое узко-реальное воспитаніе.

---

3. Система учебныхъ заведеній должна сообразоваться съ естественнымъ раздѣленіемъ молодаго поколѣнія на два возраста.

Но окончательное оправданіе классическаго воспитанія невозможно до разрѣшенія одного важнаго сомнѣнія. Неужели до 17—18 лѣтъ (возрастъ, прежде котораго нельзя считать воспитанія оконченнымъ) вся молодость человѣка должна быть посвящена Цицерону и Титу Ливію, т. е. развитію однихъ только общихъ знаній; неужели человѣкъ, которому суждено завтра сдѣлать окончательный выборъ дороги, не имѣетъ права сегодня, въ стѣнахъ воспитавшей его школы, приготовить себя и сдѣлать рѣшительный шагъ къ этому выбору?

Но существуетъ неизмѣримая разница между „приготовленіемъ себя“ и „предназначеніемъ другого“ къ извѣстной дорогѣ. Классическое воспитаніе должно быть организовано такимъ образомъ, чтобы, уничтожая всякое предназначеніе извнѣ, способствовать тому, что-

бы каждый воспитанникъ, еще въ школѣ, свободно приготовилъ себя не только къ выбору спеціальности, но, на сколько возможно, и къ самой спеціальности. Эта дополнительная цѣль классическаго воспитанія можетъ быть достигнута очень легко.

Сообразно физическимъ законамъ развитія, воспитаніе человѣка распадается на два очень различающіеся одинъ отъ другого періода. Собственно классическое воспитаніе, однообразное по содержаніи и лишенное всякихъ подраздѣленій, не можетъ продолжаться за предѣлы 14—15 лѣтъ. Далѣе начинается другой періодъ. Ученникъ изъ состоянія пассивнаго ученія, переходитъ въ состояніе болѣе или менѣе дѣятельной любознательности, выступаютъ наружу его наклонности, проявляется вкусъ къ тому или другому занятію.

Во второмъ періодѣ воспитаніе, увеличивая въ воспитанникахъ массу общечеловѣческаго развитія, должно подготовить ихъ также къ сознательному выбору спеціальности. Стремленіе это еще не должно поглощать всего времени и всего вниманія воспитанниковъ, но оно уже входитъ составнымъ элементомъ его личной дѣятельности.

Учебный курсъ не долженъ идти наперe-

корь естественному развитію человѣка. По этому и классическія школы этого періода должны располагать жизнь воспитанника такимъ образомъ, чтобы въ тѣни общаго образованія выяснялись основанія будущей спеціальности: адвокатской, церковной, ученой, государственной и т. д. Исключительное занятіе классиками во второмъ періодѣ сдѣлало бы воспитаніе одностороннимъ и спеціальнымъ и много уменьшило бы его общеобразовательное значеніе.

Переходя отъ предметовъ ученія къ школьной обстановкѣ нельзя не замѣтить того, что оба возраста едва ли могутъ быть подчинены одной и той же педагогической дисциплинѣ.

До 14—15 лѣтъ существуетъ эта неокрѣпшая нравственность, эта естественная несостоятельность воли, которая освобождаетъ человѣка почти отъ всей отвѣтственности за свои поступки. Неразвитость наклонностей и необходимость дать сначала самую общую подготовку, подводитъ всѣхъ воспитанниковъ этаго возраста къ одному общему уровню. И такъ въ этомъ возрастѣ необходимы болѣе внимательный надзоръ, болѣе обширное вмѣшательство въ частную жизнь и занятія воспитанника и болѣе однообразія въ самихъ занятіяхъ.

Условія эти совершенно перемѣняются около

15—17 лѣтъ. Этотъ періодъ заставляя предполагать въ воспитанникахъ болѣе самообладанія, позволяетъ болѣе на нихъ полагаться и требовать отъ нихъ гораздо большей отвѣтственности. Личность воспитанника, хотя онъ еще и не является полноправнымъ членомъ общества, имѣетъ гораздо болѣе правъ на свободу и самостоятельность дѣйствій. Педагогическія стѣсненія являются уже какъ бы частными ограниченіями этой свободы, добровольно, изъ сознательнаго убѣжденія, налагаемыми имъ на себя. Въ семьѣ и школѣ воспитанникъ долженъ быть поставленъ на правахъ младшаго брата пользующагося руководствомъ и совѣтомъ болѣе опытныхъ. Передъ закономъ воспитанникъ является съ правомъ попечительства (curra) избираемаго имъ по произволу, а не опеки (tutella) налагаемой на него другими.

Подчинять оба возраста одной и той же дисциплинѣ, насильственно подводить различныя условія ихъ физическаго и умственнаго развитія подъ уровень одной и той же школьной обстановки, заставлять человѣка въ 17 лѣтъ точно также проводить свой день, какъ онъ проводилъ его въ 10—12 лѣтъ — это значило бы создавать такую педагогическую систему, при которой взрослый человѣкъ долженъ былъ

бы отказаться отъ естественныхъ правъ своего развитія, въ замѣнъ чего, дѣтямъ представлялось бы искушеніе вести жизнь болѣе самостоятельную, чѣмъ позволительно въ ихъ возрастѣ.

Мы даже не можемъ понять, какимъ образомъ одно и тоже лице можетъ добросовѣстно и съ одинаковымъ тактомъ выполнить свои педагогическія обязанности относительно обоихъ возрастовъ разомъ. Для одного возраста начальникъ учебнаго заведенія является опекуномъ, обязаннымъ иногда думать за воспитанника, руководить его дѣйствіями и нести всю нравственную отвѣтственность за его будущее; для другого только попечителемъ обязаннымъ помогать своею опытностью доброй волѣ воспитанника. Эти роли такъ различны, что требуютъ совершенно различныхъ способностей и педагогическаго умѣнья. Во всякомъ случаѣ едва ли возможно войти въ обѣ роли разомъ, не поставивъ себя въ фальшивое положеніе къ обоимъ.

Отсюда очевидно какъ неестественно прежнее устройство нашей гимназій (и вообще всѣхъ учебно-воспитательныхъ заведеній: Училища Правовѣдѣнія, кадетскихъ корпусовъ и проч.), по которому, молодежъ трехъ высшихъ

классовъ была подчинена той же школьной дисциплинѣ, какъ и дѣти 10—12 лѣтъ. Вмѣстѣ съ этимъ становится понятнымъ, почему въ нашихъ школахъ, не смотря на множество безполезныхъ стѣсненій, могла удержаться значительная распущенность нравовъ.

Новый гимназическій уставъ опредѣляя организацію воспитательно-учебнаго заведенія, къ сожалѣнію, не обратилъ должнаго вниманія на это противурѣчіе въ характерѣ двухъ періодовъ человѣческаго воспитанія. Впрочемъ нельзя сказать чтобы въ уставѣ 1864 года, была совершенно упущена изъ виду необходимость раздѣлить воспитанниковъ на два возраста. Но сознаніе этой необходимости высказалось только слѣдующимъ, едва замѣтнымъ, намёкомъ: „по мѣрѣ возможности, низшіе четыре класса гимназіи помѣщаются отдѣльно отъ высшихъ трехъ классовъ“[1]. Затѣмъ новый уставъ, болѣе, ничего не сдѣлалъ въ этомъ направленіи.

А между тѣмъ различіе возрастовъ составляетъ такое неизбѣжное условіе умственнаго и физическаго развитія, которое неминуемо должно быть положено въ основаніе нормальной системы воспитанія. Эти условія создаютъ не

[1] Примѣчаніе къ 3му § устава.

столько различные предметы ученія, сколько различныя отношенія воспитанниковъ къ ученію, къ обществу и школѣ и до тѣхъ поръ, пока это различіе не будетъ положено въ основаніе нашего общественнаго воспитанія, нашимъ учебнымъ заведеніемъ всегда будутъ угрожать или монастырская закрытость или преждевременная полноправность дѣтей-воспитанниковъ.

Слѣдовательно однимъ изъ самыхъ главныхъ пунктовъ педагогической реформы у насъ, — должно бы быть раздѣленіе учебныхъ заведеній, сообразно возрасту воспитанниковъ, на два рода. Первый для младшаго возраста соотвѣтствовалъ бы англійскимъ школамъ въ Итонѣ, Гарро, Винчестерѣ, Ригби и нашимъ первымъ четыремъ классамъ гимназіи. Въ немъ воспитаніе оканчивалось бы около 14—15 лѣтъ; ученіе ограничивалось бы исключительно общеобразовательнымъ классическимъ курсомъ. Другой родъ учебныхъ заведеній (мы назвали ихъ выше лицеями) по методу ученія, педагогической обстановкѣ и объему преподаваемыхъ наукъ соотвѣтствовалъ бы англійскимъ университетамъ. Ихъ педагогическая роль оканчивалось бы около 17—18 лѣтъ. По окончаніи лицея представителямъ каждаго молодаго поколѣнія оставалось бы только усво-

ить какую нибудь спеціальную отрасль знанія, посредствомъ практическихъ занятій, чтенія, руководства спеціалистовъ или университетскихъ лекцій. Для послѣдняго фазиса развитія нѣтъ границъ въ предѣлахъ человѣческой жизни и талантовъ, нѣтъ педагогическихъ правилъ и нормы постепенно развитію. Личность выступаетъ, наконецъ, въ всемъ своемъ самовласти.

Мы уже имѣли случай коснуться этого предмета[1] и потому считаемъ себя вправѣ не повторяться. Скажемъ только что приведенное выше примѣчаніе къ 3му § новаго устава не можетъ освободить нашу воспитательную систему отъ ее коренного недостатка, вызывающаго крайне-неловкую натянутость въ отношеніяхъ воспитателей къ воспитанникомъ старшаго и младшаго возраста и въ отношеніяхъ воспитанниковъ обоихъ возрастовъ къ уставу учебнаго заведенія.

---

4. Самостоятельность школьныхъ корпорацій.

Еще одинъ вопросъ остался неразрѣшеннымъ въ гимназическимъ уставѣ 1864 года.

---

[1] Гл. I — Лицеи и Унив. и гл. II — Задача Ун. Экз.

Мы говоримъ о необходимости освободить наши учебныя заведенія отъ всѣхъ внѣшнихъ реформъ и предоставить каждому изъ нихъ право индивидуальной самостоятельности и индивидуальнаго саморазвитія.

Одно изъ самыхъ дурныхъ преданій нашей школьной администраціи заключается въ привычкѣ безпрестаннаго вмѣшательства и перемѣнъ въ дѣлѣ народнаго образованія. Внутренней, самостоятельной, независимой отъ министерства жизни наша школа давно не имѣетъ. Все ее развитіе въ XVIII и XIX вѣкѣ заключается въ подчиненіи внѣшнимъ стѣсненіямъ случайныхъ административныхъ распоряженій. Вотъ почему школы не составляютъ у насъ корпоративнаго юридическаго лица облеченнаго властью и нравственной отвѣтственности передъ настоящимъ и будущимъ. Какъ власть, такъ и отвѣтственность лежитъ у насъ не на школьной корпораціи, но на принятой въ данную минуту административной системѣ и ее представителяхъ: не на Магницкомъ, а на Аракчеевѣ. Подъ гнетомъ бюрократической иниціативы исчезаетъ иниціатива учебнаго заведенія и самая задача воспитанія превращается въ простое исполненіе бумагъ за нумерами. Такое учебное заведеніе можетъ отличиться на

публичномъ экзаменѣ, блеснуть на ревизіи, но въ немъ никогда не найдется корпоративной силы, которая могла бы возбудить въ обществѣ неограниченное довѣріе къ своему духу, выработать хорошее преданіе, пріобрѣсти нравственное вліяніе на воспитанниковъ и освободиться отъ недостатковъ своего вѣка.

Общественное воспитаніе только тогда можетъ влить въ націю освѣжающія силы здороваго молодого поколѣнія, когда школа развивается независимо отъ періодическихъ колебаній народной жизни. Другими словами: народное воспитаніе, чтобы быть источникомъ народнаго самосовершенствованія, должно стоять независимо отъ дурныхъ и хорошихъ администрацій. Оно не должно подчиняться ни революціямъ, ни реакціямъ. Школа это своего рода status in statu, передъ которымъ, изъ уваженія къ себѣ, и изъ уваженія къ будущему, должны преклониться всѣ направленія, всѣ господствующія партіи и всѣ héros du jour.

Не трудно убѣдиться, что вопросъ о самостоятельности школъ составляетъ одинъ изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ каждаго поколѣнія. Опасно уничтожать индивидуальную жизнь учебнаго заведенія, потому что для народнаго саморазвитія необходимо народное вос-

питаніе, во всѣхъ своихъ ступеняхъ — начиная сельской школой и кончая университетскими лекціями — поставленное внѣ владычества партій. Анализъ убѣжденій и дѣйствій всѣхъ, безъ исключенія, партій открываетъ въ каждомъ изъ нихъ зародышъ ихъ паденія. Въ вигизмѣ XVII вѣка легко открыть революціонный чартизмъ, въ торизмѣ того же времени наклонность къ абсолютизму. Въ духовенствѣ, въ демократіи, въ аристократической лигѣ, въ войскѣ, однимъ словомъ, рѣшительно въ каждомъ классѣ имѣющемъ вліяніе на народную жизнь, легко найти задатки печальной односторонности, которая по временамъ заставляетъ націю уклоняться съ пути своего нормальнаго развитія. Уклоненія эти происходятъ въ то время, когда сила обстоятельствъ усыпляетъ противуположный элементъ, быть можетъ также несовершенный въ себѣ самомъ, и справедливый только поневолѣ.

Что если школа будетъ во всемъ подчиняться этой силѣ обстоятельствъ и этимъ періодическимъ приливамъ и отливамъ?.... Что если она будетъ жить увлеченіями всѣхъ партій господствующихъ въ данную минуту и, вмѣстѣ съ ихъ паденіемъ, перемѣнять авторитеты, вѣрованія, обстановку, убѣжденія?

Самое меньшее зло заключается въ томъ,

что подобная школа будетъ недоноскомъ всѣхъ направленій. Постоянное пребываніе въ мірѣ переходныхъ, неустановившихся идей невыгодно отразится на школѣ и наукѣ, преподавателяхъ и ученикахъ. Она должна будетъ сдѣлаться политической ареной, какъ зеркало отражать современныя ходячія идеи, поклоняться героямъ дня и увлекаться увлеченіями толпы. Чѣмъ сильнѣе будетъ несамостоятельность школы, тѣмъ менѣе будетъ она въ силахъ выработать поколѣніе, которое стало бы выше поколѣнія предъидущаго. Даже болѣе. Мы сомнѣваемся чтобы въ ней нашлась сила удержать молодежъ на уровнѣ стараго поколѣнія.

Минутные порывы могутъ сдѣлать много хорошаго на поприщѣ общественной дѣятельности, подъ знаменемъ противуположныхъ убѣжденій. Но прилагая эти порывы къ школьной жизни, мы непременно измѣнимъ всю сущность воспитанія и лишимъ школу своего высоко-нравственнаго и художественнаго назначенія: приготовлять молодое поколѣніе къ жизни, въ самомъ многостороннемъ значеніи этого слова. Мы дадимъ ей раболѣпную роль приготовлять неразумное орудіе той или другой партіи.

Учебное заведеніе должно стоять не только

въ уровнѣ вѣка, но выше своего вѣка. Въ немъ зачатокъ вѣковъ грядущихъ. Общество, въ данную минуту, можетъ дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи, въ духѣ извѣстныхъ практическихъ цѣлей. Между тѣмъ цѣль учебнаго заведенія выше временныхъ цѣлей того или другого поколѣнія. Эта цѣль и идеальная и практическая вмѣстѣ. Она вмѣщаетъ въ себѣ всѣ цѣли жизни и всѣ направленія общества.

Пусть же въ минуты народныхъ увлеченій школа стоитъ выше уровня общаго разлива; пусть она, не поддаваясь ни увлеченіямъ эпохи, ни народнымъ страстямъ, предохранитъ молодое поколѣніе отъ страшной односторонности, изсушившей народную жизнь Франціи въ вѣчномъ, неугомонномъ колебаніи между увлеченіями господствующихъ партій, и сдѣлавшей изъ Польши, свободной въ XVI вѣкѣ, жалкое орудіе іезуитской политики въ XVII[1].

[1] При несамостоятельности школъ учебники служатъ вѣрнымъ отраженіемъ господствующихъ направленій, но отнюдь не истины. Недавно издана, съ одобренія французскаго министерства, „Краткая исторія Франціи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней“. Въ виду послѣднихъ мексиканскихъ событій въ особенности интересны слѣдующія заключительныя строки этаго учебника: „Таковы результаты и

Разумѣется въ Россіи можно не опасаться не только великихъ разрушеній, но и простого преобладанія партій. Но, при этой тишинѣ общественнаго духа, тѣмъ болѣе опасны для нормальнаго развитія русскаго народа, тѣ отрывочныя направленія, которыми обясняется большая часть реформъ совершенныхъ въ нашемъ общественномъ воспитаніи.

Все равно откуда бы ни выходили эти направленія: отъ государственной власти, отъ об-

---

таково счастіе новой французской имперіи. За ее предѣлами Наполеонъ III возвратилъ Мексикѣ свободныя учрежденія и далъ средство противустоять грозящимъ захватамъ Соединенныхъ Штатовъ и надежду быть тѣмъ, чѣмъ должна быть большая и умная страна, то есть однимъ изъ великихъ рынковъ міра и Франціи" (Volks-Zeitung 1867, 12 Juli). Во времени реставраціи существовали исторіи для которыхъ не существовалъ императоръ Наполеонъ I. Учебники австрійскихъ и италіянскихъ школъ безъ сомнѣнія заключаютъ въ себѣ не менѣе рѣзкую перемѣну во взглядахъ на событія 48 года.

Какъ жалки должны казаться молодому поколѣніи всѣ эти продѣлки, и какую пользу принесла бы самостоятельность школъ уже однимъ тѣмъ, что она избавила бы администраціи отъ искушеній педагогической дипломатіи, которая не можетъ не уронить правительство въ глазахъ, даже, десятилѣтнихъ учениковъ.

щества, отъ отдѣльныхъ лицъ, — но, если поставить случайные личные взгляды поколѣнія или лица, выше историческихъ преданій школы, то гдѣ же и когда можно будетъ остановиться?

Существованіе самостоятельной школы до такой степени необходимо для нормальнаго развитія народной жизни, что въ видахъ поддержанія этой самостоятельности никогда нельзя сдѣлать слишкомъ много. Недостаточно одной только независимости по уставу, на клочкахъ мертвой бумаги защищающей школы отъ внѣшняго наплыва случайныхъ преобразованій. Необходимо болѣе существенное — независимость матеріальная.

Процвѣтаніе англійскихъ школъ было бы невозможно если бы ихъ существованіе зависимо отъ ежегоднаго бюджета канцлера казначейства и популярности министерскихъ билей въ парламентѣ. Какая нибудь фракція радикаловъ давно начала бы считать и взвѣшивать во что обошлось Англіи ее школьное и университетское воспитаніе; что даетъ ежегодно народъ на поддержаніе ихъ вѣковыхъ парковъ, готическихъ коллегій и капеллъ; было бы исчислено, какія жертвы приносятся для того, чтобы сохранить это, единственное въ своемъ родѣ соединеніе общественнаго воспитанія съ сель-

ской жизней, здоровымъ воздухомъ и удовольствіемъ лодочнаго состязанія и какъ дважды два было бы доказано какъ много удешевилось бы общественное воспитаніе отъ продажи въ частныя руки, напримѣръ Итона — мѣста воспитанія десятковъ поколѣній, нравственную колыбель столькихъ великихъ людей.... Люди осудившіе женщину за то что она возлила на голову Іисуса Христа драгоцѣнное нардовое міро, подъ видомъ общественной пользы и раздачи пособія бѣднымъ, продали бы это міро и какіе нибудь городскія фаланстеріи давно служили бы мѣстомъ народнаго воспитанія..... Ломали же средневѣковыя живописныя окна, для того, чтобы добыть нѣсколько фунтовъ олова.....

Если англійскіе школы до сихъ поръ сохранили свою древную естественность, если англійское воспитаніе до сихъ поръ остается воспитаніемъ здоровой души въ здоровомъ тѣлѣ (mens sane in corpore sane), то этимъ Англія обязана исключительно матеріальной независимости своихъ средневѣковыхъ училищъ; иначе давно нашелся бы поводъ и давно отыскались бы средства, подкапавшись подъ ихъ юридическую самостоятельность, разрушить случайно сохранившійся, и только теперь оцѣ-

неный по достоинству, остатокъ средневѣковой старины.

Примѣромъ того, что можетъ случиться съ учебнымъ заведеніемъ, если оно не обезпечено матеріально служитъ исторія нѣжинскаго лицея. Въ 1865 году первое черниговское земское собраніе отказало лицею въ незначительномъ денежномъ пособіи. Необезпеченное матеріально, существованіе нѣжинскаго лицея — мѣста воспитанія Гоголя — должно было прекратиться. Вспомнимъ что едва ли не всѣ наши высшія и среднія учебныя заведенія находятся въ подобномъ же, крайне зависимомъ, положеніи и что всякій дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ можетъ поставить на карту всю систему нашего общественнаго воспитанія и безъ того расчитанную только въ обрѣзъ. Съ этимъ можно сравнить громадныя сокровища пожертвованныя оксфордскимъ университетомъ (однимъ изъ главныхъ rentier Англіи) на дѣло Карла I и консервативной партіи.

Судьба нѣжинскаго лицея ясно доказываетъ двѣ вещи: во первыхъ то, что безъ матеріальной самостоятельности внутренняя самостоятельность школъ становится невозможной, во вторыхъ то, что было бы слишкомъ непрактично, въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, опа-

саться одного только вмѣшательства центральной государственной власти и во всемъ положиться на добрую волю общества. Въ дѣлѣ воспитанія, общества могутъ увлекаться минутнымъ настроеніемъ отнюдь не менѣе правительствъ. Ходячія идеи вѣка имѣютъ на нихъ еще болѣе вліянія, чѣмъ на государственную власть и слишкомъ была бы печальна судьба общественнаго воспитанія, если бы оно зависило во всемъ отъ направленія господствующаго въ данную минуту въ правительственныхъ сферахъ или въ обществѣ. Все это убѣждаетъ въ крайней необходимости гарантировать судьбу учебнаго заведенія отъ личныхъ взглядовъ и прихотей поколѣнія, поставить его выше случайныхъ интересовъ и невѣжественнаго равнодушія той или другой минуты, того или другого сословія.

Но существуетъ и противуположное мнѣніе. Говорятъ, что слишкомъ большое развитіе автономіи училищъ, поселяя въ этихъ училищахъ ни чѣмъ ненарушаемую рутину, позволяетъ имъ отставать отъ своего вѣка. Этотъ застой самостоятельныхъ учебныхъ заведеній, въ свое время, вызвалъ протесты передовыхъ умовъ Англіи: Бэкона, Милля, Бокля, Гиббона и кончился вмѣшательствомъ парламента въ

устройство англійскихъ школъ и университетовъ.

Но что доказываетъ этотъ фактъ? То что вмѣшательство центральной государственной власти въ дѣла общественныя или частныя бываетъ иногда законно и необходимо. Но кто и когда въ этомъ сомнѣвался? Для чего бы и существовала бы центральная государственная власть, если отнять у ней право и обязанность вмѣшательства въ исключительныхъ случаяхъ? Но для чего же въ мелочахъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, за чѣмъ, подобно медвѣдю басень Крылова, отгонятся мухъ камнями, къ чему, скажемъ наконецъ, эта профанація государственной власти тамъ, гдѣ достаточно однихъ только здоровыхъ общественныхъ силъ? Много управлять, не значитъ ли управлять дурно?

Вмѣшательство англійскаго парламента въ устройствѣ англійскихъ школъ и университетовъ вызвано исключительными причинами — средневѣковымъ происхожденіемъ англійскихъ школы и упорнымъ вліяніемъ ее средневѣковыхъ преданій. Благодаря нивелирующему духу XVIII вѣка, этихъ причинъ для континента Европы не существуетъ. А между тѣмъ сколько насильственныхъ реформъ воспитанія

совершилось, напримѣръ въ Россіи, на глазахъ текущаго поколѣнія!

Но, не смотря на всѣ правительственные заботы объ общественномъ воспитаніи въ XVIII и XIX вѣкѣ, наши школы понизились до уровня посредственности. Весь протекціонизмъ государства не могъ создать національной семьи ученыхъ, не могъ обезпечить русскіе университеты полнымъ комплектамъ русскихъ профессоровъ, не могъ выдвинуть впередъ ни одного русскаго учебнаго заведенія, которое освободило бы (по крайней мѣрѣ достаточную часть общества) отъ необходимости ощупью рѣшать вопросъ: гдѣ, по какой системѣ, воспитывать своихъ дѣтей?

Причину всѣхъ этихъ неудачъ, надо искать въ нашей самонадѣянности, въ томъ, что мы слишкомъ смѣло брали на себя трудъ руководить теченіемъ народной жизни, вмѣсто того, чтобы руководиться этимъ теченіемъ. Отъ метода противуположнаго надо ожидать лучшихъ результатовъ. Вотъ почему мы желаемъ, чтобы каждому учебному заведеніи было предоставлено какъ можно болѣе самостоятельности. Пусть каждое изъ нихъ, свободно развиваясь подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, выработаетъ свою педагогическую систему, свои

преданія, свой нравственный духъ и войдетъ въ самую тѣсную связь съ мѣстными семейными интересами. Примѣры такой самостоятельности учебныхъ заведеній представляетъ намъ Англія. Только при этихъ условіяхъ можетъ родиться преемственная связь между воспитанниками, чувство уваженія и любви къ школѣ и эти историческія воспоминанія, которыя придаютъ училищу, какъ юридическому лицу, физіономію, блескъ и нравственный авторитетъ. Бюрократія не можетъ создатъ ничего подобнаго....

Послѣ всего высказаннаго нами выше, трудно отвѣчать на вопросъ: на сколько нашъ новый учебный уставъ удовлетворяетъ идеалу самостоятельной школы?

Откровенно сознаемся, что недостатокъ самостоятельности школъ составляетъ, по нашему мнѣнію, едва ли не самое слабое мѣсто новаго устава.

Эта несамостоятельность двухъ родовъ. Во первыхъ, гимназія несамостоятельна извнѣ, отъ общихъ заботъ о народномъ просвѣщеніи. Во вторыхъ, она несамостоятельна внутри, потому что единственнымъ ручательствомъ ее благосостоянія является личность директора, рядомъ съ которой мы не видимъ нравственно-

самостоятельной школьной корпораціи, представляющей несравненно болѣе задатковъ исторической послѣдовательности и долговѣчности, чѣмъ самый геніальный директоръ.

Крайняя зависимость школы отъ общаго административнаго направленія совершенно ясно опредѣлена 13 § новаго устава: „директоръ гимназіи и инспекторы гимназій и прогимназій избираются попечителемъ учебнаго округа и утверждаются въ должностяхъ: первый министромъ просвѣщенія, а послѣдній попечителемъ учебнаго округа“.

Чтобы деликатно избавиться отъ неспособныхъ чиновниковъ въ одномъ вѣдомствѣ была принята, въ прежнее время, метода протежировать этихъ чиновниковъ по учебному вѣдомству. Одинъ изъ такихъ protégé получилъ мѣсто директора гимназіи! Но, положимъ, такія протекціи выводятся изъ употребленіи. За то остается другая опасность. Самъ попечитель округа, по собственному увлеченію, совершенно неумышленно, можетъ ошибиться въ человѣкѣ.

Надобно замѣтить, что назначеніе людей въ педагогическія должности вообще сопряжено съ бо́льшими затрудненіями, чѣмъ всѣ другія назначенія. Профессора можно назначить потому таланту который онъ высказалъ въ своихъ уче-

ныхъ изысканіяхъ, за техниковъ говоритъ спеціальный экзаменъ, за чиновника — пройденная служба; но какъ опредѣлить нравственную высоту человѣка вызывающаго въ воспитанникѣ чувство инстинктивнаго довѣрія, какъ угадать этотъ педагогическій тактъ, эту безкорыстную преданность дѣлу, эту умѣніе разбудить чувства совѣсти и чести и проч. и проч. Все это замѣчается не во время кратковременныхъ посѣщеній гимназій округа и не изъ оффиціальныхъ бумагъ. Для всего этого мало, чтобы человѣкъ „бросился въ глаза“, мало даже хорошего отчетливаго преподаванія. Кстати замѣтимъ, что самъ Арнольдъ, знаменитый начальникъ школы въ Ригби, былъ долго незамѣченнымъ педагогомъ..

Въ дѣлѣ воспитанія ничто не дѣлается мгновенно, по вдохновенію, а потому и выборъ воспитателей едва ли можетъ быть сдѣланъ удачно, если единоличныя назначенія властью попечителя, безъ участія мѣстнаго заинтересованнаго элемента — гимназической корпораціи — будутъ приняты за общее правило.

И такъ государство, по новому уставу, оставляя исключительно за собой (въ лицѣ попечителя округа и министерства народнаго просвѣщенія) прерогативу повсемѣстнаго назна-

ченія директоровъ учебныхъ заведеній, предприняло, по нашему мнѣнію, задачу, далеко превышающую его средства.

Это не значитъ чтобы право назначать директоровъ учебныхъ заведеній было вообще несовмѣстно съ властью государства. Мы говоримъ только, что обязанность выбрать способныхъ директоровъ для всѣхъ учебныхъ заведеній не только Россіи, но вообще всякаго значительнаго государства, рѣшительно превышаетъ силы каждаго правительства.

Второй родъ несамостоятельности — отсутствіе корпоративности въ устройствѣ учебныхъ заведеній — парализируя какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю жизнь нашей школы, дѣйствуетъ еще болѣе разрушительно на ее будущее развитіе.

Съ перваго взгляда воспитаніе является исключительнымъ дѣломъ одного руководящаго лица. Русскій умъ очень мѣтко выразилъ это мнѣніе пословицей: „у семи нянекъ дѣти безъ глазъ“. Этимъ кажущимся свойствомъ воспитанія объясняется обширная власть предоставляемая директорамъ почти всѣхъ воспитательныхъ учебныхъ заведеній.

Но, на самомъ дѣлѣ, воспитаніе, менѣе чѣмъ что нибудь можетъ быть названо дѣломъ од-

ного лица. Head-master англійскихъ школъ, не смотря на все свое полновластіе, является не болѣе, какъ однимъ изъ недолговѣчныхъ органовъ, того сложнаго и долговѣчнаго организма, который не умираетъ вмѣстѣ съ директоромъ, воспитательное вліяніе котораго дѣйствуетъ помимо его вліянія и безъ котораго личность директора является совершенно безпомощной и безсильной. Этотъ организмъ — школьная корпорація, сама школа.

Словомъ „корпорація“ мы обозначаемъ не одно только собраніе лицъ признанныхъ оффиціальными дѣятелями воспитанія, но всю совокупность обстановки имѣющій вліяніе на общественное воспитаніе. Слѣдовательно корпорацію школы составляетъ, группировка предметовъ одушевленнаго и неодушевленнаго міра, проникнутыхъ одной руководящей идеей и ведущей къ одной общей цѣли — воспитанію въ извѣстномъ духѣ.

Католицизмъ достигаетъ этого гармоническаго единства, соединяя задачу воспитанія съ существованіемъ нѣкоторыхъ монашескихъ орденовъ. Что то великое, въ этомъ полномъ самопожертвованіи на пользу ближняго, въ отрѣченіи отъ личныхъ взглядовъ во имя высшей идеи, отъ личной самостоятельности для

достиженія общихъ цѣлей ордена. Можно не соглашаться съ пріемами ихъ воспитанія, можно отвергать ихъ пониманіе задачи человѣческаго развитія, можно презирать и гнушаться ихъ тайными цѣлями, но нельзя не благоговѣть предъ самопожертвованіемъ ордена, нельзя не уважать въ немъ способности дружнаго дѣйствія. Къ сожалѣнію эта колосальная сила теряется совершенно безполезно для человѣчества. Извѣстно что монашескій орденъ воспитываетъ юношество не для него самаго, не для семьи, не для общества .... Такое естественное воспитаніе противурѣчило бы всей сущности монашескихъ учрежденій. Онъ воспитываетъ молодое поколѣніе для католицизма, для послушанія ордену, на службу какой нибудь предвзятой идей .... Католическій орденъ не можетъ воспитывать иначе, потому что самъ орденъ есть результатъ предвзятой идеи уносящей его въ другой міръ, къ другому міросозерцанію. Путемъ этого католическаго воспитанія, вольномыслящая, полупротестантская Польша первыхъ двухъ Сигизмундовъ превратилась въ фанатическую Польшу Сигизмунда III и Владислава. Этимъ же путемъ Испанія побѣдившая мавровъ и открывшая Америку обратилось въ Испанію изгнавшую мавровъ, инкви-

зиціонную, полудикую. Даже народу-врагу нельзя пожелать этакого воспитанія!

Школьныя корпораціи устроены на совершенно другихъ началахъ въ протестантской Англіи. Онѣ вполнѣ отданы англійскому міру и каждая изъ нихъ держится тѣми же принципами, какъ и цѣлая Англія. Одаренная привычкой самоуправленія, поставленная подъ контроль общественнаго мнѣнія и поддерживаемая всей нравственной силой англійской церкви, она является вполнѣ англійскимъ учрежденіемъ, предназначеннымъ для того, чтобы воспитывать гражданъ для Англіи. Разберемъ каждое изъ этихъ основаній англійской школьной корпораціи.

По видимому Англія обезпечила свои училища людьми посвятившиму себя общественному воспитанію тѣмъ же путемъ, какъ и строгій католицизмъ. Она облекла званіе учителя, званіемъ лица духовнаго. Вотъ слова доктора Визе по этому поводу: „въ Англіи не нужно теоретически доказывать необходимость союза Церкви со школой.... Большая часть служащихъ при public schools всегда принадлежали къ духовному званію и почти не слыхано, чтобы директоръ, какъ пастырь учительской и ученической общины, не имѣлъ церковнаго по-

священія. Исключеніе составляетъ, какъ мнѣ сказали, одинъ только Кемденъ, который, небудучи посвященъ въ духовное званіе былъ назначенъ королевою Елизаветою ректоромъ вестминстерской школы. Докторъ Арнольдъ въ Ригби, еще до принятія должности домашняго священника при школѣ считалъ себя настоящимъ законоучителемъ своихъ воспитанниковъ".

„Въ одномъ изъ своихъ писемъ докторъ Арнольдъ говоритъ, что сколько ему извѣстно, многіе въ Англіи не захотѣли бы сдѣлаться учителями, если бы въ тоже время не имѣли духовнаго званія. Это обясняется тѣмъ, что по понятіямъ англійскаго общества духовный имѣетъ право на большее уваженіе, нежели учителя наукъ. Не званіе учителя, а званіе духовнаго признается вообще въ Англіи to be the profession of a gentleman (занятіемъ джентльмена)....."

„И такъ почетъ заимствуемый школой отъ церкви доставляетъ нерѣдко въ Англіи лучшія силы учительскому званію. Достоинство духовнаго отца соединенное съ званіемъ учителя, составляетъ благородный мотивъ этой связи. Изъ обращенія съ учениками легко убѣдиться въ томъ, что многіе учителя-священники имѣ-

ютъ самое возвышенное понятіе о своемъ призваніи. Я читалъ письмо одного директора, который между прочемъ говоритъ: „не смѣю обѣщать, что въ моемъ заведеніи съ дѣтьми будутъ обращаться съ родительскою нѣжностью — никто не можетъ имѣть къ чужимъ дѣтямъ чувствъ отца и матери — но, какъ лицо духовное, я всегда питалъ къ своимъ воспитанникамъ, по крайней мѣрѣ, чувство ихъ крестнаго отцы, и считаю свою обязанностью пещись о нихъ такъ, какъ будто бы я дѣйствительно былъ въ числѣ свидѣтелей при ихъ крещеніи и какъ бы далъ за нихъ обѣтъ“. Это можно принять за убѣжденіе весьма многихъ учителей и за благотворное слѣдствіе ихъ духовнаго званія.“

„Если бы мы захотѣли (что впрочемъ легко сдѣлать) изъ случайныхъ мнѣній, заключающихся въ письмахъ доктора Арнольда, вывести родъ наставленія для учителей по его понятіямъ, или, вѣрнѣй, его идеалъ воспитателя, то нашли бы, что первое правило его состоитъ въ томъ, что учитель прежде всего долженъ быть рѣшительнымъ христіаниномъ, второе, что онъ долженъ умѣть держать себя съ достоинствомъ, какъ прилично истинному джентльмену. Уже послѣ этихъ необходимыхъ усло-

вій слѣдуютъ и основательное научное образованіе, и ученость, и способность учить ..... Объ учителѣ онъ выражается такъ: „я нуждаюсь въ человѣкѣ, который былъ бы христіаниномъ и джентльменомъ, человѣкомъ дѣятельнымъ, который обладалъ бы здравымъ смысломъ и понималъ бы дѣтей.“

(Какая противуположность — прибавимъ мы отъ себя — господствующему у насъ взгляду на званіе воспитателя. Мы прежде всего требуемъ отъ него учености, массы свѣдѣній и едва думаемъ объ остальномъ ....)

„Арнольдъ не допускаетъ и въ учителѣ истинно-мужественнаго характера безъ расположенія къ общественной дѣятельности: „вѣрно то, что чѣмъ дѣятельнѣй мой духъ и чѣмъ болѣе онъ работаетъ надъ великими нравственными и политическими вопросами, тѣмъ лучше для школы, ибо воспитаніе есть динамическій, а не механическій процессъ“. Любовъ къ общественной жизни въ школѣ и любовъ къ общественной жизни внѣ школы, должны идти у учителя рука объ руку. Арнольдъ „душевно преданный общественному благу, свободно мыслящій и принимающій сердечное участіе въ интересѣ, чести и славѣ общества, къ которому принадлежитъ“, не хочетъ имѣть товарищемъ

по службѣ человѣка принимающаго должность, „не входя тѣломъ и душей въ духъ національной англійской системы.“

(Къ сожалѣнію, въ Россіи найдется не много гимназій, съ такимъ единствомъ патріотическихъ убѣжденій и такимъ искреннимъ сочувствіемъ политическому прогрессу, какого требуетъ Арнольдъ. А безъ всего этого никогда не можетъ установиться національная система воспитанія ....)

„Величайшее вліяніе на воспитанниковъ докторъ Арнольдъ производилъ своимъ характеромъ. Вся личность его служила для нихъ неодолимымъ призывомъ къ подражанію его жизни. Имъ казалось при этомъ, что онъ видитъ сокровеннѣйшее въ сердцѣ каждаго, въ его же сердце они видѣли одну неусыпную заботливость о ихъ благополучіи. Они чувствовали что какъ истинный воспріемникъ отъ купели онъ поминаетъ ихъ въ своихъ молитвахъ и болѣе всего печется о ихъ вѣчномъ блаженствѣ. Все его существо было проникнуто духомъ истиннаго христіанина. Въ обыкновенномъ обхожденіи онъ даже рѣдко говорилъ съ своими воспитанниками о религіи: она была начальной нотой его сердца, чудно гармонировавшей съ идеей добра и съ юно-

шескимъ настроеніемъ его духа, которое онъ сохранилъ до преклонныхъ лѣтъ. Безъ этой задушевной веселости и способности симпатизировать такимъ веселымъ существамъ, какими естественно бываютъ мальчики, ни одинъ учитель, думалъ онъ, не пріобрѣтетъ сочувствія юношества, такъ что Арнольдъ совѣтовалъ иногда молодымъ людямъ, которые высказывали излишную строгость и серьезность характера, усвоенныя ими въ Оксфордѣ отказаться отъ званія учителя или воспитателя."[1]

И такъ въ католицизмѣ Церковъ воспитываетъ людей для предвзятой идеи, въ англійской школѣ она воспитываетъ ихъ для страны. Благодаря своему вполнѣ-гражданскому положенію Англиканская Церковь обезпечиваетъ англійскому юношеству хорошихъ воспитателей, а странѣ хорошихъ гражданъ.

Нельзя не пожелать и для Россіи тѣхъ же отношеній Церкви къ школѣ, которые такъ хорошо установились въ Англіи и нельзя не сознавать, что союзъ господствующій Православной Церкви съ русской школой и союзъ русской школы съ господствующей Церковью

[1] Визе — Нѣмецкія письма объ англійскомъ воспитаніи, стр. 130 и 133.

составляетъ для насъ не роскошь, но существенную необходимость. Хаосъ и безпрестанныя перемѣны въ системѣ нашего общественнаго воспитанія начинается съ того времени, когда XVIII вѣкъ насильственно передѣлалъ наши древнія, общеобразовательныя церковно-гражданскія школы, служившія всѣмъ классамъ общества, въ двѣ параллельныя системы воспитанія: дворянскую и духовную. Общее недовольство этими обоими системами воспитанія и безпрестанныя въ нихъ перемѣны ясно доказываютъ несостоятельность современнаго раздѣленія училищъ на свѣтскія и духовныя. Обѣ категоріи одинаково недостигаютъ общихъ цѣлей воспитанія и одинаково ненародны.

Вправѣ ли мы предпринимая у себя какую нибудь педагогическую реформу оставить безъ вниманія указанія нашего собственнаго историческаго опыта? Можемъ ли мы, хотя бы и временно, оправдывать это печальное раздвоеніе нашего общественнаго воспитанія, однимъ только современнымъ уравнемъ образованія нашего духовенства и недавно сложившимися общественными отношеніями, поставившими наше духовенство въ такое невыгодное положеніе относительно другихъ классовъ общества? Положемъ что степень развитія и матеріальное

положеніе массы современнаго духовенство не позволяютъ расчитывать на то, что въ немъ, тотчасъ же, наши школьныя корпораціи найдутъ источникъ своего обновленія. Но зачѣмъ расчитывать на массу, когда можно ограничиться на первый разъ выборомъ лицъ? Зачѣмъ раздѣляя духовное воспитаніе отъ свѣтскаго лишать нашу общерусскую школу одного изъ ее жизненныхъ элементовъ? Скажемъ болѣе — зачѣмъ лишать ее будущности?

Откладывая неизбѣжное соединеніе духовныхъ и свѣтскихъ училищъ въ одномъ общерусскомъ воспитаніи мы не можемъ оправдать себя современнымъ положеніемъ массы православнаго духовенства. Было время, когда и масса англиканскаго духовенства находилась въ тѣхъ же отношеніяхъ къ англійскому gentry. Отъ насъ зависитъ продолжать въ русскомъ обществѣ эти отношенія во имя какой нибудь „необходимости“ или выйти на прямую дорогу Но извѣстно, что законъ необходимости не есть наилучшій изъ законовъ.

И такъ русская школа прежде всего должна опираться на Православную Церковь, на ее лучшихъ гражданскихъ инстинктахъ, корпорація школы должна найти свое дополненіе въ великой церковной корпораціи. Этотъ союзъ,

съ одной стороны поднялъ бы значеніе Православной Церкви, сдѣлалъ бы наше духовное сословіе осязательнымъ дѣятелемъ на пользу общую, возвысилъ бы его и въ собственныхъ глазахъ, и въ глазахъ человѣчества; съ другой стороны онъ освятилъ бы нашу школу, далъ бы ей болѣе русское народное значеніе.

Намъ могутъ возразить, что такое соединеніе духовнаго воспитанія съ свѣтскимъ и, вообще, такое непосредственное участіе духовенства въ организаціи учебныхъ заведеній, создало бы у насъ клерикальную партію и, подобно тому, какъ это случилось во многихъ католическихъ странахъ, могло бы сдѣлать наше народное воспитаніе одностороннимъ и подчинить его какой нибудь внѣшней цѣли не согласной съ общими русскими интересами. Но возможна ли у насъ вообще партія духовенства? Русскій народъ стоитъ не за духовенство, но за принципъ православія какъ выраженіе извѣстнаго политическаго и общественнаго принципа имѣющаго великое значеніе въ свободномъ развитіи человѣческаго духа. Русское духовенство стоитъ за русскій народъ какъ за храмъ этого принципа. Но православіе никогда не было и не будетъ дѣломъ партіи или, вообще, дѣломъ какой нибудь искус-

ственной, іерархической организаціи, основанной на иллюзіяхъ боязливаго человѣческаго ума и средневѣковыхъ преданіяхъ. Его основной принципъ держится самъ собой, своей внутренней, неотъемлемой у всякой общественной истинѣ, силой. Эта внутренняя устойчивость принципа объясняетъ намъ почему, не смотря на все прошедшее и настоящее зло нашего церковнаго устройства, не смотря на свою временную дезорганизацію, не смотря на всѣ перемѣны обстоятельствъ, православные инстинкты человѣческаго ума выдержали борьбу съ католической партіей, всегда опирающейся на свѣтскую власть, превосходно организованной и не слишкомъ разборчивой въ средствахъ.

Современное образованное общество едва ли умѣетъ цѣнить по достоинству и пользоваться тѣмъ прекраснымъ качествомъ нашего духовенства, что оно не имѣетъ и не можетъ имѣть никакихъ исключительно церковныхъ интересовъ и стремленій; что оно всецѣло отдано духовному развитію того народа, среди котораго ему приходится дѣйствовать. Эта черта рѣзко и навсегда отличила его отъ духовенства католическаго, которое не можетъ не дѣйствовать въ совершенно противуположенномъ духѣ. Въ государствѣ политическомъ

видимомъ папизмъ составляетъ всегда свое собственное, хотя и незамѣтное съ перваго взгляда, государство. Католическое духовенство всегда до самоуничтоженія подчиняется его интересамъ и замысламъ и иногда готово поддерживать ихъ ко вреду своей родины. Духовенство Италіи оказало самое сильное сопротивленіе дѣлу италіянской независимости, именно потому, что эта независимость противурѣчила мірскимъ интересамъ Ватикана.

Но никогда и никто не могъ упрекнуть массу православнаго духовенства въ подобныхъ противуобщественныхъ стремленіяхъ. Оно никогда не теряетъ сознанія своей гражданской связи съ остальными соотечественниками и, подобно протестантскому духовенству, можетъ служить органомъ общественнаго развитія на началахъ вполнѣ народныхъ, подъ знаменемъ народной самобытности.

Кромѣ Церкви англійская школьная корпорація опирается еще на два могучіе элемента мѣстной жизни: силу общественную и силу самоуправленія.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что никакія педагогическія системы и никакіе педагоги не будутъ достаточны, до тѣхъ поръ, пока общественная и политическая жизнь народа не бу-

детъ заключать въ себѣ элементовъ здороваго воспитанія. Въ Турціи нельзя получить воспитаніе англійскаго гражданина не смотря на учителей англичанъ. И потому, мы считаемъ однимъ изъ основныхъ элементовъ англійской школы ее открытость для всѣхъ сословій, свободную жизнь учениковъ и контроль общественнаго мнѣнія. Послѣднее проявляется преимущественно въ учрежденіи попечительствъ (trustees), которыя занимаются экономическими дѣлами заведенія, приглашаютъ учителей, выбираютъ иногда директора и вообще заботятся о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи школы, и такъ называемомъ fellowship. „Какъ велика честь быть fellow," говоритъ докт. Визе, „показываетъ постоянное упоминаніе при имени и титулѣ давно вышедшихъ сочленовъ: late fellow of ..... Такимъ образомъ университеты могутъ расчитывать не только на привязанность къ себя студентовъ получившихъ ученую степень, и перешедшихъ потомъ къ жизни самостоятельной, но и на сочувствіе цѣлаго сонма мужей занимающихъ общественныя должности и обязанныхъ своимъ образованіемъ преимущественно одному изъ отечественныхъ университетовъ." Во время преній объ университетахъ въ Нижнемъ Парла-

ментѣ докт. Визе имѣлъ случай убѣдиться, какъ крѣпка эта связь, и какой обширный кругъ она охватываетъ[1].

Такимъ образомъ въ Англіи трудно опредѣлить, гдѣ кончается корпорація школы и гдѣ начинается собственно общество и общественная дѣятельность. Едва ли не вѣрнѣй предположить, что весь передовой и наиболѣе образованный классъ англійскаго общества или легально (попечительство) или нравственно (fellowship) входитъ въ составъ школьной корпораціи. Школа живетъ общественной свободой. Въ замѣнъ этого общественная свобода преемственно поддерживается школой. Атмосфера школы есть продолженіе той же атмосферы, которою дышетъ образованное общество и вся страна. При этихъ условіяхъ воспитаніе не можетъ быть ненароднымъ; его результаты не могутъ быть неконсервативными; его духъ непатріотическимъ.

Чтобы еще болѣе убѣдиться въ той круговой порукѣ, которая существуетъ между англійской школой и англійской жизней, мы приведемъ еще одинъ примѣръ. Извѣстно что англійское общество привыкло обходиться своими

[1] Визе — Нѣмецкія письма объ анг. восп., ст. 87.

средствами. Страна self-governementa имѣетъ очень мало чиновниковъ; но въ минуту опасностей каждый англичанинъ дѣлается констеблемъ и заботится о поддержаніи порядка и общественнаго спокойствія. Подобныя факты удивившіе Европу въ 1848 г. (по поводу демонстраціи чартистовъ) становятся менѣе изумительнымъ, если мы обратимъ вниманіе на аналогическое явленіе въ жизни англійской школы. Опять выписывая изъ сочиненія докт. Визе. „Въ англійскихъ школахъ недостатокъ надзора не такъ великъ, какъ кажется съ перваго взгляда. Высшій классъ всѣхъ этихъ заведеній, называемый обыкновенно шестымъ, sixth form, даетъ каждому, кто въ него вступаетъ званіе сеніора и налагаетъ на него обязанности съ этимъ званіемъ неразлучныя. Только пятый классъ, fifth form, находится внѣ его контроля, но за то и не имѣетъ съ своей стороны никакой власти надъ низшими классами. Такъ какъ въ шестой классъ переводятся только надежные воспитанники, то начальство можетъ съ увѣренностью полагаться на ихъ содѣйствіе къ поддержаніи дисциплины и докт. Визе находитъ, что воспитанники шестого класса считаютъ вообще дѣломъ чести не употреблять во зло этого довѣрія.“

„Съ перваго взгляда отношенія сеніоровъ къ своимъ младшимъ товарищамъ, вслѣдствіе системы такъ называемаго послушничества (fagging-system) кажется жесткимъ. Каждый сеніоръ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одного послушника (fag), т. е. младшаго ученика, который служитъ у него на побѣгушкахъ, исполняетъ, что ему сеніоръ приказываетъ и проч. Но я всегда находилъ, что младшіе съ охотою приводили въ порядокъ книги старшихъ, убирали ихъ платья и т. п. и если мой проводникъ спрашивалъ у нихъ „чей ты послушникъ?“, то мальчикъ всегда произносилъ имя своего сеніора съ веселымъ и довольнымъ лицемъ: видно было, что онъ прислуживалъ ему съ удовольствіемъ. Такъ же убѣдился я что младшіе дорожатъ своими отношеніями къ старшимъ, потому что послѣдніе защищаютъ ихъ, какъ патроны своихъ кліентовъ и, при всякомъ случаѣ, оказываютъ имъ свое содѣйствіе.

„Послѣ этого, продолжаетъ докторъ Визе понятно почему Арнольдъ имѣлъ полное право сказать: если я могу положиться на мой шестой классъ, то я совершенно спокоенъ.“[1]

Безъ сомнѣнія fagging-system въ дурно-

[1] Визе — Нѣм. письма объ анг. восп., стр. 19.

устроенной школѣ можетъ повести къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ. Но тамъ, гдѣ старшій и младшій классы раздѣлены только нѣсколькими семестрами, гдѣ слѣдовательно между ними существуютъ товарищескія отношенія, гдѣ общественное мнѣніе такъ сильно, что только нравственныя достоинства могутъ дать званіе сеніора, fagging-system можетъ принести огромную пользу пріучая старшій классъ пользоваться довѣріемъ, возбуждая въ немъ чувство личной чести и сознаніе своего гражданскаго долга и давая младшимъ воспитанникамъ цѣлый классъ товарищей-руководителей, а главѣ школы — многочисленныхъ помощниковъ въ дѣлѣ воспитанія. Школа построенная на этомъ началѣ по необходимости должно воспитывать въ характерѣ если не достоинства, то предразсудки джентльмена.

Эту аналогію между англійской школой и англійскимъ общественнымъ духомъ можно заключить слѣдующимъ отрывкомъ изъ романа Дикенса: „каждый изъ насъ (учениковъ) чувствовалъ себя участникомъ въ славѣ заведенія (management of the place) и въ поддержаніи его характера и достоинства“[1].

[1] Copperfield, vol. I, ch. XVI.

И такъ общественное воспитаніе Англіи опирается на всѣхъ наиболѣе англійскихъ элементахъ: Церкви, внѣшнемъ вліяніи общества и внутреннемъ самоуправленіи. Если бы случайно поколебался одинъ элементъ, другіе будутъ имѣть достаточно силы для того, чтобы противудѣйствовать упадку и поддержать школьную корпорацію. Только въ такомъ видѣ школы и общественное воспитаніе могутъ быть охранителями народности и общественнаго спокойствія.

Напрасно приписываютъ одному только островскому положенію Англіи свободное и послѣдовательное развитіе ее учрежденій. Для англійскаго народа и англійской народности школы и воспитаніе составляютъ другой La Manche въ продолженіи вѣковъ ревниво оберегавшій ее духовную самостоятельность.

На чемъ же, на какихъ элементахъ нашей народной жизни будетъ основана у насъ школьная корпорація? Неужели же одна личная распорядительность директора, можетъ замѣнить сочитаніе нравственныхъ силъ Церкви, общества, самой школы? Неужели въ личности директора, издалека назначаемаго министерствомъ, будетъ заключаться у насъ будущность школьной корпораціи и общественнаго воспитанія?

Къ сожалѣнію перечитывая новый уставъ, мы не нашли въ немъ ничего, что могло бы ручаться за корпоративную автономію нашихъ воспитательныхъ учебныхъ заведеній, ничего, что вызывало бы сочувствіе и участіе внѣшнихъ общественныхъ силъ въ жизни и дѣятельности школы. Мало того, что наши гимназіи поставлены въ совершенную зависимость отъ всѣхъ случайныхъ направленій временно входящихъ въ составъ государственной администраціи, но внутри самой школы не создается ничего, кромѣ абсолютизма директорской власти. Всѣ второстепенныя лица входящіе въ составъ гимназическаго начальства избираются непосредственно директоромъ изъ лицъ способныхъ и имѣющихъ на то право. Имъ же они представляются къ увольненію отъ должности (§ 17 уст.). Въ случаѣ несогласія директора съ мнѣніемъ педагогическаго совѣта директоръ представляетъ объ этомъ попечителю учебнаго округа на разрѣшеніе, а если дѣло не терпитъ отлагательства, то исполняетъ оныя по собственному убѣжденію и немедленно доноситъ о своемъ распоряженіи попечителю (§ 20). Вотъ тѣ немногія правила, которыя служитъ основаніемъ всей будущей организаціи нашихъ школъ. При благопріятныхъ обстоя-

тельствахъ правила эти могутъ установить въ гимназіяхъ болѣе или менѣе порядка, но ихъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы дать русскому народу, въ русскихъ школахъ, прочныя основанія его нравственной жизни и послѣдовательнаго развитія; для того, чтобы гарантировать воспитанію право быть независимымъ отъ всевозможныхъ увлеченій; для того, чтобы поддержать индивидуальную дѣятельность директора одною изъ тѣхъ стихійныхъ силъ, которыя вліяютъ болѣе всякого индивидуальнаго лица. Эту собирательную силу въ дѣлѣ воспитанія составляютъ школьныя корпораціи, въ самомъ широкомъ, англійскомъ, значеніи этого слова, т. е. корпораціи организованныя при участіе Церкви, вліяніи передоваго класса общества и внутреннимъ самоуправленіи.

Послѣдствіемъ этого отсутствія корпоративнаго начала въ организаціи нашего общественнаго воспитанія будетъ то, что всякая гимназія, въ своихъ учителяхъ будетъ имѣть людей менѣе преданныхъ своему дѣлу и менѣе довольныхъ своимъ положеніемъ. Отношеніе дѣятелей къ задача воспитанія и служебныя перспективы будутъ совершенно чиновничьи. Самостоятельное развитіе учебнаго заведенія,

существованіе его въ формѣ юридическаго лица, сознающаго свою нравственную задачу, свое point d'honneur и свою коллективную отвѣтственность передъ обществомъ, становится немыслимо.

Можно предвидѣть, что при этихъ условіяхъ, наше общественное воспитаніе не уйдетъ далеко и его отношеніе къ будущимъ поколѣніямъ, едва ли не будетъ опредѣлено тѣми же недостатками, которые вызвали многія педагогическія реформы совершенныя на нашихъ глазахъ: бѣдностью воспитывающихъ элементовъ, непрочностью основъ и совершенно случайнымъ выборомъ лицъ и направленій.

Мы неизбѣжно приходимъ къ такому заключенію: развитіе нашей педагогіи должно заключаться не въ подражаніи иностраннымъ образцамъ и не въ стараніи прислушаться къ ходячимъ мнѣніямъ Европы, но въ твердомъ и неуклонномъ стремленіи выработать національную систему общественнаго воспитанія.

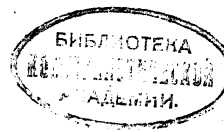
Не слѣдуетъ однако предрѣшать въ подробностяхъ вопросъ о томъ, въ чемъ должна заключаться эта народность нашего общественнаго воспитанія. Можно найти много частныхъ

недостатковъ въ устройствѣ того или другого учебнаго заведенія, на многое можно смотрѣть съ произвольной точки. И потому нельзя сомнѣваться въ томъ, что для достиженія народности въ дѣлѣ воспитанія, недостаточно самыхъ подробныхъ и обдуманныхъ опредѣленій закона и самаго безъукоризненнаго гуманизма сочиняемыхъ въ кабинетѣ уставовъ. Было бы слишкомъ ненародно, создавать модель „народности“ для русской школы....

Но нашъ вѣковой историческій опытъ можетъ привести насъ къ одному, правда немногосложному, но совершенно положительному выводу — никакія педагогическія комбинаціи, никакія улучшенія въ обстановкѣ, преподаваніи и распредѣленіи уроковъ не могутъ замѣнить двухъ условій существенно необходимыхъ для жизни русской школы: ее корпоративной самостоятельности подъ высшимъ контролемъ Земства и Государства и тѣснаго союза съ Православной Церковью. Первое возбудитъ въ ней струю свободной исторической жизни и неразлучнаго съ ней стремленія къ самосовершенствованію. Въ энергіи корпоративныхъ учрежденій заключается неистощимый запасъ народныхъ силъ, отвергаемый до сихъ поръ, но готовый сдѣлаться „главою угла“.

Второе не только сольетъ наше общественное воспитаніе со всей массой духовной жизни народа, но подниметъ его на уровень міроваго значенія неотъемлемо принадлежащаго Восточному Исповѣданію. Оставаясь чисто русскимъ, наше общественное воспитаніе могло бы тогда опереться на великое историческое начало сочетавшее строгость религіознаго догмата съ свободой религіозной и политической и полное уваженіе церковнаго и государственнаго преданія съ широкими началами раціонализма.

КОНЕЦЪ.

Dresde, imprimerie E. Blochmann et fils.